Воспоминанія Анны Козьминичны Лелонгъ

I.

Мое дѣтство и моя семья.

Родилась я въ старинной дворянской семьѣ, живущей постоянно въ деревнѣ въ своемъ небольшомъ родовомъ имѣніи Карцовѣ, Рязанской губерніи. Мать моя, Людмила Павловна, урожденная Селиванова, поздно вышла замужъ за моего отца Кузьму Ивановича Соловова, бѣднаго смоленскаго дворянина. Состояніе моего дѣда по отцу, Ивана Степановича Соловова, было разорено въ 12-мъ году во время нашествія французовъ. Отецъ мой 16-ти лѣтъ былъ опредѣленъ юнкеромъ въ Украинскій полкъ; уходя изъ дома мой дѣдъ могъ дать ему на дорогу только 3 рубля, что тогда считалось на ассигнаціи 10 руб. 50 коп.; изъ этихъ денегъ мой отецъ въ Кіевѣ купилъ молитвенникъ, хранимый мной и въ настоящее время. Въ концѣ 30-хъ годовъ проводилось шоссе отъ Москвы до Рязани. Украинскій полкъ назначенъ былъ на производство этихъ работъ. Это было великое событіе для того времени, когда наше глухое мирное мѣстечко, оживилось съ приходомъ Украинскаго полка. Маіоръ этого полка квартировалъ въ Карцевѣ въ домѣ тогда еще бывшей въ живыхъ моей бабушки Анны Ѳоминичны, урожденной Колимпиной; она очень рано вышла замужъ за моего дѣда Павла Петровича Селиванова, имѣла много дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остались только двѣ дочери: Александра Павловна, самая старшая изъ дѣтей, и самая младшая—моя мать Людмила Павловна. Отецъ мой, бывшій Казначеемъ въ Украинскомъ полку, тоже имѣлъ квартиру въ Карцевѣ у одного крестьянина, часто бывалъ въ домѣ моей бабушки и въ концѣ работы шоссе, посватался за мою мать, которая считала себя уже старой дѣвой и не думала выходить замужъ. Ей было въ то

время 33 года; а отцу моему 28 лѣтъ, но жена маіора, какъ то сумѣла уговорить мою бабушку и мать, и свадьба состоялась въ 1837 году 5-го сентября. Полкъ ушелъ, а отецъ мой вышелъ въ отставку и остался полнымъ хозяиномъ въ домѣ моей бабушки, которая была въ это время очень слабая и больная старушка. Вскорѣ послѣ брака моей матери она скончалась, въ 38-мъ году, дождавшись перваго внука, который умеръ вскорѣ послѣ своего рожденія.—И вотъ семья моей матери, когда родилась я, состояла изъ трехъ лицъ: моей тети Александры Павловны, моего отца Косьмы Ивановича и моей матери Людмилы Павловны. Эти три лица были связаны горячей привязанностью другъ къ другу. Я въ дѣтствѣ не помнила ни одной ссоры, ни одной размолвки между ними, и хотя Карцево принадлежало моей тетѣ, но это было только извѣстно по документамъ: она своихъ правъ на владѣніе никогда не заявляла, всѣмъ завѣдывалъ мой отецъ и все хозяйство было въ его рукахъ. Кромѣ Карцева у насъ еще было въ 7-ми верстахъ имѣнія Борислово, и Подосинки, между Борисловомъ и Карцевымъ. Домашнимъ хозяйствомъ больше занималась моя мать. Тетя моя была нашимъ добрымъ геніемъ. Она, некрасивая собой, никогда никакой привязанности не имѣла, кромѣ какъ къ семьѣ своей младшей сестры и моей матери, которую она обожала; она была старше ея на 10 лѣтъ. Что это за золотое сердце моей тети! Она никогда не пользовалась своими правами владѣлицы имѣнія. У ней былъ какой то столяръ, который ходилъ на оброкѣ, какъ говорилось тогда при крѣпостномъ правѣ, жилъ въ Москвѣ и платилъ въ годъ 75 рублей оброка и, вотъ эти деньги были ея личнымъ доходомъ, который почти весь уходилъ на наши дѣтскія нужды и забавы. Маленькая, худенькая, она дѣлала себѣ въ годъ два платья: одно теплое зимнее и другое лѣтнее изъ очень тонкой англійской холстинки. Носила „замшевыя“ башмачки очень мягкіе, которые ей дѣлали свои крѣпостные башмачники. Были у нее, я помню, какія-то два шелковыя платья, которыя перешивались, передѣлывались и надѣвались въ самые торжественные дни; дома она всегда имѣла на головѣ бѣлый батистовый чепчикъ съ большой оборкой. Всегда кроткая спокойная, добрая, занятая работой, она вязала чудные узорчатыя чулки изъ тончайшей какъ паутина крученой бумаги; эта работа была замѣчательна по своему изяществу. Въ домѣ она занималась больше всего нами-дѣтьми. Любила и всегда сама разливала чай. Лѣтомъ варила съ помощью горничныхъ варенье, дѣлала разныя маринованья, соленья, наливки, какія то шипучія водицы; всего этого заготовлялось большое количество и наполнялись всѣ подвалы.—Но главное ея занятіе было наблюденіе за дѣвичьей, гдѣ семь а иногда и больше дѣвушекъ занимались

пряжей льна на самопрялкахъ. Пряжа эта была замѣчательно тонкая; изъ нея крѣпостные ткачи ткали прекрасныя полотна, скатерти, салфетки и полотенца. Лѣтомъ эти же дѣвушки плели кружева изъ самыхъ тончайшихъ нитокъ ими же напряденныхъ. Съ прислугой и вообще со всей нашей дворней она всегда обращалась кротко и любовно. Была очень разсчетлива и ея разсчетливость иногда доходила до скупости, надъ чѣмъ иногда мать и отецъ добродушно посмѣивались.—Мать моя была совсѣмъ иного характера, любимица семьи, красивая, живая, нервная, часто вспыльчивая, страдала припадками истеріи при сильномъ испугѣ и волненіи; ея сестра и мужъ берегли и любили ее безконечно, все въ домѣ жило для нея и все дѣлалось по ея желанію, все печальное отъ ней скрывали, а также и всѣ хозяйственныя неудачи и затрудненія, пока было возможно, тетя и отецъ улаживали безъ нея, и все худое отъ ней скрывали, чтобы не разстраивать ея. Это соблюдалось всѣми въ домѣ; всѣ ее баловали безъ конца. Насъ она, какъ я теперь помню, очень любила, но на дѣтей мало обращала вниманія и росли мы, хотя и въ одномъ домѣ, но далеко отъ нея. Настоящей нашей матерью баловницей была наша тетя, мы ее тормошили съ утра до ночи, она заботилась о насъ, не спала съ нами ночей, когда мы бывали больны. Мать моя была очень развитая женщина, много читала, знала всю русскую литературу того времени, любила стихи. Пушкина обожала, и всѣ его сочиненія у ней были списаны. „Евгенія Онѣгина“ она гдѣ то добывала прямо рукописью и списывала въ свои тетрадки, которыя и до сихъ поръ цѣлы у меня.—Отецъ мой былъ очень любимъ всѣми окружающими за доброту и честныя убѣжденія. Хозяинъ онъ былъ неутомимый, цѣлые дни проводилъ на воздухѣ и зиму и лѣто. Себѣ лично онъ не позволялъ никакой траты кромѣ необходимаго, но зная самъ нужду, никогда не могъ отказать тому, кто нуждался и послѣ его смерти остались за крестьянами небольшіе долги, которые моя мать не получила. Конечно, эта сумма была ничтожна, такъ какъ при ограниченныхъ средствахъ семьи многаго давать не приходилось.

Я родилась въ 1841-мъ году 23 января, сестра Настя родилась въ 1844 году 15 іюня, была у насъ еще маленькая сестра Саша, которая умерла отъ холеры 1848 году.—Съ этого года начинаются мои воспоминанія, вполнѣ ясныя и сознательныя. Помню, что въ этотъ годъ въ началѣ іюня, мы поѣхали погостить всей семьей въ Гремячево къ нашей крестной матери Аннѣ Васильевнѣ Звягиной,—поѣздка къ крестной матери была для насъ съ сестрой всегда большой радостью. Наша крестная была урожденная Селиванова. Имѣніе Гремячево было очень

красиво, окружено красивыми рощами. Кругомъ усадьбы было множество ключей, изъ которыхъ образовались цѣлыя озера прозрачной чудной воды, въ этихъ сажалкахъ, какъ ихъ называли, водились въ большомъ изобиліи налимы громадной величины, на горѣ за ключами былъ лѣсъ Валдай, очень красивый. Вся низина была покрыта незабудками, а въ лѣсу была масса ландышей, а въ августѣ тамъ въ изобиліи росли бѣлые грибы, изъ которыхъ въ Гремячевѣ дѣлали множество разныхъ запасовъ на зиму. Помню, что и намъ въ Карцево присылали огромныя банки маринованныхъ бѣлыхъ грибовъ, которые приготовлять моя крестная была большая мастерица. Семья моей крестной состояла изъ ея мужа Николая Ипполитовича, очень суроваго старика, съ большими сѣдыми усами; говорилъ онъ очень мало, видали мы его только за обѣдомъ, ужиномъ и чаемъ.—Мы, дѣти, его боялись. Моя же милая, дорогая крестная была вся любовь, свѣтъ и радость, она готова была все сдѣлать, чтобы порадовать насъ, дѣтей. Она много дѣлала добра, но мужъ ея, имѣя большія средства, былъ очень скупъ и давалъ ей на расходъ немного и она на себя тратила очень мало, ничего не носила кромѣ ситцевыхъ платьевъ, имѣя одно шелковое нарядное для торжественныхъ выѣздовъ. Я это одно ея платье и помню, оно много и много разъ перешивалось, но новаго никогда не дѣлалось. Крестная мать обладала очень значительными медицинскими познаніями, которыя получила отъ своего отца и нашего крестнаго Василія Павловича Селиванова, всегда жившаго въ своемъ родномъ имѣніи Любавѣ. Крестная мать лѣчила весь околодокъ, никому не отказывала въ своей помощи, часто на простой крестьянской телѣгѣ ѣздила за десятки верстъ къ больнымъ. У нея въ домѣ была своя аптека, которой могли позавидовать аптеки маленькихъ провинціальныхъ городовъ. У Звягиныхъ былъ сынъ Коля, нашъ сверстникъ по годамъ, котораго я до конца его жизни любила, какъ родного брата. Еще у нихъ въ домѣ на правахъ дочери, жила воспитанница, родственница Николая Ипполитовича, Алефтина Васильевна Исакова.—Ближайшимъ ихъ сосѣдомъ былъ Д. В. Григоровичъ, который въ своихъ сочиненіяхъ часто описывалъ эту мѣстность съ рѣчкой „Смедвой“, протекавшей въ Гремячевѣ, а также и въ имѣніи Григоровича. Мать его француженка Сидонія Петровна, была очень дружна съ Звягиными и часто у нихъ бывала. Д. В. Григоровичъ часто проводилъ лѣто въ деревнѣ у матери и у него въ деревнѣ былъ маленькій романъ съ воспитанницей Звягиныхъ Алефтиной Васильевной Исаковой; этотъ эпизодъ былъ полонъ деревенской идиліи, о которомъ Алефтина Васильевна сохранила на всю жизнь самыя свѣтлыя воспоминанія. Много лѣтъ спустя она вышла замужъ за Вьернклюндъ, студента шведа, и до конца своей жизни была нашей

сосѣдкой. Жила въ своемъ имѣніи Строиловѣ въ одной верстѣ отъ Карцева. Я съ ней была очень дружна, не смотря на очень большую разницу лѣтъ,—она была много старше меня.—Увлекшись воспоминаніями о Гремячевѣ и его обитателяхъ, я сдѣлала большое отступленіе отъ воспоминаній моего дѣтства, съ того года, который первый остался сознательно въ моей памяти. Итакъ, въ 1848 году мы всѣ, т. е. отецъ, мать и мы съ сестрой Настей (она была на три года моложе меня), въ первыхъ числахъ іюня пріѣхали въ Гремячево, погостить. Помню чудную погоду, садъ передъ домомъ, полный розъ и жасмина, прогулки въ Валдай цѣлой компаніей, ловлю налимовъ въ сажалкѣ; намъ дѣтямъ было очень весело. Но помню, большіе, когда мы съ ними были вмѣстѣ за обѣдомъ или ужиномъ, все говорили о какой-то страшной болѣзни, которая надвинулась на наши мѣста; всѣ ею были очень заняты и очень встревожены. И вотъ, въ одинъ день, когда всѣ спокойно сидѣли на крыльцѣ, подъѣзжаетъ запыленный и на замученной лошади нашъ Карцевскій прикащикъ Ѳеодоръ Ильичъ, братъ нашей няни, съ извѣстіемъ, что наша маленькая сестра Саша (родившаяся въ 46-мъ году) при смерти больна, и что у нашей сосѣдки, бѣдной дворянки Екатерины Осиповны Масловой умерло двое дворовыхъ людей въ одни сутки, такой же болѣзнію заболѣла и наша маленькая сестра. Мы сейчасъ собрались и уѣхали домой въ Карцево, въ страшной тревогѣ, съ матерью былъ истерическій припадокъ, ее едва усадили въ коляску. Разстояніе отъ Гремячева до Карцева было больше 40 верстъ. Мы всегда ѣздили на Зарайскъ, гдѣ кормили лошадей, помню пріѣхали домой вечеромъ, часовъ въ девять. Сестра Саша уже умерла и лежала въ залѣ, хорошенькая, бѣленькая какъ восковая кукла, въ своемъ нарядномъ платьицѣ; насъ скоро спровадили на верхъ въ наши комнаты. Больныхъ въ нашей дворнѣ оказалось уже много. Отецъ мой распорядился приготовить для больныхъ баню въ саду. Баня эта была большая, чистая, просторная, и мой отецъ съ помощью Ѳеодора Ильича все время ходилъ за больными. Докторовъ тогда кромѣ Зарайска не было, и тамъ кажется былъ только одинъ докторъ. Въ 10-ти верстахъ отъ насъ былъ вольно-практикующій докторъ, помѣщикъ Милогрядовъ, товарищъ моего отца. Онъ былъ военнымъ врачемъ, и такъ же, какъ и мой отецъ женился на барышнѣ помѣщицѣ и жилъ въ своемъ имѣніи „Плешни“, но у этого доктора въ имѣніи тоже была холера и была масса своихъ больныхъ. Къ намъ, я помню, часто пріѣзжалъ въ это время Василій Васильевичъ Селивановъ изъ Любавы, и онъ совѣтовалъ отцу, какъ лѣчить болѣзнь. Помню была въ ходу мята во всѣхъ видахъ. Всѣхъ, въ томъ числѣ и насъ, дѣтей, поили краснымъ церковнымъ виномъ, которое намъ очень нравилось. Больнымъ въ банѣ

во время судорогъ дѣлали горячія ванны подъ наблюденіемъ моего отца и кажется поили парнымъ молокомъ. Трое дворовыхъ умерли, но большая часть выздоровѣла, крестьянъ умерло, кажется, больше. Эпидемія продолжалась недѣли три.—8-го іюля съ праздника Казанской Божіей Матери, Чудотворная икона которой и до сихъ поръ хранится у насъ въ Карцевѣ, послѣ молебствія у насъ въ домѣ, никто холерой не заболѣвалъ и эпидемія окончилась.

Наша жизнь въ деревнѣ.

Нашъ старый домъ, въ которомъ я родилась, выросла и вышла замужъ, былъ выстроенъ моимъ дѣдомъ Павломъ Петровичемъ Селивановымъ. Незадолго до 12-го года, въ немъ отпраздновано было новоселье. Дѣдъ мой былъ большой эстетикъ, но средства у него были маленькія, и постройкой дома онъ ихъ еще больше разстроилъ. Домъ выстроенъ былъ такъ: средина дома была очень высока, въ ней помѣщалась большая зала съ балкономъ терассой, по бокамъ стеклянныя балконныя двери, съ каждой стороны было по два большихъ окна, съ боковъ залы были двѣ двери, одна вела въ прихожую или какъ тогда называли „лакейскую“. На противуположной сторонѣ была также дверь въ „дѣвичью“, но она всегда была наглухо затворена и заставлена столомъ. Въ этомъ же направленіи сбоку были еще двѣ маленькія двери, одна вела въ коридоръ и спальню матери, а другая въ столовую. Противъ балконной двери были большія створчатыя двери въ гостинную, въ которой тоже былъ балконъ въ садъ; по бокамъ балкона были огромныя „италіанскія“ окна, такъ, что почти вся наружная стѣна была стеклянная. Столовая и спальня были гораздо ниже среднихъ комнатъ; а также „лакейская“ и „дѣвичья“ тоже были ниже залы и гостинной, надъ этими комнатами съ каждой стороны было два верха или, какъ ихъ называли, „антресоли“. Эти верхнія комнатки съ южной стороны дома были прехорошенькія. Одинъ верхъ надъ спальней и дѣвичьей, состоящій изъ трехъ комнатъ,—среднюю называли прихожей, въ ней была лѣстница на чердакъ, лѣстница внизъ, окна въ садъ и большой деревянный ларь называемый „коникъ“, это была комната нашей няни. Вторую комнатку хорошенькую, уютную съ крошечнымъ балкономъ на дворъ, занимала наша тетя Александра Павловна, съ ней вмѣстѣ спала и я, въ этой комнаткѣ было всегда зимой очень тепло, была лежанка изъ пестрыхъ изразцовъ. Надъ моей кроваткой полочка съ образами и всегда горящей лампадой. Образа всѣ были очень старинные. Рядомъ съ лежанкой былъ мой шкапчикъ съ моими

любимыми вещами: куклами, книгами, картинками и коробочками, которыми я очень дорожила и любила. Съ другой стороны проходной комнаты, была такая же комнатка, въ которой спала сестра Настя. Сначала съ ней помѣщалась дочь моей няни, а потомъ наша гувернантка, въ этой комнатѣ было окно въ садъ и передъ нимъ столъ, на которомъ мы занимались, когда начали учиться. Эта комнатка также была очень удобна и уютна.—Съ другой стороны дома надъ столовой и прихожей былъ второй верхъ, состоящій изъ двухъ комнатъ, одна тоже съ балкончикомъ на дворъ. Въ этой комнатѣ въ стѣнѣ, ведущей въ другую комнату, были сдѣланы шкапы полные книгъ, эта комната и вообще этотъ верхъ во времена моего дѣтства назывался „кабинетомъ“; какъ говорили, это были комнаты моего дѣда, гдѣ онъ занимался, читалъ и работалъ.—Потомъ эти комнаты мать немного передѣлала и по выходѣ моемъ замужъ ихъ отдала намъ и у насъ съ мужемъ было очень хорошенькое помѣщеніе. Внизу кромѣ залы и гостинной были: столовая и диванная, съ другой стороны: спальня и образная. Изъ прихожей былъ ходъ на одинъ верхъ, а изъ дѣвичьей на другой. Съ каждой стороны балконовъ были на дворѣ два огромныя крыльца. Домъ нашъ стоялъ съ одной стороны окруженный дворомъ-лугомъ; съ одной стороны этого луга была наша кухня, а съ другой стороны надворныя постройки: конюшня, каретный сарай, ледникъ и погребъ. Другая сторона дома выходила въ садъ. Балконъ изъ гостинной велъ въ цвѣтникъ, окруженный сиренью, по бокамъ кусты жасмина, въ клумбахъ піоны, желтыя лиліи, прямо изъ цвѣтника шла дорожка внизъ подъ гору. Садъ оканчивался сиреневой бесѣдкой съ дерновыми скамьями, гдѣ лѣтомъ варили варенье, дорожка внизъ съ обѣихъ сторонъ была обсажена розовыми и бѣлыми розами. Внизу сада протекала рѣчка и за рѣчкой въ горѣ былъ родникъ съ прекрасной водой, другой воды у насъ въ домѣ не употребляли, несмотря на то, что около самого дома былъ колодезь, но эту воду почему-то считали невкусною, хотя впослѣдствіи мы ею пользовались постоянно и ничего плохого въ ней не находили. Съ лѣвой стороны дома весь заборъ окруженъ былъ бѣлой сиренью, рядомъ начинался малинникъ бѣлой и красной малины, книзу шли яблони, груши съ обѣихъ сторонъ балкона. Посреди̇нѣ сада справа отъ балкона шла длинная грядка цвѣтовъ, по сторонамъ которой шли вычищенныя и усыпанныя пескомъ дорожки, по бокамъ дорожекъ посажены были цѣлыя грядки сплошныхъ кустовъ, чудныхъ сентифольныхъ розовыхъ розъ, черезъ кустъ съ бѣлыми. Розъ у насъ въ саду было такое множество, что изъ ихъ лепестковъ у насъ гнали розовую воду, для этого былъ особенно устроенный „кубикъ“ какъ его называли. Кромѣ розовой воды у насъ приготовляли еще воду мятную

и калуферную; этихъ растеній у насъ въ саду было множество. За грядками розъ шла съ одной стороны дорожка вишенъ, а съ другой дорожка сливъ. Въ концѣ сада съ этой стороны была прехорошенькая бесѣдка изъ хмѣля, который вился по кольямъ кругомъ, а наверху изъ длинныхъ согнутыхъ обручей былъ сдѣланъ сводъ, все это лѣтомъ густо обростало хмѣлемъ. Внутри этой бесѣдки стояли кругомъ деревянныя лавочки, а въ серединѣ стоялъ столъ. Противъ входа въ бесѣдку росъ большой кустъ бѣлой сирени. Въ этой бесѣдкѣ никогда не было солнца. Мы въ ней въ жаркую погоду проводили иногда цѣлые дни. Направо отъ балкона у насъ были парники, гдѣ выращивались очень рано огурцы, а лѣтомъ было много арбузовъ, дынь и громадныя тыквы. За парниками шелъ огромный валъ со спаржею, которую я, помню, очень любила выбирать вмѣстѣ съ садовникомъ старикомъ Виссаріономъ, съ которымъ я жила въ большой дружбѣ и во всѣхъ его работахъ принимала большое участіе. Дальше въ саду было много дорожекъ съ черной, красной, розовой или, какъ ее называли, „абрикосовой“ смородиной, было много сортовъ крыжовника. Яблоковъ у насъ было много, преобладающими сортами были скороспѣлыя наливныя и „горская зеленка“, которая тогда очень цѣнилась для пастилы, заводъ которой былъ въ Коломнѣ, и зеленку продавали по дорогой цѣнѣ. Кромѣ этихъ сортовъ была титовка, боровинка, бѣль, анисъ зеленый и красный. Груша была въ саду одна; на ней были прекрасные желтые, на длинныхъ тонкихъ стебляхъ, довольно крупные, сочные плоды, ихъ любила очень наша мать и ихъ всѣ берегли для нея; но благодаря моей дружбѣ съ Виссаріономъ, я всегда имѣла ихъ большой запасъ, которымъ угощала сестру, няню, гувернантку и всѣхъ горничныхъ. Въ саду еще была большая акаціевая бесѣдка, отъ нея недалеко былъ небольшой пчельникъ.—Внизу сада съ лѣвой стороны у рѣчки была баня.—Противъ дома за дворомъ-лугомъ была проѣзжая дорога; за ней скотный дворъ съ избой для дворни, со множествомъ катуховъ, для свиней, гусей, утокъ, куръ и индѣекъ.—Все это водилось у насъ въ изобиліи. Коровъ въ коровникѣ было немного, такъ какъ главный скотный дворъ былъ у насъ въ другомъ имѣніи моей матери, въ Борисловѣ.—За скотнымъ дворомъ шли огороды, березовая роща и около нея гумно съ ригой и сараемъ, для сѣна. Мѣстность около нашей усадьбы очень красивая, разнообразная, гористая. Желая возстановить полную обстановку нашего дѣтства, я должна сказать кое-что о нашей дворнѣ, которая имѣла на наше воспитаніе большое вліяніе и сблизила насъ и сроднила со всѣмъ деревенскимъ людомъ.—Ближе всѣхъ стояли къ намъ наша няня Елизавета Ильинична. Прежде она была горничной нашей матери, ея ровесница, вышла замужъ немного

раньше матери за нашего лакея-башмачника, страстнаго охотника и горькаго пьяницу Ардаліона Семеновича. Няня мужа своего, какъ я теперь понимаю, никогда не любила и даже презирала его. У нихъ только одна дочь Алефтина, лѣтъ на семь старше меня, она всегда была съ нами, мы ее очень любили, выучили ее читать, она была была очень красива, и имѣла видъ настоящей барышни. Ей впослѣдствіи дали „вольную“ за услуги няни и выдали замужъ въ Зарайскъ за мѣщанина, наградивши порядочнымъ приданымъ и съ помощью нашей крестной выстроили ей очень маленькій домъ въ Зарайскѣ, гдѣ она живетъ и до сихъ поръ, но конечно уже не въ томъ домѣ, который ей былъ сдѣланъ моими родными. Что за милая была наша няня! Умная, всегда серьезная, очень богомольная;—часто просыпаясь въ дѣтствѣ ночью, я видѣла какъ няня молилась Богу около двери нашей спальни, откуда ей была видна лампадка. А какія хорошія сказки умѣла она намъ разсказывать во время нашихъ дальнихъ прогулокъ. Насъ она очень любила и особенно баловала сестру Настю. Та была всегда лѣнивая, на ходьбѣ часто уставала и няня ее уже большую толстую дѣвочку брала на руки сама, или заставляла свою дочь, Алефтину, нести Настю. Помню, бывало, усядемся мы около нее гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса съ корзинами, перебираемъ грибы, ягоды, цвѣты и няня разсказываетъ намъ сказки.—Мнѣ нравилось отдыхать такимъ образомъ, я съ раннихъ лѣтъ умѣла по своему любить природу во всѣхъ ея фазахъ, и сказки няни полныя разныхъ фантастическихъ образовъ имѣли для меня особенный поэтическій смыслъ при таинственной обстановкѣ лѣса. Кромѣ няни у насъ еще были три ея золовки—сестры ея мужа, старыя дѣвы: Аксинья, Александра или „тетя Соня“, какъ мы ее называли и Вѣрушка, самая младшая, но она была уже лѣтъ сорока, когда я стала ее помнить. Эти три сестры жили въ домѣ горничными. Аксинья старшая, была въ родѣ экономки, помогала тетѣ Александрѣ Павловнѣ варить варенье и дѣлать разныя зимніе запасы, она же была и ея горничной. Тетя Соня—пекла чудныя булки, пироги, куличи и т. п. Кромѣ того, такъ какъ мой отецъ былъ церковный староста, то у насъ въ домѣ тетя Соня пекла просфоры. Меньшая, Вѣра, была горничной мой матери и вмѣстѣ съ тѣмъ домашней портнихой, шила намъ всѣмъ платья и бѣлье, въ шитьѣ послѣдняго ей помогали и другія молодыя горничныя. Была еще столовая горничная, Павла, ребенкомъ была любимицей моей бабки; ее выдали за столяра нашего же замужъ, мужъ ея ходилъ „по оброку“ и она жила всегда у насъ въ домѣ, дѣтей у нея не было, на ея рукахъ было столовое и гостинное бѣлье, она же обязана была смотрѣть за чистотой и порядкомъ въ домѣ. Были еще у насъ и молодыя горничныя: Антонина—дочь садовника, Висса-

ріона; мать ея, сестра нашихъ трехъ старыхъ горничныхъ, Надежда умерла холерой, дочь няни, Алефтина, тоже была всегда занята вмѣстѣ съ няней нами, дѣтьми, убирала наши комнаты, чинила наше бѣлье. Кромѣ всѣхъ домашнихъ обязанностей зимой всѣ занимались пряжей льна на самопрялкахъ, а весной съ великаго поста или съ марта начинали вышивать что то въ пялыцахъ гладью или плести кружева на круглыхъ подушкахъ со множествомъ коклюшекъ. Эта работа была очень трудная и у насъ ее дѣлали превосходно. Аксиньюшка наша была настоящая артистка по этой части, даже составляла сама узоры для тонкихъ широкихъ кружевъ и перелинокъ. Кромѣ горничныхъ въ домѣ было два лакея, какъ я уже сказывала, раньше мужъ няни охотникъ и башмачникъ Ардаліонъ и братъ няни Ѳедоръ Ильичъ, холостой, замѣчательной честности человѣкъ, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ моихъ родныхъ, былъ чѣмъ-то вродѣ приказчика. Лѣтомъ наблюдалъ за полевыми работами въ другихъ имѣніяхъ, гдѣ не могъ быть самъ отецъ, а зимой ѣздилъ съ обозами хлѣба въ Коломну, гдѣ былъ тогда единственный хлѣбный рынокъ въ нашей сторонѣ. Кромѣ этихъ лицъ, въ домѣ впослѣдствіи, когда мы стали подростать, былъ молодой портной, учившійся въ Москвѣ—Леонидъ, то же сынъ Виссаріона, и двѣ дѣвочки Анюта и Груша, дочь моей кормилицы, Василисы. Ихъ воспитывали и пріучали къ разнымъ работамъ, готовили въ горничныя для насъ съ сестрой, но имъ крѣпостными горничными не пришлось долго быть, едва они успѣли вырости, какъ крѣпостное право кончилось. Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, жившихъ въ домѣ, было много дворовыхъ, жившихъ въ скотной избѣ цѣлыми семьями. Многіе изъ дѣтей дворовыхъ были наши сверстники, мы съ ними часто вмѣстѣ играли, купались, подъ надзоромъ няни. Къ намъ часто присоединялись и прочія дѣти, изъ тѣхъ дворовыхъ, которыя до уничтоженія крѣпостного права жили въ Карцовѣ; послѣ ихъ переселили въ Подосинки. Играли мы съ дворовыми и крестьянскими дѣтьми подъ покровительствомъ нашей няни, и, кажется, наши родители этого не знали, такъ какъ няня часто, возвращаясь домой, говорила намъ такъ: „дома то при мамашѣ не очень много разговаривайте какъ играли съ ребятами, а то она этого не любитъ“. Это было достаточно, чтобы мы никогда ничего о нашихъ играхъ дома при матери не говорили, а тетѣ бывало не утерпимъ и какой нибудь интересный эпизодъ и разскажемъ, она бывало засмѣется, погрозитъ пальчикомъ и скажетъ: „знаю у васъ няня баловница, смотрите, узнаетъ мамаша, это ей будетъ непріятно“. И вотъ, среди этихъ то лицъ и среди нашей мирной деревенской жизни, прошло наше дѣтство. Славное, милое, хорошее дѣтство. У насъ еще былъ поваръ Тихонъ, онъ же и кучеръ, который

любилъ насъ дѣтей. Придетъ бывало утромъ къ матери, спрашивать, что готовить и всегда пошутитъ и поболтаетъ съ нами, и часто, когда наканунѣ какого нибудь праздника, или именинъ кого либо изъ семьи, онъ заранѣе готовилъ какое нибудь сухое пирожное, на что онъ былъ великій мастеръ, всегда принесетъ намъ на тарелочкѣ по нѣсколько штучекъ печенья. Особенно бывали вкусны у него „яблочные зефиры", какъ онъ ихъ называлъ, и эту тарелочку потихоньку передавалъ для насъ нянѣ, чтобы не знала о его баловствѣ мать наша. Садовникъ Виссаріонъ, о которомъ я говорила уже раньше, тоже жилъ всегда у насъ во дворѣ, зимой топилъ печи въ домѣ, кололъ дрова. Онъ былъ грамотный, и по своему большой философъ, очень любилъ читать псалтырь, и „Потерянный рай" Мильтона. Эту книгу тоже считалъ священной и благодаря чтенію подобныхъ книгъ у него составились свои понятія о вѣрѣ и несмотря на строгое исполненіе всѣхъ православныхъ обрядовъ онъ былъ своеобразный сектантъ. Помню его религіозные споры со мной, когда я стала постарше, и съ нашимъ старикомъ священникомъ о. Петромъ. Природу и свое дѣло онъ любилъ страстно; кромѣ сада, парниковъ, огородовъ, у него съ отцомъ моимъ былъ маленькій пчельникъ въ саду, доходъ съ котораго при крѣпостномъ еще правѣ отецъ мой всегда дѣлилъ съ Виссаріономъ пополамъ. Деньги свои онъ никому не показывалъ и никому изъ своихъ дѣтей не давалъ, а дѣтей у него было много: двѣ дочери были замужемъ одна въ Борисловѣ, другая въ Подосинкахъ, а меньшая Антонина была горничной у насъ въ домѣ; было еще у него два сына: Вячеславъ кузнецъ и Леонидъ портной. Свои деньги Виссаріонъ всегда прибиралъ гдѣ нибудь въ саду, или на пчельникѣ подъ камнями или въ стѣнѣ кухни, которая одной задней стѣной выходила въ садъ. Дочь его Антонина иногда вынимала эти деньги и передавала своимъ теткамъ, которыя не имѣя личной семейной жизни, обреченныя на вѣчное дѣвство, страстно были привязаны къ своимъ племянникамъ-сиротамъ и онѣ на деньги, похищенныя у Виссаріона, справляли нужды его дочерей. О пропажѣ денегъ Виссаріонъ никому никогда не говорилъ; но ходилъ нѣсколько дней сердитый и мрачный.—Но больше всѣхъ изъ нашихъ крѣпостныхъ слугъ я любила мою милую кормилицу Василису, къ ней я питала такую любовь, какую только можетъ питать ребенокъ къ горячо любимой матери. Говорятъ, когда ее изъ Карцева переселили въ Борислово, гдѣ у насъ было большое скотоводство и ей поручили вести все молочное хозяйство, я заболѣла съ горя; но я уже помню, когда я была сравнительно уже большая дѣвочка, каждый разъ когда она приходила въ Карцево это былъ для меня день великой радости, разлука большимъ

горемъ. Впослѣдствіи когда я вдовой опять поселилась въ Карцевѣ, моя милая кормилица опять пришла ко мнѣ, и жила со мной до конца своей жизни. Всѣ эти милые мнѣ люди имѣли огромное вліяніе на складъ моего міросозерцанія и весь мой характеръ. Благодаря имъ я полюбила всей душой нашъ простой деревенскій людъ, со всѣми его достоинствами и недостатками. Я, благодаря имъ, сроднилась съ нашимъ народомъ, и до сихъ поръ онъ для меня свой родной. И жизнь среди нихъ для меня навсегда осталась самой пріятной. Наше милое тихое дѣтство прошло среди простой, патріархальной деревенской жизни.— Наша семья была очень религіозна, исполняла всѣ посты и обряды православной церкви. Въ домѣ было много старинныхъ иконъ, изъ которыхъ одна была особенно чтима нашей семьей и всѣмъ окружающимъ насъ деревенскимъ людомъ. Икона эта была „Казанская Божія Матерь“. О ней сохранилось слѣдующее преданіе въ нашей семьѣ. Одинъ изъ предковъ нашихъ, Левъ Юрьевичъ Селивановъ, былъ любимцемъ Императора Петра Великаго и всегда находился при немъ въ званіи „деньщика.“—Разъ когда Императора Петра не было въ Петербургѣ, онъ былъ гдѣ-то съ своимъ войскомъ,—на Льва Юрьевича былъ написанъ ложный доносъ, въ измѣнѣ Государю. Льва Юрьевича Селиванова заключили въ темницу. Онъ ожидалъ пытки и, сознавая себя невиннымъ, горячо молился о своемъ спасеніи.—Помолившись заснулъ и услыхалъ, что во снѣ кто-то говоритъ ему: „встань скорѣе! у тебя подъ лавкой образъ Божіей Матери, возьми его и молись ему, и ты будешь оправданъ. И дѣйствительно подъ лавкой, на которой онъ спалъ, лежалъ образъ Казанской Божіей Матери. Сонъ былъ настолько ясенъ, и живъ, что онъ, проснувшись, исполнилъ то, что ему было сказано во снѣ. Вскорѣ послѣ этого доносчикъ сознался въ своей клеветѣ, и Левъ Юрьевичъ пользовался еще большимъ расположеніемъ Императора Петра, чѣмъ раньше. Петръ великій часто, какъ говорятъ, заходилъ къ своему деньщику Льву Юрьевичу Селиванову и угощался у него „анисовкой“. Серебряная чарка, изъ которой пилъ Императоръ, сохранилась у насъ въ домѣ, и я, уже бывши много лѣтъ замужемъ, передала эту чарочку археологу Алексѣю Васильевичу Селиванову. Икона и въ настоящее время находится у меня въ Карцовѣ, и передъ ней всегда, когда я живу дома, горитъ неугасимая лампада. По завѣщанію нашихъ родителей, эта икона должна всегда оставаться въ карцевскомъ домѣ. Въ случаѣ же прекращенія нашего рода или продажи Карцева, эта икона должна перейти въ родъ Селивановыхъ или передана въ церковь погоста Василія Великаго, нашего прихода, гдѣ похоронены всѣ наши предки.—Каждый годъ наканунѣ праздниковъ Казанской Божіей Матери у насъ совершалась всенощная, послѣ

нея былъ молебенъ съ акаѳистомъ.—Кромѣ Казанской у насъ въ домѣ всегда было водосвятіе 1-го числа каждаго мѣсяца, и всенощная наканунѣ всѣхъ большихъ праздниковъ, всѣхъ именинъ и рожденій отца, матери и тетки.—Много лѣтъ нашего дѣтства проходили однимъ образомъ. Помню, начало зимы послѣ грязной осени всегда меня очень радовало. Проснешься бывало утромъ и видишь все такъ свѣтло хорошо, чисто кругомъ, мягкій, крупными хлопьями падаетъ снѣгъ, не дождешься бывало, когда всѣ встанутъ и насъ позовутъ пить чай и завтракать. Наскоро бывало выпьешь чашку жиденькаго чаю съ молокомъ и прѣсными пышками изъ домашней пшеничной муки. Ѣдой насъ не очень баловали, „большіе“ пили чай съ сдобными булочками и куличами, а намъ всегда давали ржаныя или пшеничныя пышки, замѣшанныя на истопинахъ послѣ масла и, вотъ послѣ такого завтрака, попросишься погулять. Надѣнутъ на насъ валенки, теплые мѣховые полушубки. Съ какою бывало радостью выбѣжишь на дворъ и въ садъ. Все покрыто бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ. Какъ вездѣ хорошо. Къ намъ бывало примкнутъ наши товарищи-ребятишки, дѣти нашихъ дворовыхъ и крестьянъ. Начнемъ катать шары изъ мягкаго пушистаго снѣга. Наконецъ, няня управившись съ домашними дѣлами, идетъ за нами, зоветъ насъ домой, идти намъ не хочется, но няня пристаетъ неотступно и начинаетъ пускать въ ходъ страшную фразу „пойду скажу мамашѣ, что вы не слушаетесь“;—послѣ этого мы сейчасъ-же бѣжимъ домой и идемъ учиться. Съ 8-ми лѣтняго моего возраста я помню у насъ жила учительница русскаго языка Ольга Сергѣевна Ткачева, высокая, сухая, старая дѣва, умная, суровая, страшная педантка во всемъ. Кромѣ того, что она учила насъ, она занималась съ молодыми горничными рукодѣльемъ. Она кончила курсъ въ Домѣ Трудолюбія въ Рязани, хорошо знала свое дѣло и учила толково. Несмотря на строгость, заниматься съ ней было хорошо. Она жила у насъ года три, но затѣмъ получила мѣсто въ Рязани въ Домѣ Трудолюбія, прожила тамъ пока я вышла изъ пансіона, а послѣ опять поселилась у насъ и прожила съ нами опять года два. Когда мнѣ было 11-ть лѣтъ къ намъ пріѣхала новая гувернантка, знающая французскій и нѣмецкій языки и немного музыку Пелагея Алексѣевна Сырейщикова. Она была совсѣмъ молоденькая дѣвочка, воспитывалась въ богатой купеческой семьѣ. Мы съ ней, дѣти, сейчасъ же подружились, особенно я.—Она прожила у насъ до конца своей жизни. Уѣзжала иногда не надолго на мѣсто къ нашимъ же сосѣдямъ и, оставляя мѣсто, всегда возвращалась въ нашъ домъ, а потомъ, когда здоровье ее стало плохо и я была уже замужемъ, она совсѣмъ переселилась къ намъ, и умерла чахоткой на нашихъ рукахъ.—Учительница она была плохая, но какъ человѣкъ

премилая, добрая, веселая, и я до сихъ поръ вспоминаю ее съ любовью.—И вотъ мы нагулявшись садились учиться. Учились до обѣда. Обѣдъ у насъ всегда былъ въ часъ дня. Блюда были обильныя, сытныя. Первымъ блюдомъ всегда было что нибудь мясное, называлось, почему то, холодное, и когда это блюдо приносили изъ кухни приходили докладывать „кушанье подано“. Всѣ молились Богу и садились за столъ.— Когда гостей не было, блюда съ кушаньемъ ставились на столъ около тети, и она раскладывала всѣмъ на тарелки, которыя ей подавала прислуга, потомъ, принимая отъ нея, ставила всѣмъ по указанію тети, которая умѣла всѣмъ угодить и положить каждому то, что кому нравилось. Первымъ блюдомъ всегда былъ или студень, или солонина съ картофельнымъ пюре, или горячая вареная ветчина, а съ ней вмѣстѣ всегда подавали яйца въ смятку. Вторымъ блюдомъ были горячіе щи, или борщъ, или супъ; потомъ жареное—смотря по сезону, буженина изъ свинины, утки, гуси, индѣйка, баранина и телятина. На третье всегда было, что нибудь очень вкусное, или такъ казалось намъ дѣтямъ: бывали разныхъ сортовъ блинчики, вафли, оладьи, разныя каши; изъ чего только не дѣлались эти каши: были каши изъ крупы зеленой ржи, эту крупу очень вкусную и душистую умѣла готовить только одна моя кормилица; для этой крупы жали рожь какъ только она начинала наливать до половины зерна.—Потомъ были каши изъ ячменя, полбы, изъ цвѣтовъ розъ; эта каша приготовлялась такимъ образомъ—брали свѣжіе лепестки отъ розъ, мѣсили тѣсто изъ яицъ и картофельной муки и въ это тѣсто клали лепестки отъ розъ, все вмѣстѣ мѣсили и протирали черезъ рѣшето; сушили на солнцѣ. Варили эту кашу на молокѣ, она имѣла видъ каши изъ саго, была вкусная, душистая. Насъ дѣтей заставляли всегда ѣсть горячее какое бы оно не было, съ нашими вкусами не справлялись: я въ дѣтствѣ не любила свеклу, но мнѣ наливали борщъ и я, хотя и съ отвращеніемъ, должна была съѣдать его хоть немного. Мяса намъ давали мало. Жаренаго мы получали всегда очень маленькіе кусочки, но третьяго блюда, каши, оладей, вафель, намъ давали, сколько мы хотѣли. Мать моя по совѣту врачей того времени тоже ѣла мало мяса; а жаркого совсѣмъ не ѣла. Ни свинины, ни гусей тоже не любила и для нее почти всегда были приготовлены отдѣльныя кушанья изъ „бѣлаго мяса“; любимымъ ея блюдомъ была индѣйка, которыхъ у насъ всегда бывало много.—Послѣ обѣда мы опять шли на воздухъ; сани уже были собраны и мы съ наслажденіемъ усаживались въ дровни, въ которыхъ былъ плетеный постельникъ и катались по усадьбѣ, помогали возить солому и кормъ на скотный дворъ; а иногда намъ позволяли покататься по шоссе на погостъ, въ Строилово и Индриково. Въ четыре часа возвращались домой,

и когда стали постарше то садились заниматься опять до половины шестого, а иногда и до шести. Большіе всѣ всегда спали послѣ обѣда часовъ до 5-ти. Къ 6-ти часамъ подавали чай, и мы всѣ собирались въ столовую. Послѣ чая всѣ усаживались тутъ же въ столовой, около круглаго большого стола, на которомъ стояли двѣ сальныя свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ и лоточекъ съ щипцами, очень оригинальной формы, которыми снимали нагаръ со свѣчей.—Мать всегда зимніе вечера читала вслухъ, помню читались: „Отечественная война 1812 года“ Данилевскаго, потомъ романы Евг. Сю. „Вѣчный Жидъ“, „Гордость“, а также романы Дикенса изъ которыхъ у меня больше всего остался въ памяти „Домби и сынъ“.—Многія и даже большинство изъ этихъ книгъ для насъ дѣтей не были интересны, а сидѣть молча, когда ихъ читали, было очень скучно, но на это мало обращали вниманія. Мы бывало работаемъ что нибудь на рукахъ, или вышиваемъ какія нибудь совершенно безполезныя вещи по канвѣ, или папье-поле.—Столъ, за которымъ мы сидѣли, всегда былъ уставленъ разными домашними лакомствами, пастилой, яблоками, сливами, орѣхами въ меду, намъ всего этого давалось очень немного, находя, что сладкое вредно дѣтямъ. Меня очень часто посылали съ разными приказаніями, зачѣмъ нибудь въ дѣвичью; нужно было пройти весь домъ изъ конца въ конецъ, что-бы попасть туда. Наша огромная зала никогда почти въ эти семейные вечера не освѣщалась, но ея расположеніе я отлично помнила и въ потьмахъ всегда пробѣгала ее почему то зажмуря глаза, и только въ корридорѣ открывала ихъ. Онъ слабо освѣщался лампадкой изъ образной около спальни. Я любила иногда изъ корридора завернуть туда въ образную. Свѣтъ лампадки тамъ хорошо освѣщалъ иконы и всю маленькую комнатку съ лежанкой съ одной стороны, а съ другой съ большимъ шкафомъ съ разными старинными рѣдкостями и домашними лѣкарствами; бывало, зайдешь туда и помолишься немного; напротивъ образной была дверь въ дѣвичью—цѣль моего путешествія по дому. Тамъ шелъ говоръ, иногда смѣхъ и пѣніе, всѣ зимними вечерами сидѣли за пряжей льна на самопрялкахъ и какъ мнѣ казалось весело, хорошо у нихъ, а они всегда бывали рады нашему приходу. Передашь приказаніе, за которымъ шла, поболтаешь и опять спѣшишь въ столовую. Если долго проходишь—побранятъ, что не скоро вернулась. И такъ, бывало, всѣ сидимъ до 9-ти часовъ вечера. Въ девять приходитъ кто-либо изъ прислуги и объявляетъ „кушать подано“; всѣ идутъ въ залу и садятся за столъ тоже освѣщенный двумя сальными свѣчами. Меню ужина бывало всегда тоже, что и обѣдъ безъ всякаго измѣненія.—Послѣ ужина мы цѣлуемъ руки у отца и матери, обнимаемъ тетку. Насъ крестятъ и мы идемъ спать.—Большіе, иногда,

если было интересное чтеніе, еще посидятъ съ часъ, разложатъ еще интересный пасьянсъ, который вечеромъ не сошелся. Наши гувернантки остаются тоже съ большими внизу.—Мы-же съ радостью бѣжимъ на нашъ милый верхъ, поиграемъ въ куклы, разберемъ свои шкафчики и, наконецъ, приходитъ тетя, Пелагея Алексѣевна и насъ укладываетъ спать.

Иногда эти вечера разнообразились. По четвергамъ насъ учили танцовать, а по субботамъ, если не было бани, мы вмѣстѣ съ молодыми горничными играли въ жмурки, прятали булавочку, которую искали подъ музыку. По воскресеньямъ, если не было гостей, мы тоже играли въ залѣ, но уже одни въ куклы, такъ какъ молодыя и старыя горничныя въ субботу послѣ 4-хъ часовъ убирали свою пряжу и всѣ свои самопрялки, а въ воскресенье вечеромъ, съ 6-ти часовъ принимались на гребняхъ чесать ленъ и приготовлять намыки, для слѣдующей недѣли.

Съ половины ноября начинался рождественскій постъ, всѣ въ домѣ начинали поститься, намъ, пока мы еще были малы, лѣтъ до 8-ми-9-ти, давали молоко и молочную кашу, а съ этихъ лѣтъ постились наравнѣ съ большими.

Помню, закупалась къ этому посту масса разной мороженной рыбы, были и крупныя и мелкія. Этими рыбами наполнялось множество корзинъ, утромъ ихъ приносили въ дѣвичью и мать выдавала изъ нихъ на кушанья повару Тихону. Тутъ заказывалось горячее, и рыба подъ соусомъ, и жареная. Въ комнату наносился запахъ отъ этихъ корзинъ, мать и поваръ долго разбирали эту рыбу, твердую какъ камень отъ мороза; и никому не приходило на умъ, что отъ подобнаго занятія можно простудиться.

Мать моя вообще хорошо переносила и холодную и сырую погоду, такъ же пріучили и насъ. Я и до сихъ поръ не боюсь погоды и почти никогда не болѣю простудой.

Сама же мать каждое утро до старости обливалась холодной водой, по совѣту врачей: утромъ рано, бывало, еще при огнѣ, приносятъ ведро ключевой воды изъ родника, мать становится въ большой жестяной тазъ и на нее выливаютъ эту воду, послѣ этого она надѣваетъ ватное платье и овчинную шубу, сшитую вродѣ полушубка, и идетъ гулять до чая, который у насъ зимой подавался въ 9-мъ часу.

Я вставала очень рано и, бывало, сбѣгу внизъ съ верху, никто меня не видитъ, тетя спитъ, надѣну валенки на босыя ноги закутаюсь въ ватное одѣяло и сяду въ дѣвичьей на лежанку. Дѣвушки уже всѣ сидятъ за пряжей и няня съ ними вяжетъ чулокъ. Увидя меня бывало скажутъ ласково: „вотъ ранняя пташка прилетѣла къ намъ“. Слушаю ихъ разсказы о житьѣ бытьѣ нашего народа, при тогдашнемъ крѣпостномъ правѣ. Какъ продавали дѣвушекъ въ замужество въ другія барщины, къ другимъ помѣщикамъ, какъ мальчиковъ отдавали въ Москву и другіе города въ ученье разнымъ мастерствамъ; какъ имъ тамъ жилось, сколько горя эти дѣти видѣли на чужой сторонѣ; какъ многіе помѣщики жестоко обращались съ своими крестьянами, особенно дворовыми, какъ иногда, нуждаясь въ деньгахъ, продавали цѣлыя семьи кому-либо въ услуженіе, или за деньги безъ зачету отдавали молодыхъ людей въ солдаты. Весь этотъ произволъ надъ человѣкомъ служилъ доходною статьею для помѣщиковъ; но въ нашемъ хозяйствѣ, у нашего отца и матери, ничего подобнаго не было. Въ замужество дѣвушекъ отдавали въ другія барщины, т. е. продавали ихъ за деньги, но всегда родители невѣсты должны были узнать и съѣздить посмотрѣть то мѣсто, куда сватали ихъ дочь.

Иногда вмѣсто продажи одну дѣвушку мѣняли на другую, брали къ намъ изъ того имѣнія, куда отвозили нашу. И вотъ, я маленькая дѣвочка знакомилась съ нашимъ народомъ по этимъ разсказамъ, полюбила его, поняла всю его ненависть къ своимъ властителямъ и никогда не осуждала ихъ за это.

Кромѣ этихъ разсказовъ я любила слушать ихъ сказки, которыя наши старыя горничныя умѣли такъ хорошо разсказывать, особенно няня и тетя Саша.

Часовъ около семи бывало кто нибудь посмотритъ въ коридоръ и скажетъ: „барыня встала, Богу молится“.

Въ одну минуту побѣжишь на верхъ и юркнешь подъ одѣяло, а иногда спрячешься на лѣстницѣ на площадкѣ и посмотришь, какъ придетъ мать купаться въ дѣвичью; страшно бывало смотрѣть какъ на нее выливаютъ ледяную воду изъ ведра.

Наконецъ, въ 8-мь часовъ приходитъ самая старшая горничная Аксинья и будитъ тетю, она встаетъ и приказываетъ вставать и мнѣ; въ другой комнатѣ въ это же время поднимаются сестра Настя, гувер-

нянтка, начинается умыванье, одѣванье; все это заставляли насъ дѣлать самихъ, кромѣ прически: насъ причесываетъ няня или Ольга Сергѣевна, сестра Настя стриженая, а я, какъ помню, всегда была съ большими волосами, мнѣ ихъ заплетали въ косы.

И такъ шли наши зимніе дни, похожіе одинъ на другой. Иногда эти дни разнообразились поѣздками къ роднымъ и знакомымъ. Разъ въ годъ къ 4-му декабря мы всѣ ѣздили за 40 слишкомъ верстъ въ Михайловскій уѣздъ въ Бойчицы къ тетѣ Варварѣ Ивановнѣ. Она была двоюродная сестра матери, ея отецъ былъ Иванъ Ѳомичъ Колеминъ, родной братъ моей бабушки Анны Ѳоминичны. Эти путешествія мы очень любили. Для этого запрягались два экипажа: возокъ и повозка. Въ возокъ сажали насъ дѣтей, съ нами садилась тетя, гувернантка и Аксиньюшка, которая всегда ѣздила съ нами въ качествѣ горничной, да и, кажется, у ней въ Бойчицахъ были родные. Мать не могла переносить ѣзды въ возкѣ и помѣщалась съ отцомъ въ крытой повозкѣ. Въ возкѣ бывало очень уютно, проѣхавши немного, тамъ становилось такъ тепло, что намъ позволяли снять шубки и мы оставались въ однихъ ватныхъ платьяхъ. Тетя иногда вязала что-нибудь изъ шерсти, а также и Аксиньюшка. Разсказываютъ онѣ, бывало, намъ про старину, про бабушку Анну Ѳоминичну, про дѣда Павла Петровича, про нашествіе французовъ въ 12-мъ году; все вѣдь это происходило на ихъ глазахъ.

Моя тетя Александра Павловна и ея горничная Аксиньюшка были уже взрослыми во время нашествія французовъ. Разсказы ихъ были для насъ всегда очень интересны. Говорили они такъ: „сначала получались извѣстія съ тревожными слухами, что французы уже близко. Всѣми читался со слезами манифестъ Александра I-го, гдѣ онъ призывалъ всѣхъ стать на защиту родины и старыхъ и малыхъ. Особенно всѣмъ нравились слова Государя, гдѣ онъ говорилъ: „и я отпущу себѣ бороду, надѣну сѣрый кафтанъ и пойду объ руку съ вами, буду защищать до послѣдней капли крови нашу святую отчизну“. Александра I-го всѣ обожали, чтили какъ святого, считали его долго живымъ и послѣ смерти и, говорили, что онъ гдѣ-то далеко живетъ отшельникомъ. Этотъ обѣтъ онъ будто исполняетъ, вслѣдствіе даннаго имъ обѣщанія, что, если благополучно кончится война, онъ сложитъ съ себя царскія почести и простымъ отшельникомъ, въ нуждѣ и въ бѣдности окончитъ свою жизнь, а также чтобы замолить грѣхъ юности совершенный имъ во время смерти отца его Павла;—и все таки такой страшный грѣхъ, какъ насильственная смерть Павла, совершенная съ

его согласія, не ставилась ему въ вину. Говорили, что онъ пожертвовалъ отцомъ, чтобы спасти государство, отъ большихъ бѣдъ, которыя ему могло причинить царствованіе Павла.

О 12-мъ годѣ продолжали разсказывать такъ: послѣ вышеупомянутаго манифеста газеты скоро перестали выходить. Всѣ жили въ страхѣ и тревогѣ. Многіе считали Наполеона антихристомъ, находили на это указанія въ апокалипсисѣ, и всѣ ждали страшныхъ бѣдъ и конца міра. Многіе знакомые уже выѣхали изъ Москвы, наконецъ, на сѣверѣ стало каждую ночь показываться зловѣщее зарево. Москва отъ Карцева находилась въ 120 верстахъ, но зарево не сходило съ горизонта и никто не зналъ какая ему причина, было ли это зарево отъ пожара или сѣверное сіяніе кроваваго цвѣта. Однимъ словомъ во всемъ видѣли самыя страшныя предзнаменованія. Спустя нѣкоторое время, послѣ появленія зарева, стало извѣстно, что французы въ Москвѣ. Дѣдъ мой Павелъ Петровичъ поступилъ въ ополченіе, и передъ отъѣздомъ на мѣсто своего назначенія уговорилъ мою бабушку съ дѣтьми выѣхать изъ Карцева. И вотъ, пригласили священника, отслужили молебенъ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери и наша семья двинулась въ путь: моя бабушка Анна Ѳоминична, моя тетя Александра Павловна 16 лѣтъ и моя мать 6 лѣтъ, больная лихорадкой.

Бабушка забрала съ собою цѣнныя вещи, двухъ горничныхъ, Аксиньюшку и еще не помню кого, и двухъ лакеевъ. И вотъ нѣсколько экипажей и подводъ двинулось въ путь въ Тамбовскую губернію, гдѣ у моего дѣда были какіе то давнишніе знакомые, съ которыми онъ не видался и не переписывался уже много лѣтъ.

Домъ поручили оставшимся слугамъ; приказали имъ всѣ запасы уничтожить, какъ только французы будутъ близко, домъ и всѣ постройки сжечь. Я воображаю, какъ тяжело было нашему дѣду давать такое приказаніе. Онъ такъ любилъ свой новый и только что отстроенный домъ. Путешествіе въ то время съ конца сѣверной части Рязанской губерніи, почти съ границы Московской, въ Тамбовскую губернію было совершать не легко: не только желѣзныхъ дорогъ, о которыхъ тогда никто понятія не имѣлъ,—а если бы какимъ либо чудомъ, что либо подобное дошло до ихъ свѣдѣнія, то навѣрное бы приняли этотъ разсказъ за волшебную сказку,—но и шоссе нигдѣ еще не было; приходилось ѣхать простыми дорогами на своихъ лошадяхъ съ своимъ запасомъ корма для нихъ; а также съ большимъ запасомъ провизіи и для господъ и для прислуги.

Пріѣхавши въ Тамбовскую губернію въ богатое имѣніе, помѣщиковъ фамилію не помню, моя бабушка нашла у людей, мало ей знакомыхъ, самый радушный пріемъ.

Разсказывала тетя такъ: „кромѣ семьи нашей бабушки, туда уже съѣхалась много другихъ помѣщиковъ изъ подъ Москвы и изъ сѣверной части Рязанской губерніи; сама же помѣщица, выслушавши отъ пріѣзжихъ подробный разсказъ о приближеніи французовъ, простившись съ своими многочисленными и неожиданными гостями, поручивши своимъ слугамъ, ключницѣ и старостѣ служить пріѣзжимъ какъ служили ей, отпускать для ихъ стола все, что будетъ нужно, и, въ случаѣ приближенія французовъ, сдѣлать тоже, что приказывалъ и мой дѣдъ, т. е. все сжечь и уничтожить до прихода непріятеля, съ своей семьей уѣхала въ другое свое имѣніе въ Воронежскую губернію. Въ этомъ имѣніи наша семья прожила до тѣхъ поръ пока стало извѣстно, что французы бѣжали изъ Москвы. Прожили они въ Тамбовской губерніи очень хорошо въ большомъ обществѣ и пользовались полнымъ комфортомъ, благодаря гостепріимству отсутствующей хозяйки.

Дома по пріѣздѣ нашли все въ порядкѣ, только прислугой были съѣдены всѣ варенья и выпита вся наливка.

И вотъ, бывало, проводя время въ разговорѣ съ тетей и Аксиньюшкой, закусывая вкусными дорожными запасами, наконецъ мы приближались къ цѣли нашего путешествія къ Бойчицамъ. Тетя Варвара Ивановна, старая дѣвушка, милая, добрая, веселая, очень любившая дѣтей, принимала насъ съ такою радостью и радушіемъ, что трудно выразить это словами. Мы сразу наполняли ея маленькій теплый домикъ и усаживались за кипящій самоваръ и сытный ужинъ.

На другой день пріѣзда мы шли къ дядѣ Николаю Ивановичу, родному брату тети Варвары Ивановны. Его домъ былъ гораздо больше и находился на одномъ дворѣ съ домомъ тети. Николай Ивановичъ былъ очень глухъ и съ нимъ разговаривали въ трубу, имѣющую видъ рожка, которую онъ носилъ всегда съ собою. Дядя былъ женатъ, жену его звали Любовь Степановна. Тетя съ ней не особенно ладила, но обожала своихъ племянниковъ, дѣтей брата,—особенно любила мальчика Ваничку, моего сверстника. У тети мы проживали всегда больше недѣли, праздновали ея именины 4-го Декабря и именины дяди 6-го Декабря. Изъ Бойчицъ мы ѣхали вмѣстѣ съ тетей Варей (какъ мы ее звали) къ двоюродному брату моей бабушки Павлу

Петровичу Колемину, въ его имѣніе Бараково, находящееся въ 7-ми верстахъ отъ Бойчицъ. Домъ въ Бараковѣ былъ замѣчателенъ по своей оригинальности; мнѣ въ дѣтствѣ онъ напоминалъ тѣ старинные замки съ подземельями, въ которыхъ непремѣнно должны были водиться привидѣнія и о которыхъ я начиталась въ старинныхъ романахъ „Ратклифъ“, находившихся въ изобиліи въ библіотекѣ моего родного дѣдушки въ Карцевѣ.

Домъ Павла Петровича Колемина былъ мрачный, деревянный, огромный съ верхомъ. Стѣны были темныя отъ времени, двери всѣ внутри комнатъ были устроены съ тяжелыми блоками, и когда они отворялись и затворялись, то производили страшный шумъ.

Вся обстановка въ домѣ была очень странная. Такъ напр. внутри комнатъ находились бесѣдки; одна я помню напоминала восточную пагоду, украшена была перьями, вѣерами, китайскими куклами, внутри этой бесѣдки стояло четыре фигурныхъ стула, и передъ ними крошечный пестрый столикъ. Это сооруженіе находилось посрединѣ большой комнаты, называемой гостинной, въ которой кромѣ этой бесѣдки было множество другой мебели страннаго вида и множество стеклянныхъ этажерокъ съ разными рѣдкостями и древностями. Здѣсь были разныя окаменѣлости, чучела животныхъ, птицъ. Въ углу на подставкѣ лежала громадная кость, которую называли зубомъ мамонта. Были и прекрасныя вещицы изъ севрскаго фарфора, масса настоящихъ китайскихъ вещей, но все это было такъ пыльно и мрачно, что трудно было найти прекрасное въ этомъ хаосѣ. Рядомъ съ гостинной была диванная, въ ней тоже была посрединѣ бесѣдка изъ плюща, который густо обвивалъ ее. Внутри этой бесѣдки были мягкіе шелковые диваны и посрединѣ столъ. На верху этого сооруженія была полузакрытая плющемъ дощечка съ надписью фигурными разноцвѣтными буквами: „храмъ любви и дружбы“.

Все это насъ удивляло и радовало. Самъ хозяинъ былъ высокій худой старикъ съ красивыми сѣдыми кудрями. Костюмъ его тоже былъ оригиналенъ: онъ носилъ всегда очень высокіе воротнички, подвязанные широкимъ бѣлымъ батистовымъ „жабо“ съ громаднымъ бантомъ, сюртукъ также былъ какой то странный. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Карцево, меня всегда интересовала его шинель, была она свѣтло-гороховаго цвѣта и имѣла 15-ть воротниковъ одинъ другого меньше.

Когда мы вмѣстѣ съ обитателями Бойчицъ пріѣзжали въ Бараково, прямо отъ обѣдни изъ села Кобыльскаго, общаго прихода и Бойчицъ и Баракова, старикъ хозяинъ всегда встрѣчалъ насъ въ прихожей. Былъ онъ очень любезенъ и какъ-то церемонно вѣжливъ; онъ женатъ не былъ, но имѣлъ незаконную семью отъ горничной-крестьянки, которая завѣдывала у него домашнимъ хозяйствомъ, но гостямъ не показывалась, и мои родные и тетя Варвара Ивановна ходили къ ней на верхъ потихоньку отъ Павла Петровича. Говорятъ, что это была замѣчательно кроткая, добрая и хорошая женщина. Дѣтей у нихъ было множество; при нихъ были гувернантки и учитель; но внизъ сходили къ намъ только старшія дѣти, наши сверстники Митрюша и Ѳедя.

Митрюшу всегда заставляли играть на фортопьянахъ, которыя Павелъ Петровичъ всегда называлъ „клавикордами“.

Кромѣ этого музыкальнаго инструмента у него еще были „гусли“, которыя я только здѣсь и видѣла. Было множество балалаекъ, гитаръ, все это висѣло по стѣнамъ. Павелъ Петровичъ церемонно приглашалъ насъ въ столовую, гдѣ уже были приготовлены чай, кофе, шеколадъ, пироги, пирожки и разное домашнее печенье; хозяйничать, т. е. угощать и наливать чай и кофе онъ всегда просилъ тетю Варю, или нашу тетю Александру Павловну. У него мы бывали цѣлый день, обѣдъ всегда былъ обильный и скоромный; такъ что въ этотъ день всѣ наши постники, по случаю рождественскаго поста, разговлялись и возвращаясь въ Бойчицы говаривали: „всѣ мы оскоромились“ и при этомъ полушутя и полусерьезно прибавляли „ну—да и въ священномъ писаніи сказано: предлагаемое да ѣдимъ“, или такъ: „съ своимъ уставомъ въ чужой приходъ не ходятъ“ и т. д. Говорили, что старикъ всегда былъ „вольтерьянецъ“; онъ обожалъ Екатерину II, Потемкина,— ненавидѣлъ Павла и, кажется, имъ былъ обреченъ на безвыѣздную жизнь въ своемъ Бараковѣ.

И вотъ, такимъ образомъ, прогостивши въ Бойчицахъ, пускались въ обратный путь домой. Помню, тетя Варя награждала насъ на дорогу разными домашними лакомствами, пирожными и дарила нѣсколько бутылокъ чуднаго вкуснаго уксуса своего приготовленія, который она дѣлала замѣчательно хорошо. У насъ тоже всегда приготовляли свой уксусъ,—но тети Вари уксусъ считался вкуснѣе.

Она провожала насъ всегда со слезами, съ нее брали обѣщаніе, что она пріѣдетъ къ намъ гостить на Рождествѣ съ своей горничной-наперсницей Фіоной, съ которой никогда не разставалась.

Наконецъ, иногда почти послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, возвращались въ наше милое Карцево.

Помню нашъ пріѣздъ; всѣ выбѣгаютъ насъ встрѣчать; сейчасъ же затапливались печи, подавался въ столовую самоваръ и всѣ, переодѣвшись, усаживались въ столовой за чай; усядутся и скажутъ бывало: а что ни говори, и какъ въ гостяхъ ни хорошо, а все дома лучше.

Мы сидимъ за чаемъ, приходитъ Ѳеодоръ Ильичъ и докладываетъ о хозяйствѣ, обо всемъ, что случилось въ наше отсутствіе, а также сообщаетъ и всѣ деревенскія новости.

И вотъ жизнь опять вступаетъ въ свою колею. Зима идетъ своимъ чередомъ, трещатъ морозы, бушуютъ вьюги, топятся печи, въ холодъ по два раза въ день; но холода не мѣшаютъ намъ продолжать наши зимнія прогулки и катанья. Катаемся мы на ледянкахъ, на салазкахъ и на дровняхъ, запряженныхъ смирными старыми лошадьми. И такъ проходитъ скучный для всѣхъ, мрачный Декабрь.

Съ половины рождественскаго поста уже начинаются приготовленія къ праздникамъ. Откармливается птица, убиваютъ свиней, на опаливаніи которыхъ мы также всегда присутствовали. Очень было весело и красиво смотрѣть пылающій соломенный костеръ на бѣломъ снѣгу.

Убитую птицу приносили на показъ въ „дѣвичью“; ее сортировали, лучшія штуки отбирали на праздники. Птицы всѣ были жирныя, хорошо отдѣланныя, и за нее птичницы и поваръ Тихонъ получали похвалы. У всѣхъ были довольныя лица, всѣ видимо съ удовольствіемъ думали скоро покушать этихъ вкусныхъ вещей, постный рыбный столъ къ этому времени всѣмъ надоѣдалъ.

За недѣлю до праздника, начинали убирать домъ. Посылали Ѳедора Ильича съ обозомъ хлѣба въ Коломну. Ждали его, помню, всегда съ большой тревогой, такъ какъ приходилось всю почти дорогу по шоссе ѣхать боромъ и случались часто грабежи. Какъ помню изъ разсказовъ матери и тети, этимъ грабежамъ потворствовалъ бывшій тогда становымъ Дмитрій Фил. Дубенскій, страшный взяточникъ. Всѣ эти воры, конокрады были у него на откупу. Всѣ это знали, но онъ умѣлъ вести свои дѣла,—дѣлился, вѣроятно, своими доходами съ тѣми, отъ кого зависѣла его служба, и оставался на своемъ

мѣстѣ очень долго. Составилъ себѣ прекрасное состояніе, которое послѣ его смерти все почти было прожито. Дѣти его всѣ вышли прекрасными и идеально честными людьми, такъ что на нихъ не сбылась русская пословица, „что яблочко отъ яблоньки не далеко падаетъ“. Но вотъ наконецъ Ѳедоръ Ильичъ возвращается, помню, почему то это всегда бывало вечеромъ. Онъ привозитъ изъ Коломны крупитчатую, какъ тогда называли „конфектную“ муку, солодъ и разные предметы нужные для хозяйства: веревки, сошники, ведра, постное и деревянное масло, водку разныхъ сортовъ.

Все это сначала вносятъ въ дѣвичью для осмотра и наносятъ въ домъ страшный запахъ. Потомъ запасы муки, масла и свѣчей убираются въ кладовыя. А вещи нужныя для хозяйства убираются въ сараи.

Домъ убирать и мыть приходили бабы изъ Подосинокъ и Борислова, между ними соблюдалась очередь. Возня бывала страшная, сначала убирали верхъ, а потомъ уже низъ. Отецъ дня за два уѣзжалъ въ Зарайскъ за покупками. Его возвращенія мы дѣти всегда ждали съ нетерпѣніемъ. Пріѣдетъ онъ, бывало, усталый, озябшій; и его уже ждутъ съ чаемъ. Въ это время изъ саней приносятъ ящики съ покупками, въ нихъ чай, сахаръ, сыръ, икра и разныя сласти. Бывало не дождемся, пока отецъ напьется чаю и станутъ разбирать покупки. Сначала начинаютъ разбирать разные подарки для прислуги и разныя обновки для насъ. Это все покупалось въ лавкѣ Курносова. Обновы насъ не интересовали, къ нарядамъ мы были всегда совершенно равнодушны.

Наконецъ, открывается ящикъ съ разными орѣхами: миндальными, грецкими, американскими, намъ всегда даютъ по немногу, но мы и малымъ довольны. Вообще насъ лакомствами не баловали. При томъ намъ было извѣстно, что на Рождество будетъ елка и на святкахъ мы будемъ получать гостинцы. Вообще было какъ то особенно весело возвращеніе отца изъ Зарайска, точно праздникъ уже совсѣмъ былъ близко. Наконецъ домъ убранъ, баня вытоплена и мы всѣ по очереди ходимъ въ баню. Сначала ходила тетя; она любила жаркую баню, потомъ отецъ, послѣ мать и наконецъ отправлялись мы дѣти съ няней, Пелагеей Алексѣевной и Алефтиной. Ходить въ баню намъ очень нравилось. Идемъ, бывало, зимой, ночью, т. е. когда уже совсѣмъ темно, съ фонаремъ внизъ по саду, иногда деревья бывали покрыты инеемъ и такъ красиво освѣщались огнемъ фонаря. Баня была внизу сада, у

самой рѣчки. Иногда бывала мятель, которая наметала сугробы, и такое путешествіе съ препятствіями тоже очень нравилось намъ.

По возвращеніи изъ бани насъ поили чаемъ, кажется изъ сухой малины съ покупными Зарайскими или Коломенскими булками, что намъ казалось очень вкусно, и насъ укладывали спать.

Наконецъ наступалъ канунъ Рождества—сочельникъ.

Въ прихожую вносилась елка, заранѣе привезенная Ѳедоромъ Ильичемъ изъ бора и сохраняемая въ сараѣ.

Послѣ того какъ елка обогрѣлась, ее уже насаженную на деревянный крестъ вносили въ гостинную; двери кругомъ плотно затворялись и мать съ нашими гувернантками, втайнѣ отъ насъ дѣтей, убирали елку. Мы были полны ожиданія, но видѣть ничего не могли. Обѣдъ въ этотъ день былъ совсѣмъ постный безъ рыбы и помню, всегда бывалъ винигретъ и разварка или компотъ изъ разныхъ сушеныхъ плодовъ и ягодъ домашняго приготовленія, купленнаго въ этомъ компотѣ бывалъ только одинъ черносливъ. Часа въ три начинались приготовленія ко всенощной. Весь полъ въ залѣ, корридорѣ, прихожей застилался половиками и рогожами. Въ углу залы столъ покрывался скатертью и устанавливался образами; приготовлялись риза, кадило и стихарь, а также и большія служебныя священныя книги,—все это сохранялось у насъ дома въ особомъ ящикѣ въ шкафу.

Часовъ въ пять приходилъ съ дьякономъ Иваномъ Петровичемъ священникъ отецъ Петръ. Онъ жилъ долго въ нашемъ приходѣ; крестилъ меня, вѣнчалъ а впослѣдствіи крестилъ и моихъ дѣтей; онъ былъ вдовецъ, бездѣтный и былъ очень привязанъ къ нашей семьѣ. У діакона была семья, и мать моя крестила всегда его дѣтей. Дочь его Анюта, впослѣдствіи Анна Ивановна, въ дѣтствѣ почти всегда гостила у насъ, она была по годамъ наша сверстница, а послѣ моей свадьбы переселилась къ намъ совсѣмъ и была настоящимъ другомъ нашей семьи, дѣлила съ нами и радость и горе; никогда съ нами не разставалась, занималась самостоятельно и иногда даже деспотично нашими дѣлами и нашимъ хозяйствомъ. Впослѣдствіи, когда я овдовѣла, она жила со мной въ Карцевѣ и скончалась недавно, уже старухой на моихъ рукахъ.

Съ священникомъ отцомъ Петромъ и дьякономъ Иваномъ Петровичемъ приходили еще два дьячка. Ко всенощной мы всѣ собирались

въ залу, приходили и дворовые, а изъ коридора и дѣвичьей выглядывали всѣ горничныя; приходила сосѣдка, бѣдная дворянка Екатерина Осиповна Маркова со своими дочерьми Анной Емельяновной и Екатериной Емельяновной.

Начиналась всенощная, зажигалось много восковыхъ свѣчей и канделябры на стѣнахъ съ стеариновыми свѣчами; залъ принималъ торжественный, праздничный видъ. Служба совершалась тоже очень торжественно, не спѣша.

Въ концѣ всенощной служили молебенъ Рождеству. Въ концѣ молебна мать бывало шепнетъ что то Пелагеѣ Алексѣевнѣ или Ольгѣ Сергѣевнѣ и та изъ нихъ, кому скажетъ мать, идетъ потихоньку черезъ столовую въ гостинную.

Наконецъ служба кончена всѣ поздравляютъ другъ друга съ наступающимъ праздникомъ. Прислуга и дворовые уходятъ и убираютъ елку. Дьячковъ зовутъ пить чай въ прихожую. Мать отворяетъ дверь и мы видимъ ярко освѣщенную множествомъ восковыхъ свѣчей елку, всю увѣшанную разными лакомствами: конфетами съ картинками, золотыми и серебряными орѣхами, которые мать сама золотила „сусальнымъ“ золотомъ и серебромъ, и дѣлала она это потихоньку отъ насъ, когда мы гуляли или учились.

Висѣло на елкѣ много яблокъ. Мы, увидя елку, приходили въ неистовый восторгъ отъ ея красоты.

Хотя теперешнія дѣти, видя современныя елки, съ чудесными картонажами, электрическими свѣчами, нашли бы нашу скромную, но вкусную елку, ничтожной и плохой; но мы лучшей не знали и считали нашу верхомъ совершенства.

Священникъ и дьяконъ въ столовой пили чай. Намъ же было не до чаю, мы все радовались на нашу елку. Наконецъ, проводя священника съ причтомъ, нашу елку гасили, не обрывая украшеній. Намъ дарили по палочкѣ шоколада, и больше мы пока ничего не получали, и шоколадъ намъ строго запрещали ѣсть до завтра, т. е. до Рождества.

Погасивши елку, шли ловить воробьевъ на пирогъ и я, страстно любившая птицъ, постоянно кормившая ихъ въ дѣтствѣ, нисколько не возмущалась этою варварской охотой на бѣдныхъ птичекъ. Конечно, больше все намъ нравилась обстановка при которой шла эта ловля.

Ночью брали фонари и метлы, отправлялись тепло одѣтыя съ Тихономъ—поваромъ, Панфиломъ—садовникомъ, и съ нами также няня и молодыя горничныя въ ригу, и тамъ при свѣтѣ фонарей начинали шуршать метлами. Бѣдныя, сонныя, испуганныя пташки падали на землю, ихъ руками собирали въ мѣшокъ и, наловивши такимъ образомъ сколько было нужно для пирога, мы возвращались весело домой, нисколько не возмущаясь такимъ жестокимъ отношеніемъ къ бѣднымъ, спокойно спавшимъ птичкамъ. И все это продѣлывалось въ эту мирную святую ночь, когда мы всѣ такъ радостно были настроены.

Придя домой, мы здѣсь находили мирное предпраздничное настроеніе. Запахъ роснаго ладона оставшійся послѣ всенощной, во всѣхъ комнатахъ лампадки слабо освѣщали большія комнаты. Мы пробирались на верхъ и тихонько укладывались спать. Утро на Рождество начиналось очень рано, часовъ съ 4-хъ уже всѣ были на ногахъ. Аксиньюшка съ тетей Сашей хлопотали съ тѣстомъ для кулича и пирога, которое стояло въ дѣвичьей на лежанкѣ. Поваръ Тихонъ съ провизіей стоялъ тутъ же въ дѣвичьей. Мать выдавала Тихону все, что нужно было для стряпни на этотъ день для дворни.

Намъ тоже въ этотъ день не спалось, мы одѣвались въ новенькія платья, молились съ няней, читали молитвы Рождеству. Часовъ въ 6-ть приходили дворовые ребятишки, „славили Христа“, получали нѣсколько копѣекъ, а мы уже были готовы ѣхать въ церковь. Я, какъ себя помню, лѣтъ съ 8-ми всегда уже этотъ день ѣздила къ обѣднѣ. На дворѣ было совсѣмъ темно, кто нибудь изъ дворовыхъ ѣхалъ верхомъ съ фонаремъ насъ провожать. Я всегда садилась съ тетей Александрой Павловной на маленькихъ лубочныхъ саночкахъ, очень низенькихъ. Намъ запрягали самую смирную лошадку. Тетя очень боялась ѣзды. На другихъ большихъ саняхъ ѣхали мать, отецъ и сестра Настя, но ее брали не всегда; къ намъ же садилась одна изъ гувернантокъ, и наконецъ, третьи сани, дровни, занимали горничныя, которыя уже убрали домъ и были свободны. Дома оставались хлопотавшія съ куличами и пирогами, а также и столовая горничная Павла, которая съ помощью лакея Ардаліона Семеновича должна была все приготовить къ чаю и завтраку. Въ церковь мы всегда пріѣзжали къ началу обѣдни, мой отецъ былъ церковный староста, а въ его отсутствіе его замѣнялъ Ѳедоръ Ильичъ. Въ церкви у стѣны было длинное возвышеніе, на которомъ становились мы съ тетей, тамъ же стояла дьяконица и другія привилегированныя лица. Мать съ нами не стояла, она всегда

становилась около амвона, что бы лучше слышать. Она плохо слышала, глухота у ней появилась послѣ горячки, которой она хворала незадолго до своей свадьбы; причиной глухоты было то, что послѣ болѣзни она рано вымыла голову.

Обѣдня шла очень торжественно и медленно. Пѣли на клиросѣ любители, и конечно очень плохо. Но священникъ о. Петръ и дьяконъ служили превосходно. По окончаніи обѣдни начинался молебенъ о избавленіи Россіи отъ нашествія французовъ, и такъ какъ многіе тогда еще помнили это великое событіе, то и молебенъ тогда имѣлъ особо большое значеніе. Я помню тетя всегда во время молебна плакала.

Послѣ обѣдни прикладывались къ кресту, поздравляли другъ друга съ праздникомъ.

Въ деревнѣ въ церкви всѣ бываютъ какъ одна семья, всѣ знаютъ близко другъ друга, я и до сихъ поръ нигдѣ себя не чувствую такъ хорошо настроенной какъ въ нашей деревенской церкви на Погостѣ Василія Великаго.

Милая старая церковь! Сколько воспоминаній съ ранняго дѣтства и до сихъ поръ связано съ ней. Въ ней меня крестили, здѣсь я первый разъ исповѣдывалась, здѣсь же меня и вѣнчали. Около нея схоронены мои предки и родители и впослѣдствіи мои дѣти.

Наконецъ всѣ приложились къ образамъ, со всѣми перездоровались и опять усѣлись по санямъ и, весело кланяясь во всѣ стороны народу, ѣдемъ домой. Дома насъ уже ждетъ накрытый столъ, на немъ кипитъ самоваръ и большой кофейникъ съ кофе, которымъ такъ вкусно пахнетъ во всемъ домѣ. Мы всѣ раздѣвшись усаживаемся въ столовой за столъ. Сначала мать давала намъ по кусочку просфоры и тогда уже начинали завтракать и разговляться послѣ сорокадневнаго поста. Чего, чего только не было наставлено на столѣ: куличъ, булка, большая кулебяка съ капустой и яйцами, круглый сдобный паштетъ съ форшмакомъ и воробьями, которые были очень нѣжны и вкусны, какъ въ пирогѣ, такъ и маринованные, а такъ какъ мы ихъ всегда налавливали очень много, то незначительную часть ихъ, жареныхъ или лучше сказать прокипяченныхъ въ маслѣ клали въ пирогъ, а остальныхъ укладывали въ банки и мариновали.

Всѣ послѣ долгаго поста, кушали съ большимъ аппетитомъ и восхищались кулинарнымъ искусствомъ Аксиньюшки, тети Саши и Тихона. Послѣ завтрака всѣ старшіе отправлялись отдыхать, а мы дѣти шли опять любоваться нашей елкой и играть въ куклы. Въ куклы мы очень любили играть, и кромѣ находящихся въ дѣйствительности куколъ, у насъ была масса воображаемыхъ, о которыхъ мы постоянно разговаривали, сочиняли цѣлыя исторіи ихъ жизни; всѣ эти воображаемыя куклы были родственниками или знакомыми нашихъ куколъ. Эти миѳическія куклы писали дѣйствительнымъ письма, въ которыхъ описывалась вся ихъ жизнь, всѣ ихъ радости и огорченія, ихъ путешествія заграницу. Вся эта переписка составляла цѣлую литературу. Я сожалѣю, что у меня ничего не осталось изъ этой переписки.— Отдохнувши большіе приказывали подавать обѣдъ, который почти никто не ѣлъ послѣ такого обильнаго завтрака.

Ѣли мы всѣ съ удовольствіемъ только одно пирожное, которое всегда было приготовлено съ битыми сливками. Я ихъ очень любила. Снаружи ихъ были положены вафли или бисквиты.

Послѣ обѣда приходилъ священникъ съ причтомъ славить Христа. Послѣ пѣнія Рождественскихъ молитвъ ихъ угощали чаемъ.

Потомъ имъ подавали обильныя закуски съ водкой и виномъ.

Проводивши гостей, наши закусывали тоже съ ними, начинали позѣвывать и, поговаривая о томъ, куда предполагали съѣздить на святкахъ и кого ждали къ себѣ на Новый Годъ (нашъ храмовой Праздникъ), отправлялись на покой.

И мы, дѣти, тоже вставшіе въ этотъ день очень рано, съ удовольствіемъ укладывались спать въ наши теплыя постельки; наши маленькія комнатки на верху такъ уютно освѣщались праздничными лампадками.

И такъ весело было засыпать думая, что впереди цѣлыя двѣ недѣли праздниковъ—не надо учиться, можно цѣлые дни играть, гулять, а по вечерамъ вмѣстѣ со всѣми горничными гадать, пѣть „подблюдныя пѣсни“, наряжаться и т. д. И какъ наступали святки, веселью не было конца,—днемъ намъ давали лошедей кататься, по вечерамъ зажигали елку. Гадали такимъ образомъ: клали въ чашку или миску полную воды, кольцо или серьги, накрывали чашку полотенцемъ и

дѣвушки пѣли подблюдныя пѣсни; каждая пѣсня имѣла какое нибудь символическое значеніе.

По окончаніи каждой пѣсни былъ такой припѣвъ: „кому кольцо вынется, тому пѣсня сбудется, не минуется“ и тутъ кто-нибудь изъ старшихъ кому были неизвѣстны вещи опущенныя въ воду, опускалъ въ чашку руку и вынималъ чью-нибудь вещь, которая первая попадалась въ руки.

Потомъ играли въ фанты, искали подъ музыку булавочку, играли въ жмурки. Мы съ гувернантками подъ органъ танцовали кадриль, польку, вальсъ, галопъ. Во всѣхъ нашихъ играхъ, кромѣ танцевъ, принимали участіе всѣ горничныя. Иногда, бывало, въ самый разгаръ нашихъ игръ, послышится шумъ и возня въ сѣняхъ, оказывается пришли ряженные; это нарядились наши дворовые,—кто наряженъ медвѣдемъ, кто его вожакомъ, кто козой; были монахи, цыгане и старики-колдуны съ льняными бородами, лица у всѣхъ были закрыты или такъ загримированы, что ихъ трудно было узнать, тогда и мы и наши горничныя спѣшили также поскорѣе нарядиться, во что попало. Мы чаще всего наряжались мальчиками для чего рубашки косоворотки всегда у насъ были на готовѣ, а также и черные суконные штаны, которые мы надѣвали на гулянья; на голову надѣвали отцову шапку и нарядъ готовъ. Горничныя тоже одѣвались въ бабьи „кички“, поневы, шушпаны, изображали старухъ съ горбами изъ хлопьевъ, или стариковъ въ рваныхъ кафтанахъ съ бородами изъ намыкъ.

Играли на гармоніяхъ, органѣ, всѣ плясали, говорили разныя шутки, остроты. Мать, отецъ и тетя выходили къ намъ изъ столовой разсматривали ряженыхъ, старались узнать знакомыхъ людей, называли по именамъ, часто ошибались; что доставляло большое удовольствіе и возбуждало общій смѣхъ. Шумъ, гамъ стоялъ невообразимый, наконецъ ряженыхъ угощали орѣхами, пряниками, моченными яблоками и они, оставляя послѣ себя страшную грязь въ залѣ, уходили домой.

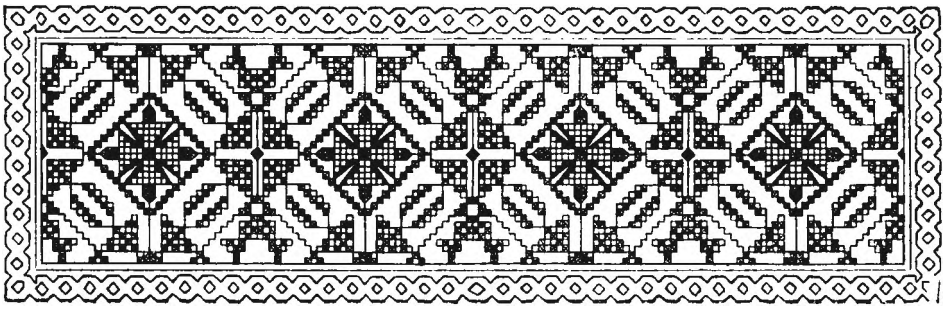
Утромъ задолго до свѣта горничныя мыли всѣ полы, гдѣ толпились ряженые и когда мать и отецъ вставали, а это бывало въ 6 часовъ утра, все уже было чисто вымыто, убрано и во всѣхъ печахъ весело трещали дрова. Мать по обыкновенію шла обливаться холодной водой, а отецъ до чаю шелъ по хозяйству, и всѣ вчерашніе медвѣди, вожаки, колдуны и цыгане, выходили изъ своихъ помѣщеній и по указанію отца, принимались за свои обязательныя каждодневныя занятія: шли

за кормомъ для скота, чистили и поили лошадей, кормили куръ, гусей и индѣекъ и утокъ;—и ничто уже въ нихъ не напоминало тѣхъ, шумныхъ, смѣлыхъ, веселыхъ и даже фамильярныхъ съ господами ряженыхъ, какими они были наканунѣ вечеромъ.

Вотъ какъ проводили святки. Днемъ гулянье; катались на лошадяхъ и на ледянкахъ, на салазкахъ. Горы, съ которыхъ мы катались вмѣстѣ съ дворовыми и крестьянскими ребятишками, были естественныя, природныя. Одна гора была между нашимъ садомъ и садомъ нашей сосѣдки Масловой. Наши усадьбы раздѣлялъ рубежъ, который почему то назывался „заулкомъ“. Заулокъ этотъ шелъ крутымъ спускомъ съ горы къ рѣчкѣ и такъ какъ по немъ носили воду изъ родника, то вся эта дорога была покрыта льдомъ. Кататься съ ней было и жутко и хорошо. Веселью и смѣху не было конца, на этихъ катаньяхъ благодаря постоянному общенію въ играхъ съ крестьянскими дѣтьми я научилась вполнѣ понимать и жизнь и нужды народа. Новольно болтая съ ребятами, мы узнавали всю ихъ семейную обстановку, всѣ ихъ радости и горе, ихъ полную зависимость отъ господъ; приходилось слышать о разныхъ несправедливостяхъ и дикихъ выходкахъ сосѣднихъ помѣщиковъ. И, мнѣ съ дѣтства пришлось узнать всѣ ужасы крѣпостного права и отъ всего сердца желать, что бы участь народа измѣнилась къ лучшему. Я дѣвчевкой всегда была большая демократка, ненавидѣла деспотовъ-помѣщиковъ, нисколько не меньше своихъ крестьянъ и все простое крестьянское мнѣ очень нравилось; я любила принимать участіе во всѣхъ ихъ забавахъ и работахъ; за что мнѣ часто доставалось отъ матери, если она что либо узнавала отъ няни и даже отъ моей милой баловницы тети.

Вечеромъ же мы всегда рядились, гадали и играли въ разныя игры.

Такъ проходила первая недѣля послѣ Рождества.



Воспоминанія Анны Козьминичны Лелонгъ

Наканунѣ Новаго Года, нашего храмоваго праздника, опять убирался и мылся домъ. Разбирали нашу елку, лакомства съ нее получали мы; въ этотъ же день почти всегда пріѣзжала наша тетя Варвара Ивановна изъ Бойчицъ. Ея пріѣздъ былъ для насъ большой радостью, мы всѣ ее очень любили.—Она всегда такъ мило и живо разсказывала намъ о разныхъ событіяхъ въ своей жизни. Навезетъ, бывало, намъ множество лакомствъ собственнаго приготовленія. Вечеромъ всегда наканунѣ Новаго Года бывала всенощная и молебенъ Василію Великому. Вечеръ проводили семейно. Встрѣчи Новаго Года у насъ въ старину до моего выхода замужъ никогда не было. Общимъ совѣтомъ вечеромъ составлялось меню праздничнаго обѣда. Призывался Тихонъ, который уже заранѣе успѣлъ приготовить заливныя въ фигурныхъ формахъ, это блюдо онъ называлъ „галантинъ“, и приготовленіемъ его очень хвалился.—Его всѣ очень упрашивали хорошенько приготовить обѣдъ и не напиться пьянымъ раньше нашего обѣда, что онъ конечно, обѣщалъ, но не всегда исполнялъ. Часто его приходилось выручать нашимъ горничнымъ, старухамъ, которыя умѣли стряпать не хуже его. Вечеромъ послѣ ужина подаваемаго всегда въ 9-ть часовъ устраивали въ столовой гаданье: брали лукъ, изъ котораго вынимали середину такъ, что образовывалась луковая чашечка, такихъ чашечекъ дѣлали 12-ть, по числу мѣсяцевъ, въ каждую чашечку насыпали соль, и клали ихъ кругомъ на столѣ, дѣлая надъ каждой чашечкой надпись мѣсяца начиная съ Января. А намъ давали два стакана и мы въ нихъ сами наливали воду, а въ воду выпускали яичный бѣлокъ.—Утромъ Новаго Года всѣ вставали рано, зажигали огни во всѣхъ комнатахъ. Всѣ мы отправлялись въ столовую, пропитанную отвратительнымъ запахомъ лука, мы дѣти съ любопытствомъ брали наши стаканы и смотрѣли

на фантастическія фигуры, образованныя въ нихъ бѣлкомъ въ видѣ храмовъ, башенъ или замковъ, изъ этихъ фигуръ мы старались создать себѣ какое либо пріятное для насъ значеніе. Старшіе же съ любопытствомъ осматривали луковыя чашечки и въ которой соль была мокрая, то тотъ мѣсяцъ по замѣчанію долженъ быть дождливымъ, или снѣжнымъ, смотря по времени года. Этому предсказанію кажется очень довѣряли; такъ какъ брали записную книжечку и записывали въ нее въ какіе мѣсяцы будетъ ведро и въ какіе ненастье. Предсказывали какая будетъ уборка хлѣба сухая или мокрая и т. д.

Приказывали все это скорѣе убрать и освѣжить комнату и для этого затапливали печи, открывали всѣ форточки, курили какимъ то душистымъ порошкомъ.

Отдавали разныя приказанія на счетъ обѣда, завтрака и пріема ожидаемыхъ на этотъ день гостей. Всѣ наши уѣзжали къ обѣднѣ. Насъ дѣтей въ этотъ день въ церковь не брали.

Для насъ это утро было очень веселымъ, мы выпрашивали себѣ у Ѳедора Ильича приготовлявшаго закуску гостямъ, на наши кукольныя тарелочки разныхъ разностей: копченой ветчины, красиво нарѣзанной ломтиками, а также сыру и икры. Въ старину все это подавалось нарѣзанное красивыми четырехугольными кусочками на множествѣ тарелочекъ. У Аксиньюшки выпрашивали также на игрушечныя тарелочки маленькихъ маринованныхъ рыжиковъ, опенокъ, а у тети Саши кусочки сырого тѣста. Я начинала изъ него дѣлать куличики и пышки для нашихъ куколъ, все сдѣланное изъ тѣста отправляла въ кухню къ Тихону печь. И начинался грандіозный пиръ у куколъ. Обѣдня въ этотъ день кончалась позднѣе и мы успѣвали до возвращенія нашихъ окончить нашъ кукольный пиръ и съѣсть все нами выпрошенное и приготовленное. Наши пріѣзжали отъ обѣдни вмѣстѣ съ тетей Варей, усаживались за чай, благодушно бесѣдуя о текущихъ событіяхъ, не забывая и политику. Много было толковъ о строгости и силѣ характера императора Николая I-го. Но его, насколько помню, не осуждали за это и даже какъ бы восхищались этой силой; но это не мѣшало имъ уважать и декабристовъ, читать стихи Рылѣева и Пестеля.

Съ 1850 года хотя, я еще и была очень мала, но помню какъ всѣ толковали о возможной войнѣ съ Турціей и съ тревогой по этому поводу встрѣчали Новый годъ.

Часовъ съ 12-ти начинали съѣзжаться гости и подавали завтракъ; разныя закуски, пироги и непремѣнно въ сотейникѣ телячья печенка въ сметанѣ.

За завтракомъ подавались разные фигурные графинчики съ различными водками, настоенными на разныхъ травахъ и молодомъ смородиновомъ листѣ; первая называлась травникомъ и имѣла видъ чая, а послѣдняя называлась листовка, и имѣла прекрасный яркій зеленый цвѣтъ.

Первыми всегда пріѣзжали гости изъ Клементьева.

Клементьево было отъ насъ только въ 6-ти верстахъ.

Тамъ жили родственные другъ съ другомъ семейства Гололобовыхъ и Рудневыхъ, послѣдніе были сродни и намъ по бабушкѣ, урожденной Колеминой. Тетя Александра Павловна очень любила семью Рудневыхъ, которая вначалѣ состояла изъ вдовы Александры Васильевны, которую мы звали тетей, у ней было двѣ дочери: Анна Владимировна замужемъ за Григоровымъ, жила въ Зарайскѣ, была очень несчастлива и умерла молодой. Вторая дочь Елизавета, дѣвица кончившая въ Смольномъ институтѣ хорошенькая, чувствительная, любимица моей тети Александры Павловны. Сынъ Василій Владиміровичъ, офицеръ, кутила, игрокъ, очень веселый, добродушный, тоже любимецъ нашей семьи. Александръ Владиміровичъ—ученый профессоръ Московскаго Университета, скучный, вѣчно думавшій о своемъ здоровьѣ; его, кажется, никто не любилъ, но всѣ очень уважали и даже, кажется, немного побаивались:—такъ онъ всѣхъ нашихъ милыхъ, простыхъ деревенскихъ обитателей угнеталъ своей ученостью и педантизмомъ во всемъ. Бывалъ онъ въ деревнѣ рѣдко. Еще у нихъ было два брата студента—Евгеній и Леонидъ, но я ихъ почти не помню, они были очень красивы, и оба умерли въ юности.

Тетя Александра Васильевна умерла вскорѣ послѣ своей дочери Анны Владиміровны и я уже больше помню ея вторую дочь Елизавету жившую въ домѣ своей бабушки, матери Александры Васильевны, Анны Яковлевны Гололобовой. Помню ихъ низенькій чистенькій домикъ съ мезониномъ на верху;—какъ въ немъ было уютно и хорошо. Маленькая зала имѣла видъ сада, вся была заставлена цвѣтами и отъ зелени въ комнатѣ былъ полусвѣтъ.

Между зелеными кустами была масса кустовъ, которые цвѣли яркими розовыми и красными цвѣтами.

Полъ въ этой комнатѣ былъ посыпанъ чистымъ золотистымъ пескомъ.

Посединѣ комнаты стоялъ обѣденный столъ окруженный стульями, и мнѣ казалось всегда, что мы обѣдаемъ въ саду.

Семья эта состояла изъ бабушки Анны Яковлевны, старушки лѣтъ 85-ти, хорошенькой, маленькой, худенькой, бѣленькой, въ черной накидкѣ и чепчикѣ съ лиловыми или желтыми лентами; она уже никуда не выѣзжала, но сохранила ясный разумъ, была очень привѣтлива и гостепріимна: съ ней жила дочь Прасковья Васильевна, дѣвица, старуха, которая по словамъ матери и тетки была настоящая красавица съ молоду, и не вышла замужъ потому, что была очень разборчива. Она и въ старости не могла примириться съ потерей красоты, немного румянилась и носила черный парикъ, поверхъ котораго надѣвался изящный бѣлый чепчикъ. Она занималась всѣмъ домашнимъ, хозяйствомъ и была очень скупа, что замѣчали всѣ посѣтители ихъ дома и часто надъ ней за глаза посмѣивались. Съ ними жилъ сынъ Анны Яковлевны Василій Васильевичъ Гололобовъ, отставной маіоръ, онъ велъ все полевое хозяйство и всѣ дѣла своей матери, былъ холостъ и тоже уже очень немолодъ, имѣлъ невѣсту въ Егорьевскомъ уѣздѣ, нѣкую де-Медемъ, которая все время водила его, какъ говорится за носъ, оставляя его про запасъ, но лучшихъ жениховъ такъ и не дождалась, старухой уже вышла за него замужъ въ одинъ годъ со мной и умерла вдовой въ Клементьевѣ, гдѣ ихъ дѣти живутъ до сихъ поръ. Потомъ у нихъ послѣ смерти матери жила Елизавета Владиміровна и двѣ дочери другого сына вдовца Ардаліона Васильевича Гололобова—Анна и Лиза. Отецъ служилъ гдѣ то очень далеко, а дѣвочки воспитывались у бабушки. Учила ихъ Елизавета Владиміровна, отецъ за нихъ платилъ ей большія деньги, а также и за ихъ содержаніе своей матери, ихъ бабушкѣ. Помѣщались всѣ три барышни въ мезонинѣ на верху. Я была очень дружна съ Лизой Гололобовой, которая была старше мени года на три. Жизнь этихъ дѣвочекъ у бабушки была довольно печальная. Прасковья Васильевна была страшно своевольна и по своей скупости плохо ихъ одѣвала и кормила, а Елизавета Владиміровна не смотря на свою сантиментальность и поэтичность была очень капризная учительница.

И вотъ они, вся семья изъ Клементьева, какъ самая ближайшая, пріѣзжала къ намъ всегда первая. Я всегда бывала очень рада пріѣзду Лизы Гололобовой. Сейчасъ, бывало, уведу ее къ себѣ на верхъ показываю ей свои куклы, книги, а она бывало мнѣ разсказываетъ о своихъ горестяхъ и обидахъ, которыя имъ съ сестрой приходилось терпѣть отъ Прасковьи Владиміровны и отъ Елизаветы Владиміровны. Впослѣдствіи, когда отецъ этихъ дѣвочекъ вернулся со службы, вся семья поселилась около насъ въ Торжневѣ въ разстояніи меньше версты отъ Карцева. Отецъ Лизы и Анны—Ардаліонъ Васильевичъ, купилъ или получилъ въ наслѣдство небольшое количество земли, въ Торжневѣ, выстроилъ маленькій хорошенькій домикъ и переѣхалъ въ него жить съ обѣими дочерями, изъ которыхъ старшая Анна скоро вышла замужъ, а Елизавета осталась полной хозяйкой въ домѣ отца и, мы съ ней навсегда остались большими пріятельницами.

Вскорѣ послѣ гостей изъ Клементьева пріѣзжали къ намъ изъ Плѣшковъ—докторъ Милоглядовъ съ женой Екатериной Ѳедоровной. Онъ былъ другомъ моего отца, служилъ военнымъ докторомъ въ томъ же полку, гдѣ и отецъ, одновременно съ нимъ вышелъ въ отставку и женился на Зарайской помѣщицѣ. Между нимъ и его женой ничего не было общаго. Онъ до конца жизни оставался студентомъ стараго времени, любилъ классицизмъ, восхищался древними мыслителями и любилъ декламировать латинскіе и греческіе стихи. Любилъ вспоминать свое дѣтство, которое прошло въ глухомъ селѣ Муромскаго уѣзда. Онъ былъ сынъ бѣднаго дьячка, любилъ на свое рожденіе (рожденіе и именины приходились въ одинъ день) всегда разсказать, что мать его родила въ полѣ, гдѣ жала рожь и принесла его новорожденнаго въ подолѣ своего платья домой. Припоминалъ, какъ ходилъ домой изъ семинаріи босой и пѣшкомъ и т. д. Былъ онъ, какъ говорятъ, настоящій красавецъ, рослый, статный. У меня въ памяти, остался уже старикомъ, но и тогда былъ очень еще красивъ.

Насъ дѣтей онъ очень любилъ и баловалъ. Жена же его, урожденная Солнцева, была сиротой воспитана въ очень важной аристократической семьѣ; получила прекрасное по тому времени свѣтское воспитаніе, постоянно страдала нервными болѣзнями, возмущалась плебейскими вкусами своего мужа, ревновала его ко всѣмъ хорошенькимъ крестьянкамъ и горничнымъ. Семейная ихъ жизнь была очень печальна. Много разъ она собиралась разводиться съ мужемъ и моему отцу, которому всегда супруги Милоглядовы отдавали на судъ свои ссоры, большого труда стоило мирить ихъ. Кромѣ Милоглядовыхъ

пріѣзжали Мельгуновы: они имѣли небольшое имѣніе въ Карцевѣ, которое получили отъ совершенно посторонней—старой дѣвы Рогозиной, за что, помню, мать и тетя ихъ осуждали находя, что старикъ Мельгуновъ разными интригами перессорилъ старуху Рогозину съ ея настоящими наслѣдниками Марсочниковыми, чтобы получить ея имѣніе. Къ намъ ѣздили молодые Мельгуновы, дѣти старика Ивана Андреевича, котораго я уже почти не помню, онъ умеръ когда я была еще очень невелика. Къ намъ пріѣзжали два брата Николай и Иванъ Ивановичи оба холостые и двѣ барышни очень миловидненькія—Анна и Варвара. Варвара вышла скоро замужъ, а Анна такъ и осталась дѣвицей и всегда жила и живетъ съ братомъ Иваномъ Ивановичемъ въ родовомъ имѣніи Боркахъ. Эти барышни, особенно меньшая Анна или, какъ мы ее звали Аннеттъ, была тоже нашей подругой, хотя была лѣтъ на 7 старше меня, но она была очень моложава, хорошенькая, тоненькая, кудрявая, румяная, была любимицей брата Ивана Ивановича. Тотъ постоянно и дома, и въ гостяхъ, цѣловалъ ее. Послѣ пріѣзда Меньщиковыхъ всѣ уже начинали волноваться, что пора обѣдать, а Селивановыхъ изъ Любава все нѣтъ.

И вотъ въѣзжаетъ сразу множество экипажей, сначала повозка, въ ней сидитъ старушка Варвара Павловна съ горничной, старая дѣвица, воспитательница всей многочисленной семьи брата, рано потерявшаго красавицу жену, умершую родами послѣдняго сына Василія, который остался навсегда при отцѣ и сталъ послѣ его смерти хозяиномъ Любава. Остальные сыновья получили другія имѣнія и, по зимамъ большею частью живали въ Москвѣ. Иногда пріѣзжалъ и старикъ Василій Павловичъ, нашъ крестный отецъ, тоже въ отдѣльной повозкѣ и съ своимъ лакеемъ, но онъ ѣздилъ рѣдко.

И наконецъ въѣзжалъ возокъ, въ которомъ помѣщались молодые Селивановы—Василій Васильевичъ съ женой Маріей Дмитріевной,—также съ своей горничной. Пріѣздъ молодыхъ Селивановыхъ поднималъ весь домъ вверхъ дномъ. Марія Дмитріевна была уже много лѣтъ замужемъ, имѣла много дѣтей, но оставалась до конца своей жизни институткой стараго времени, любила музыку, сама очень мило пѣла, прелестно танцовала, любила всегда вспоминать свою жизнь въ институтѣ, обожала всю царскую фамилію и была платонически влюблена во всѣхъ Великихъ Князей, сыновей Николая I-го, изъ которыхъ Константинъ Николаевичъ былъ ея ровесникомъ. Никакими домашними и хозяйственными дѣлами не занималась, и относилась къ этимъ занятіямъ съ полнымъ презрѣніемъ, за что

на нее часто сердился ея свекоръ, Василій Павловичъ, и въ свою очередь съ презрѣніемъ относился къ ея романтизму и сантиментальности. По его желанію, она должна была въ 8 часовъ утра сидѣть за самоваромъ, и зимой и лѣтомъ и ложиться спать въ десятомъ часу вечера и присутствовать при заготовленіи запасовъ осенью и лѣтомъ. Она не смѣла его ослушаться, и съ французскимъ романомъ въ рукахъ сидѣла въ погребѣ въ креслѣ, смотрѣла какъ солили огурцы или укладывали рубленную и шинкованную капусту въ кадки; за всѣ эти вынужденные подвиги называла свекра деспотомъ, тираномъ. Мужъ ее очень любилъ, послѣ смерти отца очень ее баловалъ и тогда она стала вести самую оригинальную жизнь, по своему вкусу. Вставала въ 5 часовъ пополудни, обѣдала въ 9-ть часовъ вечера, вечерній чай пила въ 11 часовъ, ужинала никогда не раньше 2 или 3-хъ часовъ утра и ложилась спать въ 5 или 6-ть часовъ утра: такъ что съ Октября до весны она не видала дневного свѣта, вставая, когда уже наступалъ вечеръ. Она была очень добрая, сердечная и религіозная женщина горячо любящая свою семью, но оригиналка замѣчательная, съ дѣтскимъ взглядомъ на жизнь.

И вотъ какъ только пріѣзжала она въ Карцево, начиналась суетня, ей отводили отдѣльную комнату, для этого насъ на одну ночь переселяли внизъ, въ образную, около спальни матери. Въ комнату, отданную Маріи Дмитріевнѣ, вносили ея чемоданы, шкатулки, горничныя бѣгали съ утюгами и сама Марія Дмитріевна одѣвалась къ обѣду, къ которому ее давно ожидали. Наконецъ всѣ были готовы и садились за столъ. Мать всегда страшно волновалась, боясь что уже поздно, Тихонъ пьянъ и обѣдъ будетъ испорченъ.

Насъ, дѣтей, сажали отдѣльно, вмѣстѣ съ Лизой Гололобовой и мальчиками Селивановыми, если пріѣзжали съ родителями изъ Кошелева, гдѣ жилъ старшій сынъ Василія Павловича—Павелъ Васильевичъ Селивановъ съ женой Александрой Александровной, очень красивой женщиной. Она была родомъ изъ Малороссіи и сохранила всѣ привычки той страны, страстно любила цвѣты и очень занималась садомъ. Мужъ ея былъ некрасивый, толстый, хромой, но имѣлъ прекрасный цвѣтъ лица и румяныя щеки; несчастье ихъ семьи составляли два сына Василій и Сергѣй, оба отъ рожденія глухонѣмые. Эти мальчики были ровесники намъ съ сестрой, но на Новый Годъ пріѣзжали рѣдко, такъ какъ почти всегда ихъ семья зиму, съ ноября до марта, жила въ Москвѣ. Александра Александровна всегда была очень ласкова со мной, привозила всегда намъ гостинцы и мнѣ, зная

мою любовь къ цвѣтамъ, всегда давала цвѣточныя сѣмена для моего садика, учила меня за ними ухаживать и научала дѣлать букеты изъ простыхъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Вся ея жизнь съ глухонѣмыми дѣтьми была полна страданій. Она сумѣла выучить ихъ говорить не только ручной азбукой но и гортанными звуками; слышать ихъ разговоръ было очень тяжело. Она ихъ также выучила прекрасно писать и мы съ ними всегда разговаривали письменно.

Потомъ ихъ отдали въ Петербургъ въ институтъ глухонѣмыхъ, за нихъ вносили очень дорогую плату. Ей предлагали готовить одного мальчика и за это учить ея дѣтей безплатно, но она отъ этого отказалась, говоря, что того, что она дѣлала для своихъ несчастныхъ дѣтей, для посторонняго ребенка ни за какія деньги не сможетъ выполнить. Послѣ, когда глухонѣмыя дѣти уже выросли, у ней родился еще сынъ Николай, прелестный здоровый мальчикъ съ хорошимъ слухомъ и уже 6—7-ми лѣтъ говорилъ не только по русски, но и по французски. Но несчастная жизнь съ глухонѣмыми дѣтьми и глуповатымъ капризнымъ мужемъ, такъ разстроила ея организмъ, что вскорѣ послѣ рожденія Николая она стала болѣть и только спустя нѣсколько лѣтъ начала лѣчиться отъ болѣзни, которая уже давно зрѣла въ ея организмѣ; доктора посовѣтовали ей сдѣлать операцію, но она послѣ нея умерла, оставивши своего ненагляднаго мальчика Колю круглымъ сиротой. Онъ и до сихъ поръ владѣетъ Кошелевымъ, женатъ, имѣетъ дѣтей, прелестную, милую, добрую жену.

Глухонѣмые братья его умерли. Василій умеръ молодымъ, а Сергѣй недавно, старикомъ.

Итакъ всѣ усаживались за обѣдъ. Нашъ столъ, дѣтскій, къ которому еще присоединялись иногда и Анюта Мельгунова и Анночка Гололобова, былъ превеселый. Я часто забавляла моихъ гостей подражая старшимъ, на что была великая мастерица.

На нашъ столъ ставили превкусную шипучую водицу, которую называли „водянкой“; она имѣла вкусъ очень сладкаго шипучаго вина и мы ее пили въ маленькихъ рюмочкахъ; на нашъ столъ подавались остатки всѣхъ блюдъ и въ большомъ количествѣ пирожное, шоколадный пломбиръ съ очень вкусными бисквитами.

Послѣ обѣда пили кофе и подавали десертъ почти всегда домашняго приготовленія: разныхъ сортовъ варенья, пастилы, которыя тетя

Александра Павловна дѣлала превосходно, смоквы, яблоки свѣжіе и моченые, орѣхи—вареные въ меду, въ сахарѣ и просто каленые и свѣжіе, которые съ осени, самые крупные и зрѣлые насыпались въ особые кувшинчики и замазывались глиной и закапывались въ подвалѣ въ землю и вынутые изъ земли имѣли вкусъ совершенно свѣжихъ, только что сорванныхъ съ кустовъ орѣховъ. Нѣкоторые гости усаживались за карточные столы играли въ преферансъ, другіе мирно бесѣдовали. Прислуга тоже пировала; пріѣзжіе лакеи и горничныя послѣ обѣда также получали десертъ; тетя для этого нарочно варила медовое варенье. Имъ также давали каленыхъ орѣховъ, моченыхъ яблокъ и брусники.

Послѣ чая, часовъ въ 7-мь, начинались у насъ въ залѣ танцы и игры въ фанты. Марія Дмитріевна играла на нашемъ старомъ, разбитомъ роялѣ; танцовали подъ ея игру и подъ органъ, играли въ фанты, пѣли подблюдныя пѣсни, иногда приходили ряженые горничныя и лакеи, которые такъ хорошо плясали, что даже картежники бросали карты, чтобы посмотрѣть пляшущихъ. Послѣ обѣда наше общество увеличивалось пріѣздомъ священника и дьякона; они, пропѣвши тропарь празднику и сказавши многолѣтіе хозяевамъ, оставались у насъ уже какъ гости. Нашъ молодой и красивый дьяконъ Иванъ Петровичъ прекрасно распѣвалъ дуэты съ Маріей Дмитріевной, а подъ ея акомпаниментъ пѣвалъ и одинъ романсы по ея выбору. И такъ проходилъ вечеръ. Послѣ ужина ближайшіе гости, какъ, напримѣръ, изъ Клементьева, изъ Борокъ и, если бывали, изъ Кошелева, уѣзжали домой. Ихъ провожали съ фонарями, если ночь была темная. Остальные гости оставались ночевать и только на другой день послѣ обѣда разъѣзжались домой; у насъ оставалась гостить только одна тетя Варвара Ивановна, чему бывали очень рады. Она проживала у насъ иногда мѣсяцъ, а иногда и больше.

3 и 4-е января мы еще считали святками и проводили также какъ и первые дни, но съ наступленіемъ 5-го января, все сразу измѣнялось—убирали и мыли домъ. мы до святой воды могли, если хотѣли. пить одинъ только чай безъ хлѣба, выпивши предварительно прошлогодней Богоявленской воды. Мы съ отцомъ пивали чай, но мать и тетя, а такъ же и тетя Варя никогда не пили чаю, и въ часъ дня всѣ отправлялись въ церковь.

Насъ также брали съ собой. Мы отстаивали обѣдню и водосвятіе, по окончаніи котораго весь народъ съ глиняными кувшинами стре-

мился къ кадкамъ съ освященной водой. Это бывала настоящая война и никто не могъ остановить этой давки другъ друга. Кувшины бились, вода проливалась. Намъ дьячки или дьяконъ приносили нашу посуду, наполненную водой и свѣчку „крещенскую". Эта свѣчка горѣла все водосвятіе на паникадилѣ около чаши съ водой.

Свѣчу эту берегли въ домѣ. Пріѣхавши домой мы пили чай и это былъ нашъ обѣдъ; вмѣстѣ съ чаемъ всегда въ этотъ день у насъ бывалъ компотъ изъ сушеныхъ плодовъ и чернослива и кутья изъ рису.

Чай пили съ постной булкой и больше ничего не ѣли въ этотъ день. Вечеромъ, священникъ съ причтомъ служилъ всенощную, послѣ которой скоро уѣзжали домой, а мы всѣ, дѣти и большіе, ложились спать.

На утро Крещенья, мы всѣ отправлялись къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни былъ всегда крестный ходъ на Іордань, которая устраивалась на рѣчкѣ; спускаться къ этому мѣсту надо было съ очень крутой горы, рѣчка окружена была прелестнымъ небольшимъ сосновымъ лѣсомъ. Лѣтомъ этотъ лѣсъ былъ однимъ изъ любимыхъ мѣстъ нашихъ прогулокъ, въ немъ бывало много разныхъ грибовъ и на погостѣ, какъ въ семьѣ священника, такъ и въ семьѣ дьякона, насъ очень любили и всегда радушно принимали. Зимой же во время крещенскаго крестнаго хода, видъ этотъ мнѣ тоже очень нравился. При яркомъ зимнемъ солнцѣ лѣсокъ покрытый инеемъ блисталъ серебромъ и драгоцѣнными алмазами, золотыя хоругви, образа, священники въ праздничныхъ золотыхъ парчевыхъ ризахъ, толпы народа, все это запечатлѣлось въ моемъ дѣтскомъ воспоминаніи и мы съ большимъ благоговѣніемъ выстаивали всю службу водосвятія, несмотря иногда на очень сильные крещенскіе морозы. Разъ даже я обморозила на Крещенье щеку; отъ чего, помню, мнѣ ее мазали гусинымъ саломъ. Мы возвращались въ церковь, но многіе изъ народа, особенно тѣ, которые наряжались на святкахъ въ маски, что считалось грѣхомъ, оставались на Іорданѣ и купались въ ледяной водѣ. Я не помню ни одного случая, чтобы кто нибудь заболѣлъ послѣ такого купанья. Послѣ обѣдни вся наша семья съ тетей Варей, возвращалась домой, позавтракавши, также какъ и на Рождество и Новый Годъ вкуснымъ, обильнымъ деревенскимъ, жирнымъ завтракомъ, ложились отдыхать. Послѣ обѣда приходилъ священникъ съ причтомъ, со святой водой, кропили вездѣ: въ домѣ, въ ригѣ, на скотномъ дворѣ, въ амбарахъ, въ кухнѣ и людскихъ избахъ. Священникъ и дьяконъ оставались нашими гостями весь вечеръ, а дьячковъ

угощала наша прислуга въ дѣвичьей или прихожей, хотя закуски и кушанья имъ подавались тѣ-же, что и намъ, но послѣ закуски и водки они отправлялись домой.

6-го былъ послѣдній святочный вечеръ. Съ 7-го января наступали будни. Послѣ святокъ зимніе дни становились больше, наша семья чаще стала выѣзжать изъ дома къ ближайшимъ сосѣдямъ, выбирая для этого лунныя ночи. Въ Клементьево иногда брали и меня съ собой,—помню, какъ хорошо было ночью при лунѣ, прокатиться шесть верстъ, по прекрасной зимней дорогѣ,—кругомъ тихо, красота. Точно волшебная сказка, все какъ бы убрано серебромъ и драгоцѣнными камнями, особенно красива казалась наша старая усадьба, когда мы подъѣзжали къ ней, садъ освѣщенный луной съ его громадными деревьями покрытыми инеемъ, въ домѣ окна были освѣщены огнемъ, въ ожиданіи насъ.

Природа для насъ, выросшихъ въ деревнѣ, настоящая ласковая мать, она способна успокоить и утѣшить во всѣхъ горестяхъ и печаляхъ. Дѣтство проведенное въ деревнѣ, навсегда оставляетъ свое вліяніе на человѣка. Я отъ всего моего сердца желаю, чтобы мои дорогія дѣтки, для которыхъ я пишу эти записки, также любили наши мирные поля и лѣса, какъ ихъ любила и я. И такъ, проходитъ январь, яркій, солнечный, морозный и наступаетъ февраль.

Несмотря на морозы и вьюги, въ воздухѣ уже чувствуется приближеніе весны. Нигдѣ, не бываетъ такъ замѣтно приближеніе ея, какъ въ деревнѣ. Яркій свѣтъ солнца, ослѣпительная бѣлизна снѣга, все уже не то, что было въ декабрѣ и январѣ. 3-го февраля я весело въ дѣтствѣ праздновала свои именины. Получала отъ отца копѣекъ 50 денегъ, размѣненныя на мелкія серебрянныя монеты, это были единственныя деньги, которыя я имѣла право тратить безотчетно, по своему усмотрѣнію, на рожденіе мнѣ отецъ тоже всегда дарилъ золотой въ 10 руб., но эти деньги у меня сейчасъ же отбирали и тетя ихъ сберегала въ особомъ старинномъ ящичкѣ, они впослѣдствіи были выданы, когда я съ матерью поѣхала въ Москву, передъ моей свадьбой дѣлать „приданое“. Потомъ отецъ, мать и тетя дарили мнѣ разныя лакомства, я всегда получала деревянную створчатую коробочку конфектъ; въ ней были разныя фигурки изъ сахара или покупныя конфекты съ картинками, вкусъ этихъ конфектъ ничѣмъ не отличался отъ простого, да еще плохого сахара. Кромѣ этого я получала палочку

шоколада. Тетя Соня приносила кусокъ сырого тѣста изъ котораго я могла мѣсить, что хотѣла сама для себя съ сестрой Настей. Шоколадъ тоже позволялось варить самой въ комнатной печкѣ съ помощью Алефтины и, такъ какъ въ этотъ день были имянинницы и мои куклы, то изъ тѣста приготовляла множество маленькихъ пышечекъ, хлѣбовъ и разныхъ фигурокъ, все это тоже пеклось въ нашей комнатной печкѣ и пиръ выходилъ на славу.

Участіе въ угощеніи кромѣ насъ съ сестрой принимали и наши молоденькія горничныя, а лакомства и конфекты я раздавала моимъ деревенскимъ пріятелямъ ребятишкамъ. Съ половины февраля, во время моихъ прогулокъ, я почти не разставалась съ садовникомъ нашимъ старикомъ Виссаріономъ,—начинали набивать парники навозомъ въ ящикахъ, въ избѣ онъ уже начиналъ сажать на пробу сѣмена арбузовъ, дынь, тыквъ и огурцовъ.

Въ домѣ послѣ половины февраля тоже прекращалась зимняя работа. Горничныя убирали свои самопрялки, гребни, донцы, намыки льна. Въ ткацкой избѣ становили станы и ткачъ Герасимъ начиналъ ткать изъ пряжи наготовленной зимой горничными, полотна, гирныя скатерти, салфетки и полотенца, а горничныя, кто готовилъ подушки для плетенія кружевъ, наматывали на тоненькія коклюшки тончайшія нитки. Тетя съ Аксиньюшкой составляли рисунки для кружевныхъ работъ.

Мать моя приказывала вносить свои пяльцы; въ нихъ вправливали очень туго мельчайшую канву и она принималась за работу своихъ чудныхъ картинъ, вышиваемыхъ шерстями. Въ этой работѣ она была настоящая художница, въ то время во всѣхъ почти деревенскихъ помѣщичьихъ домахъ были вышитыя картины, но лучше и мельче картинъ моей матери я ни у кого не видала.

Мы съ сестрой очень радовались когда мать начинала перебирать свои шерсти въ шифоньеркѣ, два ящика въ которой были биткомъ набиты разными шерстями и шелками всевозможныхъ цвѣтовъ и каждый цвѣтъ былъ подобранъ по тѣнямъ, начиная отъ самаго темнаго, почти чернаго, и кончая свѣтлымъ почти бѣлымъ; многіе сорта, оставались лишними, ненужными и мать ихъ отдавала намъ и мы тоже начинали вышивать разныя вещи по папье поке, которую намъ покупали разныхъ цвѣтовъ. Вышивали закладки для книгъ, картинки для

портъ-летръ, въ подарки роднымъ и знакомымъ. Вязали разные коврики, поддонники подъ лампы и подсвѣчники и т. д. Въ февралѣ же почти всегда была и масляница, и передъ ней кромѣ естественныхъ нашихъ горъ, съ которыхъ мы на ледянкахъ всю зиму катались съ ребятишками, подъ покровительствомъ нашей няни, намъ дѣлали большую ледяную гору. Наши люди ѣздили въ зарѣчныя села, Дѣдново, Бѣлоомутъ и Ловцы за рыбой и гречневой мукой на блины; всегда оттуда привозили намъ хорошенькія лубочныя салазки, въ видѣ маленькихъ санокъ. Въ нихъ мы катались съ нашей новой дѣланной горы. Съ понедѣльника масляницы намъ и всей дворнѣ пекли блины,—мясо какъ съ нашего стола, такъ и со стола прислуги изгонялось, никто его не ѣлъ въ нашей усадьбѣ до Пасхи. Со среды масляницы и прислугѣ давали лошадей для катанья на дровняхъ или въ большихъ пошевняхъ. Въ четвергъ къ намъ на блины съѣзжались сосѣди. Забота о блинахъ занимала весь домъ. Боялись какъ бы Тихонъ поваръ не напился въ четвергъ, совѣтовались въ случаѣ если Тихонъ будетъ не въ состояніи печь блины, кто его замѣнитъ и, кажется, это всегда приходилось дѣлать тетѣ Сашѣ, нашей домашней булочницѣ, и замѣна ею Тихона всегда была удачна. Въ пятницу наши ѣздили на блины въ Либаво или Клементьево, а въ субботу всегда были торжественные блины въ Боркахъ у Мельгуновыхъ, куда иногда брали и насъ. Семья Мельгуновыхъ была какая-то необыкновенная, льстивая, вѣжливая до приторности, всѣ братья, ихъ было трое, постоянно кланялись и въ чемъ то все извинялись, это меня въ дѣтствѣ очень забавляло, но барышни были всѣ премилыя, веселыя, умныя. Особенно близко мнѣ пришлось сойтись съ Иваномъ Ивановичемъ Мельгуновымъ и его сестрой Анной Ивановной, но о нихъ мнѣ придется, вѣроятно, сказать дальше въ моихъ запискахъ, а потому перехожу опять къ описанію масляницы, какъ она проходила у насъ въ деревняхъ во время моего дѣтства.

Наконецъ наступалъ послѣдній день масляницы „прощенное воскресеніе“. Чего, чего только не пеклось и не варилось въ этотъ день, бывали блины всѣхъ сортовъ, разныя печенья на маслѣ и яицахъ, рыбы съ разными приправами и соусами. Этотъ день всѣ наши родные и знакомые обязательно проводили дома въ своей семьѣ.

Дворня въ этотъ день тоже праздновала, имъ выдавалась обильная провизія и водка. Нашъ садовникъ, старикъ Виссаріонъ вообще сосредоточенный и мрачный, совершенно преображался въ этотъ день.

Часа въ два запрягались двое или трое дровней, на однихъ вмѣсто постельника ставили кадушку или бочку и на нее становился Виссаріонъ Родіоновичъ, наряженный въ мантію сшитую изъ рогожи и шапку также украшенную мочальными перьями. Онъ ѣхалъ впереди, сзади ѣхали другія сани съ нашей дворней, набитые биткомъ народомъ, въ этихъ саняхъ пѣли пѣсни, играли на гармоніяхъ. Этотъ поѣздъ объѣзжалъ всю деревню, къ нимъ присоединялись другіе ряженые съ деревни на своихъ саняхъ; ѣздили съ пѣснями по другимъ деревнямъ, гдѣ тоже присоединялись къ нимъ катающіеся и ряженые и подъ предводительствомъ нашего Виссаріона образовывалась громадный поѣздъ. Катанье это, называвшееся проводами масляницы, съ пѣснями продолжалось до сумерекъ. Вечеромъ часовъ въ 7-мь наша зала наполнялась народомъ, приходили всѣ крестьяне домохозяева „прощаться“. Каждый крестьянинъ имѣлъ въ рукахъ узелокъ съ разными приношеніями, въ видѣ баранокъ, длинныхъ бѣлыхъ хлѣбовъ изъ подрукавной муки, намъ дѣтямъ приносили иногда пряники—коврижки очень темныя и очень пахнувшія медомъ. Отецъ, мать, тетя и мы выходили къ крестьянамъ въ залу, со всѣми цѣловались, желали другъ другу хорошо провести постъ и въ радости встрѣтить день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Приношенія складывались въ большую корзину; а крестьянъ угощали водкой и нарѣзанной кусочками соленой рыбой.

Въ воскресенье, приходили прощаться только карцевскіе крестьяне; подосиновскіе и борисловскіе пріѣзжали въ субботу, но тѣ собирались не всѣ вмѣстѣ и ихъ принимали въ дѣвичей, отъ нихъ также принимались хлѣбы, баранки и т. д. и угощали виномъ и рыбой.

По уходѣ крестьянъ залу затворяли, плотно, такъ какъ она была полна запаха овчинныхъ шубъ и грязи.

Намъ вскорѣ послѣ этого подавали ужинъ въ столовой.

Послѣдній скоромный ужинъ начинался блинами, которые называли „тужики“, кромѣ блиновъ подавались горячая уха, рыба подъ соусомъ и жареная, все это оставалось въ изобиліи и отправлялось въ дѣвичью, гдѣ и съѣдалось частью самими горничными и лакеями, а частью ими отправлялось въ людскую дворовымъ людямъ. Послѣ ужина подавался самоваръ съ разными сдобными печеньями и пили послѣдній чай со сливками до котораго всѣ, кромѣ отца, были большіе охотники. Эта послѣдняя трапеза называлась „заговѣнье“; послѣ чая всѣ тор-

жественно прощались другъ съ другомъ, при желаніи хорошо провести постъ и въ радости дождаться Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Съ грустью бывало идешь на верхъ съ мыслью, что масляница веселая, шумная кончилась и наступаютъ будни.

Утро „чистаго понедѣльника“ помню было для насъ самымъ печальнымъ пробужденіемъ.

Входитъ бывало няня, приноситъ будничныя платьица, простые черные коленкоровые передники и говоритъ такъ: „вставайте, вставайте дѣти скорѣе, проздравляю васъ, заговѣвшись на хрѣнъ да на рѣдьку, да на бѣлую капусту;—идите скорѣе пить чай, да и за уроки, пора приниматься“.

Скучное это утро бывало. У всѣхъ какія то постныя лица. Чай всѣ пили съ медомъ, намъ давали баранки и хлѣбъ принесенные крестьянами, что было послѣ обильной масляницы не вкусно. Послѣ чая мы дѣти садились за уроки; а внизу подымалась страшная возня, бабы мыли полы, прислуга убирала и чистила посуду, шкафы, изъ которыхъ изгонялось все, что могло напоминать скоромную ѣду. Изъ окна нашей комнаты видѣнъ былъ дымъ изъ трубы бани, которая также всегда топилась въ этотъ день.

Послѣ класса мы занимались уборкой нашихъ куколъ, имъ мы то же старались придать самый будничный видъ. Все нарядное прятали и наряжали ихъ во все старое, на всю первую недѣлю поста.

У насъ няня отбирала на эту недѣлю карты; а гармоники у насъ прятали куда-то на весь постъ, а также и пѣсенники. Лото и карты намъ по прошестіи первой недѣли возвращали обратно. Въ часъ насъ съ верху звали обѣдать. За обѣдомъ подавали вареный горохъ или какую нибудь кашицу безъ масла. Эту недѣлю до субботы у насъ за столомъ даже постнаго масла не подавали.

Потомъ подавали соленые грибы и компотъ изъ своихъ сушеныхъ яблокъ и ягодъ. Все было невкусно. Ѣсть этой стряпни не хотѣлось, но отказываться мы не смѣли, и должны были ѣсть, что намъ давали.

Послѣ обѣда горничныя и тетя принимались рѣзать ломтями, принесенный крестьянами хлѣбъ, ихъ на большихъ желѣзныхъ листахъ

сушили въ печахъ, складывали въ ящики, и мы эти сухари очень любили, и ѣли ихъ почти весь постъ съ чаемъ.

Послѣ обѣда мы уходили гулять и здѣсь все мое постное грустное настроеніе проходило. Во время веселой шумной масляницы на погоду я какъ то мало обращала вниманія, но теперь я вся отдавалась моимъ наблюденіямъ и всегда сердце мое наполнялось радостью, чувствуя, что приближается весна чудная свѣтлая, радостная.

Нигдѣ ея приближеніе не бываетъ такъ замѣтно какъ въ деревнѣ и нигдѣ она не приноситъ столько радости какъ здѣсь. Большое счастье тому, кто раннее дѣтство провелъ въ деревнѣ, нигдѣ какъ въ деревнѣ не научается человѣкъ любить природу всѣмъ своимъ сердцемъ и эта любовь къ матери-природѣ остается у человѣка на всю жизнь.

Въ концѣ февраля и началѣ марта все уже стало не то, что было зимой,—яркій свѣтъ слѣпитъ глаза, среди дня на солнышкѣ таетъ, всѣ соломенныя крыши обвѣшаны, какъ бахрамой ледяными сосульками. Зайдешь бывало въ садъ къ Виссаріону и тамъ много новаго. Парники уже совсѣмъ готовы и въ нихъ уже насажены огурцы, арбузы, дыни и тыквы. Съ какой любовью старикъ Виссаріонъ занимался этимъ дѣломъ; онъ очень любилъ разсказывать намъ, какъ растетъ и развивается каждое изъ посаженныхъ имъ зернышекъ. Отъ Виссаріона пройдемъ на скотный дворъ, тамъ уже множество прелестныхъ ягнятокъ, на которыхъ мы всегда любовались. На птичьемъ дворѣ тоже много перемѣнъ: утки, гуси, индѣйки и куры начали уже нестись. Намъ показываютъ ихъ яйца. У насъ съ сестрой было по одной собственной куницѣ. Яица отъ этихъ куръ приносили намъ и мы собирали ихъ въ свои корзиночки. Нагулявшись до сыта придешь домой, а тамъ все уже чисто вымыто и полъ и цвѣты, которые тоже смотрятъ по вешнему, сочно, весело, даютъ новые побѣги. Все это стало замѣтно послѣ того какъ ихъ отмыли отъ зимней пыли. Вообще все, какъ на воздухѣ такъ и въ домѣ становилось свѣтлѣе, веселѣе; все выглядывало уже иначе чѣмъ зимой. Всегда это становилось особенно замѣтно съ наступленіемъ поста. Всю первую недѣлю все имѣло самый строгій видъ. За обѣдомъ не подавали даже постнаго масла, а только всѣ кушанья приправлялись маковымъ молокомъ и каждый день подавался компотъ изъ сухихъ плодовъ, заготовляемыхъ лѣтомъ на всю зиму. Помню разъ на первой недѣлѣ поста пріѣхалъ къ намъ изъ Клементьева нашъ дальній родственникъ Александръ Владиміровичъ Рудневъ, крестный моей тети Александры Павловны, котораго она

очень любила и уважала за его ученость (онъ жилъ въ Москвѣ и служилъ въ университетѣ), онъ былъ нервный и страшно мнительный; мнительность его доходила почти до сумашествія.

И вотъ его на первой недѣлѣ пришлось угостить обѣдомъ; по его желанію ему сварили манную кашку на парномъ молокѣ. Я помню какой это переполохъ произвело во всей нашей женской прислугѣ; а мы дѣти смотрѣли на него какъ на идолопоклонника. Но вотъ первая недѣля кончилась. На первой въ субботу пекли постные блины, подавали разные постные масла, орѣховое, любимое моей матери, маковое и свое ярко-зеленое конопляное. Къ блинамъ также подавали творогъ, сдѣланный изъ густого маковаго молока, которое при кипяченіи съ солью и небольшимъ количествомъ лука ссаживалось въ крутую массу какъ настоящій творогъ. Послѣ цѣлой недѣли сухоядѣнія столъ съ масломъ намъ казался ужъ очень вкуснымъ.

Въ воскресенье послѣ обѣдни намъ возвращали наши веселыя книги съ пѣснями и стихами, отдавали карты, спрятанныя на всю недѣлю въ столы, и мы могли опять играть въ куклы и карты, бѣгать, и т. д. Обѣды изобиловали множествомъ постныхъ блюдъ, пирогами съ разными начинками и сладкимъ съ вареньемъ, яблоками. А весна уже совсѣмъ начинаетъ вступать въ свои права. Вотъ, бывало, выйдешь на крыльцо, на солнышко, въ воздухѣ новые птичьи голоса, бѣгутъ друзья ребятишки съ радостной вѣстью „грачи прилетѣли“. Сколько радости слышалось въ этихъ словахъ, спѣшишь въ домъ, хочется поскорѣе своимъ сообщить эту радостную вѣсть, и опять бѣжишь на дворъ, хочется самой посмотрѣть виновниковъ нашей радости.

Грачей вездѣ цѣлыя стаи и на деревьяхъ и на дорогѣ,—всѣ худые, безобразные, съ громадными бѣлыми носами. Я очень любила разсказывать моимъ пріятелямъ ребятишкамъ о томъ, какъ далеко приходилось грачамъ летѣть, чтобы попасть къ намъ.

Старалась какъ можно страшнѣе изобразить ихъ путешествіе въ наши края, чтобы этимъ описаніемъ возбудить расположеніе моихъ маленькихъ друзей къ этимъ безобразнымъ заморенымъ птицамъ. 9-го марта на „сороки“ (какъ называли этотъ день), пекли изъ тѣста жаворонковъ. Тѣсто приготовлялось прѣсное въ родѣ слоенаго, часто, при урожаѣ орѣховъ, на орѣховомъ маслѣ. Мать сама ихъ дѣлала изъ заранѣе приготовленнаго для этого тѣста. Дѣлала она это печенье очень

искусно. Въ срединѣ сидѣла птичка съ черненькими глазками изъ коринки, а кругомъ она была окружена завитушками изъ тѣста, которыя должны были изображать волны, по которымъ къ намъ плывутъ жаворонки и другія птицы. Около половины марта, бывало, идешь утромъ рано по насту снѣга, который сравнялъ всѣ овраги, и вездѣ можно идти не боясь проваловъ, и слышишь, что въ полѣ уже заливается жаворонокъ; сколько радости приносила намъ его первая пѣсня. Еще прошло дня два и около нашихъ скворешницъ, которыхъ у насъ всегда бывало множество на всѣхъ почти большихъ деревьяхъ въ саду и усадьбѣ, порхаетъ уже множество скворцовъ, суетятся, очищаютъ свои скворешницы. Прошло много лѣтъ съ моего счастливаго дѣтства, я уже давно старуха, но и теперь всегда съ особеннымъ чувствомъ удовольствія встрѣчаю нашихъ милыхъ скворчиковъ и радуюсь, что имъ хорошо и уютно въ моемъ старомъ саду около нашего балкона. Великій постъ шелъ, недѣля за недѣлей,—наступала четвертая недѣля поста. Въ среду на этой недѣлѣ пекли кресты изъ такого же тѣста, какъ 9-го марта пекли жаворонковъ и за обѣдомъ у насъ спрашивали, не слыхали ли мы, какъ треснулъ и переломился постъ пополамъ? Всѣ радовались что наступаетъ вторая половина поста, что ближе приближаемся къ Пасхѣ. На пятой, а чаще на шестой вся наша семья говѣла. Весь домъ въ эту недѣлю принималъ совсѣмъ особый видъ. Въ залѣ, въ углу передъ образомъ ставили столъ, на который приносили еще образа, клали свѣчи, передъ образами ставились стеклянные подсвѣчники съ восковыми свѣчами; на этомъ же столѣ лежали священныя книги нужныя для богослуженія, а также риза и стихарь (все это было у насъ собственное, а не церковное), тутъ же на стулѣ висѣло кадило и намъ казалось, что зала стала чѣмъ то въ родѣ храма. Мы по ней почти не ходили, а если и проходили, то всегда тихо, смирно и говорили полушепотомъ. Вся зала, прихожая устилались половиками и въ понедѣльникъ въ семь часовъ утра пріѣзжалъ священникъ, дьяконъ и два дьячка; приходилъ народъ желающій говѣть и вся зала и прихожая наполнялась имъ, какъ въ церкви. Начиналась великопостная служба. Мы стояли всей семьей въ дверяхъ гостинной. Сначала шла заутреня,—очень долго, какъ мнѣ казалось.

Послѣ заутрени мы и священникъ съ дьякономъ отправлялись пить чай въ столовую, дверь изъ которой на эту недѣлю въ залу была плотно закрыта и мы въ нее ходили черезъ гостинную. Часовъ въ 10 или 11 опять начиналась служба, служили великопостные часы, съ поклонами. По окончаніи часовъ священникъ съ причтомъ уѣзжалъ домой. Мы часа въ два обѣдали, столъ въ эту недѣлю былъ

самый строго-постный,—масла постнаго не подавалось. Послѣ обѣда насъ отпускали гулять и тутъ наше тихое религіозное настроеніе пропадало. Кругомъ все было такъ весело, такъ полно жизни. Снѣгъ таялъ, бѣжали ручейки, скворцы весело хлопотали около своихъ гнѣздъ.

Возьмемъ бывало свои лопатки и пропускаемъ воду; посмотримъ, что дѣлаетъ Виссаріонъ въ своемъ парникѣ; но вотъ видимъ опять ѣдутъ священники и идутъ говѣльщики къ вечернѣ. Вечерню, мы дѣти очень любили, такъ какъ служба была непродолжительна, и по окончаніи вечерни священникъ насъ всѣхъ клалъ ничкомъ на полъ и читалъ надъ нами отпускную молитву. Послѣ вечерни народъ расходился. Опять чай въ столовой съ медомъ и варенъями и постными сухарями въ обществѣ священника и дьякона. Такъ шла цѣлая недѣля, до пятницы, только въ среду послѣ заутрени въ домѣ, мы ѣздили къ обѣднѣ въ церковь. Въ четвергъ на этой недѣлѣ бывала баня, часто съ большимъ трудомъ проходили туда по снѣгу, который проваливался подъ ногами,—вода рѣчки достигала часто до самыхъ стѣнъ бани. Всѣ эти перемѣны въ природѣ меня радовали, все это напоминало близость долгожданной весны. Наступала пятница, послѣдній день говѣнья.

Утро послѣ заутрени мы проводили въ церкви у обѣдни, настроеніе у всѣхъ въ этотъ день было особенно торжественное, тихое, молитвенное. Я, какъ себя помню, всегда этотъ день чувствовала совсѣмъ не такъ, какъ всегда: чего то боялась, мнѣ казалось, что я такая грѣшница, что не дождусь завтрашняго дня. Вечеромъ послѣ вечерни читались „правила вечернія“. Потомъ мы дѣти исповѣдывались у о. Петра.

Родителей моихъ и тетю пріѣзжалъ исповѣдывать ихъ старинный духовникъ о. Алексѣй изъ села Струпны подъ Зарайскомъ, раньше онъ былъ священникомъ на нашемъ погостѣ. За нимъ посылали лошадь и послѣ исповѣди отвозили обратно, что по дурной дорогѣ было очень затруднительно.

Я всегда шла исповѣдываться съ полнымъ желаніемъ разсказать всѣ мои грѣхи и сомнѣнія. Но подходя исповѣдываться, страшно робѣла и у меня исчезало изъ памяти, все что думала раньше, и я, хотя отходила отъ нашего батюшки умиленная его отпускной молитвой, но недовольная и неудовлетворенная моимъ раскаяніемъ.

Послѣ правилъ и исповѣди намъ ѣсть уже ничего не давали и даже не позволяли пить воды. Ночь эту я всегда почти не спала, мнѣ все казалось, что, что нибудь случится и я не попаду утромъ въ церковь. Наконецъ, наступалъ разсвѣтъ субботы, всѣ поднимались надѣвали лучшіе наряды и насъ одѣвали въ новыя только что сшитыя лѣтнія платья всегда очень свѣтлыя,—розовыя или голубыя. Одѣвшись, усаживались въ разныя сани, я всегда ѣздила съ тетей въ маленькихъ пошевняхъ. Дорога по большей части во время нашего говѣнья была очень плохая, въ лощинахъ уже была вода и моя тетя, страшная трусиха, все время молилась и охала. Наконецъ, добирались до погоста. Какъ только мы пріѣзжали начиналась заутреня, потомъ намъ всѣмъ говѣльщикамъ читали утреннія правила. Послѣ правилъ начиналась сейчасъ же обѣдня. Когда пѣли причастный стихъ, насъ раздѣвали, не смотря на то, что церковь была холодная,—никогда зимой не топилась.

Помню то радостно-страшное настроеніе въ ожиданіи выхода священника съ Святыми Дарами. Съ какимъ чувствомъ вѣры, я помню, слушались мною молитвы передъ причастіемъ, которыя мы повторяли за священникомъ. И вотъ, сначала первой подходитъ сестра Настя, а потомъ и я причащаюсь и иду запивать Святые Дары. Со всѣхъ сторонъ слышатся поздравленія, поцѣлуи;—такъ хорошо—радостно, весело никогда не бываетъ,—какъ-то особенно хорошо. Подходитъ къ намъ отецъ, мать и тетя, тоже пріобщившіеся, радостные, съ такими праздничными добрыми лицами. По возвращеніи домой мы находимъ домъ убраннымъ, вымытымъ принявшимъ опять свой обыкновенный видъ. Насъ въ столовой уже ожидаетъ самоваръ и завтракъ и, такъ какъ большею частью говѣли на 6-й недѣлѣ, то завтракъ былъ рыбный, это была Лазарева Суббота, мы всѣ кромѣ матери ѣли рыбу, она же разрѣшала себѣ этотъ день только икру и пирогъ съ рыбными молоками.

Послѣ завтрака всѣ ложились спать. Насъ раздѣвали и также укладывали отдыхать, но намъ не спалось и мы, полежавши немного, опять одѣвались и бѣжали гулять; чему, кажется, всѣ были рады, такъ какъ мы не шумѣли въ домѣ, гдѣ всѣ отдыхали.

Такъ бывало весело,—всюду поютъ птицы, бѣгутъ ручьи, часто въ это время разливалась уже рѣчка. Полая вода всегда очень красива въ нашихъ мѣстахъ. Смотрѣть на разливъ воды было для насъ постоянное наслажденіе; съ горъ съ шумомъ бѣгутъ ручьи, а наша скромная рѣчка превращалась въ громадную бушующую рѣку.

Вода и всегда заливала низъ сада, а иногда заливала и сносила мостъ.

Нагулявшись до сыта, возвращались домой, гдѣ уже шли приготовленія ко всенощной подъ Вербное Воскресеніе. Приносили большую кадку, въ которую клали нарѣзанные сучья красной вербы, которые иногда были покрыты бѣлыми пушистыми шариками и иногда эти почки уже бывали покрыты желтымъ цвѣтомъ, смотря по погодѣ. Часовъ въ 6-ть, приходилъ священникъ съ причтомъ и мы во время всенощной получали вербочки съ горящими, прикрѣпленными къ нимъ свѣчами. Вербочки послѣ всенощной закладывали мы около кроватокъ. Няня вечеромъ уложивши насъ спать, шутя вынимала наши вербочки и постегивая насъ приговаривала: верба хлестъ!—бей до слезъ,—а моей дѣткѣ на доброе здоровье. Праздникъ Вербнаго Воскресенія, былъ для насъ веселымъ праздникомъ.

На бугрѣ показывались проталинки, и мы въ большихъ простыхъ кожанныхъ на ранту сапогахъ, проходили по мосту на другую сторону рѣчки, смотрѣли на разливъ, иногда въ это время шла икра и скипѣвшійся снѣгъ; вся деревня, и мужики, и бабы, и дѣти, стояли подъ берегомъ, любовались на разливъ и радовались, что суровая зима миновала; насмотрѣвшись на воду мы, съ деревенскими ребятишками шли на проталинки на выгонъ и играли въ разныя игры: въ горѣлки, въ рѣпку, въ разбойники и т. д. Набѣгавшись до сыта и насмотрѣвшись на воду, бѣжавшую повсюду ручьями, добирались до дому въ нашихъ высокихъ непромокаемыхъ сапогахъ, слушали, крикъ грачей, которые въ началѣ какъ вѣстники весны всегда насъ радовали, а потомъ страшно надоѣдали.

Въ палисадникѣ передъ домомъ наблюдали скворушекъ, которые къ вечеру всегда собирались къ своимъ скворешнямъ и весело распѣвали.

Придя домой еще за-свѣтло насъ усаживали ужинать и пить чай. Остатки ужина, который былъ всегда обильный, рыбный, отправляли въ людскую и дѣвичью, гдѣ, конечно, все это доѣдалось съ удовольствіемъ.

Наконецъ, наступала Страстная недѣля, послѣдняя недѣля поста. Постъ въ эту недѣлю былъ самый строгій, къ обѣду также, какъ и на первой недѣлу не подавали даже постнаго масла. И какъ бы ни была

плоха дорога, моя мать и отецъ каждый день ѣдили въ церковь. Такъ продолжалось до четверга. Въ этотъ день, который считался самымъ постнымъ днемъ въ году, насъ будили до солнышка, это дѣлала наша няня по своей собственной волѣ, она въ этотъ день еще раньше чѣмъ разбудить насъ, напрядала изъ льна нитки, которыми опоясывала насъ съ сестрой и свою дочку Алефтину; это она дѣлала для нашего здоровья, и такъ же рано, до солнца, въ этотъ день топили печи, послѣ топки въ печи клали мѣшечекъ съ солью на сковороду и эту соль сбирали вмѣстѣ съ золой и этой смѣсью посыпали скотъ, тоже для здоровья. Въ этотъ день били, тоже до солнца, теленка къ Пасхѣ и свинью, а также и куръ, однимъ словомъ все, что нужно было къ празднику. Послѣ великаго четверга уже ничего не убивали, считая это грѣхомъ. Въ этотъ день у насъ всегда бывала баня. Мать страшно хлопотала въ этотъ день, пробовала горшки съ творогомъ, сдѣланнымъ изъ цѣльнаго молока и лучшій свѣжій творогъ приказывала класть подъ пресъ на пасхи. Съ этого дня заготовлялось масса сметаны, сливокъ на предстоящую стряпню различныхъ пасхъ и куличей.

Мы тоже хлопотали, набирая разныхъ шелковыхъ лоскутковъ для краски яицъ. Няня разваривала на пробу сандалъ, который покупали въ Зарайскѣ заранѣе. Изъ Коломны, приходили на праздники наши дворовые, жившіе тамъ, какъ мастеровые и платившіе намъ оброкъ, и приносили также разныя яркія краски. Всѣ эти приготовленія начинались съ четверга. Наступала великая пятница—самый непріятный день въ году. Приходило масса бабъ, весь домъ становился какъ говорятъ „вверхъ дномъ“, мыли, чистили, убирали всѣ закоулочки, всѣ полочки, чистили образа, посуду. Насъ изгоняли на цѣлый день изъ дома, если была сносная погода, а при дурной затворяли въ какую нибудь одну комнату. Въ домѣ въ этотъ день выставляли нѣсколько оконъ; а если Пасха была поздняя, то выставляли всѣ окна и балконныя двери. Рано утромъ, часа въ три на зарѣ наши уѣзжали въ церковь, къ 12-ти Евангеліямъ; ели можно было безъ опасности проѣхать, то и меня брали въ церковь, покупали очень большую свѣчку, съ которой стояла я всѣ три заутрени, если бывала въ церкви, т.е. пятницу, субботу и Свѣтлое Христово Воскресеніе. Нашъ священникъ о. Петръ прекрасно читалъ Евангелія страстей Христа; я помню эту заутреню и то чувство любви и страданій за Христа которые наполняли мое дѣтское сердечко; никогда уже послѣ, я съ такимъ чувствомъ не страдала за Христа, какъ въ эти дѣтскіе годы, пока я еще никакой другой жизни кромѣ жизни въ деревнѣ не знала.

Мнѣ казалось, что я сама нахожусь въ Іерусалимѣ на Голгофѣ и страдаю вмѣстѣ съ учениками Христа.

По пріѣздѣ домой, конечно религіозное впечатлѣніе смягчалось, меня укладывали спать, но я никогда не спала, такъ какъ возня въ домѣ съ уборкой, не давала покою. Ѣсть намъ въ этотъ день до вечерни ничего не давали съ 10 или 12-ти лѣтъ, а раньше намъ давали просфоры съ святой водой.

Въ два часа дня отправлялись къ вечерни гдѣ всѣ ждали выноса плащаницы. Послѣ вечерни по возвращеніи домой насъ вводили въ столовую уже убранную и чистую; приносили черный хлѣбъ, соль и квасъ; другой пищи въ этотъ день никто не ѣлъ. Спать всѣ ложились рано, засвѣтло. А часа въ два ночи отправлялись въ церковь къ заутрени. Я помню чувство тихой печали наполнявшее всѣхъ въ это утро, всѣ стояли со свѣчами, слушали печальное пѣніе и въ концѣ заутрени отецъ мой и крестьяне, поднимали плащаницу и съ священникомъ, причтомъ и народомъ обносили ее около церкви, мы также участвовали въ этой процессіи, старались, чтобы свѣчи горѣли и не погасли до возвращенія въ храмъ.

Наступало чудное весеннее утро и грустное чувство навѣянное погребеніемъ Христа замѣнялось ожиданіемъ чего то радостнаго, веселаго, полнаго свѣта и жизни, какъ вся ликующая весенняя природа. По возвращеніи домой всѣ кромѣ матери садились пить чай, который казался особенно вкуснымъ послѣ голодной пятницы. Послѣ начинались приготовленія къ Пасхѣ, хлопотали съ куличами, мать помню всегда страшно волновалась съ ихъ приготовленіемъ. Намъ также давали тѣста и мы въ маленькихъ кастрюляхъ дѣлали себѣ куличики. Пасхи приготовлялись разныхъ сортовъ. Дѣлали одну пасху изъ сливокъ, сливочнаго творогу, свѣжихъ яицъ и сливочнаго масла; прибавляли большое количество толченой просѣянной корицы и сахару, это выходило, что то вродѣ жирнаго крема. Это была любимая пасха матери. Вторая пасха приготовлялась изъ равнаго количества сливокъ, сметаны, которые вмѣстѣ варили въ вольномъ духу, въ эту смѣсь прибавляли небольшое количество творогу, ставили подъ прессъ, послѣ клали въ эту массу сахаръ, ваниль и цедру. Это была любимая пасха насъ, дѣтей, тети и нашихъ гувернантокъ. Отецъ же этихъ пасохъ никогда не ѣлъ, а ему приготовляли людскую, сдѣланную для дворни, изъ творога, сметаны, яицъ и соли.

Часовъ въ одиннадцать утра мать уѣзжала къ обѣднѣ, а мы съ тетей начинали красить яицы. Няня затапливала печку въ домѣ, приносили огромныя корзины полныя яицъ, большіе горшки съ сандаломъ и красками, кипятили въ печкѣ, а мы непремѣнно требовали, чтобы намъ поставили кострюли съ кипяткомъ для нашихъ яицъ обернутыхъ въ пестрые шелковые лоскутки, луковыя перья и синюю сахарную бумагу. Суеты и веселью не было конца,—матери не было дома и намъ была своя воля. Мы страшно мѣшали нянѣ и тетѣ, но ихъ воркотня на насъ мало дѣйствовала. Наконецъ, вынимаютъ первый горшокъ съ тетиными красными яицами изъ сандала. Вторыя черно-красныя изъ Коломенской краски и наши хорошенькія пестренькія изъ лоскутковъ и бумаги. Наполняются цѣлыя корзины крашенныхъ яицъ.

Приносятъ изъ кухни громадные, чудные куличи, которые, такъ вкусно заманчиво пахнутъ, на верху которыхъ торчатъ цѣлыя миндалины, румяныя, поджаренныя.

Приносятъ много и другихъ вкусныхъ вещей изъ кухни—въ видѣ окороковъ, телятины, фаршированнаго поросенка, баранчика сдѣланнаго Тихономъ изъ сливочнаго масла.

Мы забирали свои маленькіе куличики, яйца, и отправлялись въ свои комнаты устраивать пасхальные столы нашимъ куклам. Помню, бывало, Тихонъ поваръ, который очень любилъ побаловать и подразнить насъ, когда спросишь у него:—„а что же наши куличики, гдѣ они?“—скажетъ, „ну съ вашими куличами вышла бѣда—всѣ сгорѣли“. Мы притворяемся, что вѣримъ ему, а сами знаемъ, что онъ обманываетъ насъ.

Потомъ онъ вынимаетъ блюдо, на которомъ стоятъ наши куличики, и непремѣнно какой нибудь сюрпризъ, лично имъ приготовленный для насъ въ видѣ безе или маленькихъ бисквитовъ и т. д. Часа въ два пріѣзжаетъ мать отъ обѣдни, пьетъ чай и мы садимся за обѣдъ, послѣдній постный столъ. Послѣ вкусныхъ запаховъ скоромныхъ блюдъ, намъ постное противно, мы почти ничего не ѣдимъ, и насъ за это бранятъ.

Наконецъ, наступаетъ давно ожидаемый вечеръ Великой Субботы. Все готово для встрѣчи Пасхи. Мы дѣти съ тетей ѣдемъ, какъ бы не была плоха погода, еще засвѣтло на погостъ. Тамъ всѣ помѣщики, проводили эту ночь у нашего дьякона, который приглашалъ насъ съ

радостью и радушіемъ. На столѣ всю ночь кипѣлъ самоваръ и семья дьякона угощала всѣхъ чаемъ, со свѣжимъ мягкимъ чернымъ хлѣбомъ. Тамъ же бывали сосѣди изъ Леонтьева, Костенковы, мать съ сыномъ Сашей, Сидоровы съ сыномъ Васей, моимъ родственникомъ, воспитанникомъ дворянскаго Рязанскаго гимназическаго пансіона. Изъ Карцева тоже на ночь пріѣзжали Масловы, наша ближайшая сосѣдка Екатерина Осиповна, вдова, старушка, съ дочерью Анной Емельяновной, которую мы всѣ очень любили. Часовъ въ одиннадцать пріѣзжали мать съ отцомъ. Отецъ мой всегда былъ церковнымъ старостой и прямо отправлялся въ церковь, а мы, дѣти, шли туда же за нимъ. Всю ночь церковь была открыта и грамотные посреди церкви читали Дѣянія Св. Апостоловъ. Церковь была едва освѣщена лампадами. На полу въ углахъ и около стѣнъ, группами сидѣлъ народъ съ узелками пасхъ и куличей, и тамъ шла шепотомъ бесѣда. Помню, эта тихая полуосвѣщенная церковь всегда производила на меня торжественное, хорошее религіозное чувство, хотѣлось помолиться, гдѣ нибудь тихонько въ уголочкѣ, чувствовалось ожиданіе чего то радостнаго, великаго. Вотъ наконецъ раздался первый ударъ колокола, церковь наполняется народомъ, все мѣсто около иконостаса устанавливается узлами съ куличами и пасхами. Весь народъ стоитъ въ ожиданіи крестнаго хода, читается полунощница. Народъ разбираетъ иконы, хоругви; священникъ и дьяконъ выходятъ изъ алтаря. Священникъ съ крестомъ впереди, за нимъ хоругви, иконы, весь народъ и мы всѣ со свѣчами въ рукахъ идемъ на паперть. Насъ дѣтей становятъ на скамейки около стѣнъ. Крестный ходъ обошелъ около церкви и возвращается опять на паперть. Священникъ при полной тишинѣ стоитъ передъ дверями храма и, вотъ громко торжественно провозглашаетъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“... Начинается радостное пасхальное пѣніе, всѣ идутъ въ церковь, которая вся уже горитъ огнями. Заутреня и обѣдня кончаются и всѣ радостные веселые ѣдемъ домой. Въ церкви мы со всѣми христосовались. Пріѣхавши, мы шли въ столовую разгавляться. Пасхальный столъ былъ полонъ вкусныхъ пасохъ, куличей, крашеныхъ яицъ, ветчины и т. д. Тутъ же кипѣлъ самоваръ. Помню, мнѣ такъ бывало весело, радостно въ это раннее утро, хотѣлось любоваться только что всходившимъ солнцемъ и слушать веселое пѣніе птицъ. Няня намъ разсказывала, что въ этотъ день солнце при восходѣ „играетъ“ и что птицы тоже поютъ особенно радостно, привѣтствуютъ Воскресеніе Христово. Помню, ѣсть не особенно хотѣлось, съѣдали мы немного нашей любимой пасхи и кулича и поскорѣе спѣшили въ залу, гдѣ уже собирались всѣ крестьяне. Крестьяне и всѣ дворовые приходили христосоваться „съ господами“.

Для нихъ на большихъ столахъ была приготовлена закуска: нарѣзанная маленькими кусочками сырая провѣсная ветчина, „людскіе“ куличи. Разговѣвшись отецъ, мать и тетя выходили къ нимъ. Отецъ подноситъ каждому по большой рюмкѣ водки, даетъ изъ стоящей около него большой корзины красное яицо; а мать угощала закуской. Всѣ большіе и мы дѣти съ каждымъ „христосовались“ крестьянами цѣловались, приходили къ намъ въ домъ только одни мужчины, крестьянскія бабы христосоваться не приходили. Съ бородатыми мужиками цѣловаться мнѣ было непріятно, потому еще, что отъ каждаго изъ нихъ пахло водкой, послѣ выпитой рюмки, я этого непріятнаго чувства очень стыдилась и никому о немъ не говорила. Почти отъ каждаго мужика мы дѣти получали по яйцу и клали ихъ въ корзиночки нарочно для этого принесенныя нами въ залу. Яйца появлялись въ корзинѣ разноцвѣтныя—темно желтыя, отъ луковой кожи, шоколаднаго свѣта отъ гречневой лузги, синія, черныя и темно красныя отъ разныхъ сандаловъ. Послѣ ухода крестьянъ всѣ укладывались спать и насъ также укладывали въ постель, плотно закрывши окна отъ свѣта, и въ домѣ наступала полная тишина. Только горничныя должны были вытирать полъ послѣ нашествія толпы народа. Намъ конечно, не спалось долго въ это радостное, такъ долго жданное утро; встанешь часовъ въ 9-ть, потихоньку чтобы не будить большихъ. Нарядимъ бывало въ праздничныя наряды куколъ, устраиваемъ имъ то же пасхальный столъ и идемъ, если хорошая погода на балконъ и на дворъ. Играемъ съ дворовыми и деревенскими ребятишками. Встаютъ большіе, опять пьемъ вкусный чай съ пасхами и куличами. Послѣ чая катаемъ яйца, для чего въ залѣ разстилался большой коверъ и на маленькую скамеечку ставился покато лубокъ. Я очень любила катать яйца, въ этой забавѣ участвовали всѣ наши горничныя. Тетя выбирала изъ нашихъ корзинъ самыя красиво и ровно окрашенныя яйца, которыя она для насъ прекрасно разрисовывала перочиннымъ ножичкомъ, проскабливая краску. Какъ у нее, такъ и у матери эта работа была прелестна. Выходили цѣлые букеты, полные изящныхъ, тонкихъ какъ кружево цвѣтовъ. Такъ проходилъ первый день пасхи до вечера. Часовъ въ 5-ть залу приготовляли для принятія образовъ, которые приносили къ намъ послѣ вечерни изъ церкви и иконы въ нашемъ домѣ ночевали. Одна стѣна залы заставлялась столами, равной ширины ломберными, эти столы покрывались бѣлыми „гарными“ скатертями, доходящими до пола. Подъ столы клали палицу, сошники, какъ орудія пахоты, сѣно и ставили мѣру съ овсомъ и другую съ рожью. Все это дѣлалось, чтобы Господь благословилъ предстоящія полевыя работы и послалъ урожай хлѣбовъ. Подъ спущенными скатертями ничего не было видно, что

лежало подъ столами. Желающіе изъ дворовыхъ людей и крестьянъ отправлялись на погостъ за иконами. Мы всѣ ходили ихъ встрѣчать. Каждый входящій съ иконой говорилъ „Христосъ Воскресе“ и мы всѣ отвѣчали „Воистину Воскресе“... Иконы устанавливались на приготовленныхъ столахъ, зажигали предъ каждой лампаду. Всѣ приходили въ тихое молитвенное настроеніе. Залу кругомъ затворяли и всѣ рано, засвѣтло уходили спать.

На утро къ намъ приходили священникъ со всѣмъ причтомъ. Кромѣ, священника, дьякона и дьячковъ приходили всѣ ихъ семейныя — жены и дѣти и старухи вдовы. Однимъ словомъ, все населеніе погоста въ этотъ день бывало у насъ въ домѣ. Сначала служили молебенъ съ водосвятіемъ въ залѣ и вездѣ кропили святой водой. Потомъ служили молебенъ на скотномъ дворѣ и кропили всю скотину, и послѣдній молебенъ служили въ ригѣ. Крестьяне которыхъ называли „богоносцами“ уносили иконы, мы всѣ и вся дворня къ нимъ прикладывались и провожали образа до сосѣдняго дома, старухи Екатерины Осиповны Масловой. Зала въ это время уже была разобрана и во всю длину бывалъ накрытъ и весь причтъ съ семьями оставался у насъ обѣдать. Обѣдъ состоялъ изъ безчисленныхъ блюдъ, но самыхъ простыхъ. Бывало множество мяса во всѣхъ видахъ и всегда обѣдъ заканчивался сладкими пирогами съ вареньемъ, свареннымъ на меду вмѣсто сахара. На этомъ обѣдѣ подавалось много домашнихъ настоекъ, называемыхъ „травникомъ“, а также и наливокъ. Помню, что всѣ женщины съ погоста, жены дьячковъ и даже дьякона, мясо нарѣзали ножемъ и вилкой, но ѣли нарѣзанное всегда руками, а дьячекъ Иванъ Андреевичъ въ концѣ обѣда говорилъ разныя изрѣченія древнихъ мудрецовъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ. Вообще всѣ въ концѣ обѣда бывали очень оживленны. Послѣ пили чай съ „паточнымъ вареньемъ“ и всѣ уходили домой. Святая недѣля проходила для насъ дѣтей весело. Если не было на дворѣ снѣгу, то намъ ставили качели, очень высокія, на „козлахъ“, изъ очень толстаго лѣса, дѣлали ихъ плотники и отецъ самъ слѣдилъ, чтобы качели сдѣланы были прочно на нихъ качались всѣ желающіе, вся дворня и мы съ нашими пріятелями. Качались по шести и болѣе человѣкъ на длинной доскѣ, двое по сторонамъ на узкой сторонѣ доски стояли и раскачивали, а остальные садились на длинныхъ сторонахъ по обѣ стороны. Качались и по одиночкѣ, садясь на веревкахъ, съ подлаженной маленькой дощечкой или подушкой. Качели оставались у насъ на все лѣто, снимали ихъ уже поздно осенью. Святая проходила въ разныхъ, уже весеннихъ забавахъ, ничего уже не имѣвшихъ общаго съ зимними. Катали

яйца, качались на качеляхъ, по вечерамъ у насъ на дворѣ и на лугу водили хороводы, пѣли пѣсни, играли въ жмурки и другія игры. Съ понедѣльника Ѳоминой начинались будни, мы принимались за уроки, а горничныя вмѣсто зимней пряжи на самопрялкѣ—плели кружева. Работа эта, какъ и вообще всѣ другія подобныя, производились въ нашемъ домѣ подъ руководствомъ моей тети, замѣчательно красиво и изящно. Кружева плели изъ тончайшихъ нитокъ, не толще паутины и такого же по тонинѣ шелка. Кружева были черныя и бѣлыя, красивыхъ узоровъ и ширина ихъ была отъ одного вершка до полуаршина; выплетали цѣлыя перелины и воланы. Мать моя ихъ, кажется, продавала въ Москвѣ за дорогую цѣну.

Молоденькія горничныя вышивали „гладью“ въ пяльцахъ по батисту и нансуку.

Мать вышивала шерстями въ пяльцахъ разныя картины, подушки и т. п. Тетя вязала узорчатые чулки изъ тончайшихъ нитокъ „въ приданое“, какъ она говорила, для насъ съ сестрой. Мы съ сестрой послѣ уроковъ все время были на воздухѣ, и пользовались полной свободой. Я почти всегда была неразлучна съ моимъ милымъ старикомъ садовникомъ Виссаріономъ. Возилась съ нимъ вмѣстѣ около его парниковъ, помогала ему, по его указанію въ пересадкѣ маленькихъ растеній, вырѣзала съ нимъ спаржу.—Виссаріонъ вилами приподнималъ навозъ накрывавшій грядку со спаржей, подъ которымъ въ изобиліи торчала бѣленькая съ желто-сѣренькой головкой сочная толстенькая спаржа. Я вырѣзала ее изъ земли ножичкомъ и мы съ Виссаріономъ собирали ее въ снопки, перевязывали, почему то непремѣнно тесемочкой изъ лыка, такой, изъ которой плетутъ лапти и, нѣсколько такихъ связанныхъ пучковъ я приносила домой и передавала тетѣ, та похвалитъ бывало спаржу и прикажетъ передать повару; но если мое приношеніе видѣла мать, то всегда сердилась на меня говоря: „опять вся перепачкалась, растрепалась! посмотри на себя, на что ты похожа“. Поэтому я всегда старалась какъ можно рѣже попадаться ей на глаза.

Я многимъ въ моихъ воспоминаніяхъ обязана Виссаріону, онъ больше всѣхъ научилъ меня любить природу. Самъ онъ былъ большой эстетикъ, несмотря на самую грубую оболочку. Онъ зналъ названіе каждой травки и каждаго цвѣтка, о многихъ растеніяхъ онъ разсказывалъ цѣлыя легенды, также онъ зналъ всѣхъ птицъ, всѣхъ насѣкомыхъ и образъ ихъ жизни. Такимъ образомъ онъ былъ моимъ учи-

телемъ ботаники и зоологіи. Его наука была конечно самаго примитивнаго народнаго образа, прикрашенная разными фантастическими прибавленіями. Эти разсказы я очень любила. Благодаря ему я впослѣдствіи съ большой охотой читала все что могла достать по естествознанію. Подобное чтеніе меня интересовало, только благодаря постоянной жизни въ деревнѣ и дружбѣ съ Висаріономъ. Насъ тогдашнихъ „барышень“ въ семьяхъ помѣщиковъ подобнымъ наукамъ не учили, вся наша дѣтская тогдашняя литература была „благонравно-сантиментальная“. Виссаріонъ же помогалъ мнѣ устраивать свой маленькій цвѣтникъ и огородикъ: на выпрошенной мною у матери землѣ около дома. Этотъ кусочекъ земли мнѣ доставлялъ безконечное удовольствіе. Все, что было у Виссаріона, хотя по одному кусочку земли бывало и у меня. 21-го апрѣля были именины нашей дорогой тети Александры Павловны. Въ этотъ день къ намъ собирались почти всѣ наши сосѣди съ утра, у насъ завтракали, обѣдали и поздно вечеромъ уѣзжали домой. Пріѣзжали изъ Любова Селивановы въ трехъ экипажахъ, въ одномъ старикъ, нашъ крестный Василій Павловичъ Селивановъ, въ другомъ его сестра, старушка, дѣвица, воспитательница сиротъ дѣтей Варвара Павловна и наконецъ, третій экипажъ—карета съ молодыми Селивановыми Маріей Дмитріевной и Василіемъ Васильевичемъ. Часто, почти всегда съ маленькимъ новорожденнымъ,—дѣтей у нихъ было много. Помню, что одну зиму у нихъ умерли старшія дѣти скарлатиной и на ихъ мѣсто родились другія и имъ были даны тѣ же имена. Въ каретѣ помѣщалась няня новорожденнаго и горничная Маріи Дмитріевны и такое множество вещей, какъ будто пріѣзжали на недѣлю, а не на одинъ день. Наканунѣ тетиныхъ именинъ мы и всѣ горничныя отправлялись въ лѣсъ за сморчками и если мы ихъ набирали, то мать бывала очень довольна. Съ начинкою изъ сморчковъ приготовляли слоеные пироги къ завтраку. За обѣдомъ подавали свѣжіе парниковые огурцы и самую отборную крупную спаржу, салатъ и редисъ; тѣ гости, у которыхъ не было парниковъ, восхищались весенними новинками, и хвалили нашего Виссаріона, а я отъ этихъ похвалъ бывала въ восторгѣ. Кромѣ Селивановыхъ изъ Любова у насъ въ этотъ день бывали Селивановы изъ Кошелева, изъ Плешковъ Милоглядовы и всѣ Клементьевскіе и Мельгуновы изъ Борокъ.

Строилово.

Съ наступленіемъ весны мы, дѣти, ежедневно совершали большія прогулки въ сопровожденіи няни, гувернантки, а иногда двухъ молодыхъ горничныхъ, дочери няни и сироты племянницы дочери садов-

ника Виссаріона Антонины. Чаще всего мы ходили въ Строилово, Индриково и на погостъ Василія Великаго. Строилово все было окружено лѣсомъ, изобилующимъ цвѣтами и грибами. Сначала тамъ мы собирали фіалки (которыя здѣсь называютъ „маткина душка"); эти чудные цвѣты съ замѣчательнымъ ароматомъ клали у насъ во всѣ сундуки и комоды гдѣ прибирали бѣлье, отъ этихъ цвѣтовъ все бѣлье имѣло запахъ фіалокъ. Потомъ тамъ же на лугу набирали незабудки, а въ лѣсу ландыши и наконецъ, все лѣто и осень—грибы. Строилово было необитаемо, принадлежало во время моего дѣтства Чулкову и по его просьбѣ, конечно безплатно, мой отецъ наблюдалъ за этимъ имѣніемъ. Домоправительницей въ домѣ была старушка Катерина Ивановна, кромѣ нея были и еще дворовые люди, которые тоже жили на дворѣ. Настоящими владѣльцами этого имѣнія раньше были Исаковы, имѣвшіе многочисленную семью, которая помѣщалась въ огромномъ домѣ, который я уже помню пустымъ и необитаемымъ. Когда мы приходили гулять въ Строилово, старушка Катерина Ивановна отворяла намъ большой домъ и я очень любила ходить по всѣмъ комнатамъ. Мнѣ этотъ домъ казался таинственнымъ замкомъ, въ которомъ недавно еще жили всѣ его прежніе обитатели, о которыхъ такъ много всегда разсказывала Катерина Ивановна. Въ домѣ было много картинъ, мебель была изъ карельской березы, шкафы съ стеклянными дверками были полны дорогой посуды. Судьба этого имѣнія была очень печальна. Исаковъ Василій Семеновичъ, владѣтель Строилова и многихъ другихъ деревень, богатый молодой помѣщикъ женился на молодой помѣщицѣ Аннѣ Ильиничнѣ Чулковой, жили они открыто, богато, имѣли много дѣтей; кромѣ того у нихъ жили и умерли подъ ихъ кровомъ приживалки и приживальщики, какъ это тогда бывало у многихъ помѣщиковъ. Когда Василій Семеновичъ умеръ еще нестарымъ человѣкомъ, жена его Анна Ильинична, совсѣмъ не имѣвшая понятія о положеніи своихъ дѣлъ, пришла въ ужасъ не зная, что дѣлать—на рукахъ ея оставалось шесть человѣкъ дѣтей, старшей дочери Александрѣ было 17 лѣтъ, второй Алефтинѣ 14, а еще 4 сына подростка, которые требовали серьезнаго воспитанія. Въ домѣ были учителя, гувернантки, все это требовало массы денегъ. На бѣду Анна Ильинична заболѣла какой то хронической болѣзнью и слегла въ постель. Всѣ дѣла по хозяйству и по воспитанію дѣтей пришли въ полный упадокъ. Тогда она выписала своего единственнаго брата Василія Ильича Чулкова, жившаго въ своемъ большомъ имѣніи въ Сапожковскомъ уѣздѣ; здѣсь въ Зарайскомъ уѣздѣ у него тоже было имѣніе, доставшееся ему отъ матери Индриково и находившееся въ одной верстѣ отъ Строилова; но въ этомъ имѣніи онъ бывалъ очень и очень рѣдко.

Чулковъ, пріѣхавши къ сестрѣ, показался ей очень сердечнымъ и родственнымъ, былъ необыкновенно ласковъ какъ съ сестрой такъ и съ ея дѣтьми, что всѣхъ удивляло. такъ какъ всѣ знали, что онъ былъ очень крутой и жестокій человѣкъ. Анна Ильинична вполнѣ подпала подъ его вліяніе и вѣрила ему какъ богу. Въ немъ одномъ видѣла спасеніе своихъ дѣтей и чувствуя приближеніе смерти, по его совѣту, чтобы дать ему возможность устроить по своему усмотрѣнію всѣ дѣла по имѣнію, передала Василію Ильичу Чулкову все свое состояніе по духовному завѣщанію. Свидѣтелями этого несчастнаго завѣщанія были мой отецъ и Василій Васильевичъ Селивановъ. Оба они, безконечнодобрые и честные люди, неспособные на какой либо безчестный поступокъ и видѣвшіе и въ другихъ людяхъ только хорошія стороны, конечно не могли предполагать, чтобы Чулковъ—богатый, даже очень богатый человѣкъ, рѣшился обмануть единственную, умирающую сестру и обидѣть ея круглыхъ сиротъ дѣтей. Но случилось именно то, чего они, свидѣтели, не ожидали. Какъ только умерла Анна Ильинична, онъ всѣхъ дѣтей забралъ къ себѣ въ Сапожковское имѣніе, Самодуровку. Въ то время сообщеніе между уѣздами даже одной губерніи было очень затруднительно, такъ какъ приходилось сотни верстъ проѣзжать проселочными и въ большинствѣ очень плохими дорогами, а потому о жизни въ Самодуровкѣ никто изъ родныхъ Чулкова хорошо не зналъ. Онъ былъ холостякъ, страстный охотникъ, безконечно жестокій къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, имѣлъ, говорили, цѣлый гаремъ крѣпостныхъ красавицъ, но все это было слухи и вѣрнаго ничего не было извѣстно. Онъ же говорилъ въ Строиловѣ своей умирающей сестрѣ и моему отцу и В. В. Селиванову. что не только имѣніе Исаковыхъ передастъ насколько возможно благоустроеннымъ дѣтямъ Анны Ильиничны, но даже и свое состояніе, такъ какъ другихъ наслѣдниковъ, кромѣ Исаковыхъ, у него нѣтъ.

И такъ со смерти Анны Ильиничны Строилово стало необитаемымъ. Жизнь несчастныхъ дѣтей въ Самодуровкѣ была ужасна. У Чулкова была тамъ своя незаконная семья: двѣ дочери и два сына; любовница его, мать этихъ дѣтей была полновластная хозяйка въ домѣ. Дѣтей своихъ воспитывали въ роскоши, старшую Исакову Александру 17-ти лѣтъ сдѣлали гувернанткой, заставляли учить дѣтей Чулкова, готовить ихъ въ учебныя заведенія, и ее такъ замучили, что она скоро умерла скоротечной чахоткой. Вторую дочь Алефтину избавила отъ этой жизни моя крестная мать Анна Васильевна Звягина, мужъ которой былъ родственникъ Чулкова. Объ этой воспитанницѣ Звягиной я уже говорила въ началѣ моихъ записокъ.

Мальчиковъ же Исаковыхъ, выучиши кое-какъ, едва имъ наступило 16-ть лѣтъ отправили юнкерами на Кавказъ. гдѣ въ то время шла безконечная война съ черкесами. Иванъ былъ убитъ на Кавказѣ, Василій и Михаилъ совсѣмъ спились тамъ и вернулись въ Россію много лѣтъ спустя въ самомъ ужасномъ видѣ. Михаилъ вскорѣ умеръ, а Василій ходилъ изъ дома въ домъ, гдѣ ему изъ милости давали кусокъ хлѣба, и кончилъ самоубійствомъ. Третій сынъ Исаковыхъ—Павелъ былъ очень умный и талантливый юноша, и печальная обстановка бѣднаго армейскаго юнкера на Кавказѣ не заглушила въ немъ природныхъ хорошихъ качествъ; насколько возможно, онъ старался пополнить свое образованіе, много читалъ, писалъ стихи, былъ очень красивъ, но и его на Кавказѣ постигло несчастіе, онъ былъ раненъ въ глазъ и грудь. Раны зажили, но глазъ былъ потерянъ, хотя лицо осталось интереснымъ и красивымъ. Служить онъ больше не могъ и пріѣхалъ къ Чулкову въ Самодуровку. У Чулкова были двѣ незаконныя дочери—Марія и Анна, уже взрослыя дѣвушки и два сына, взрослый Василій и мальчикъ еще Иванъ. Такова была семья Чулкова, когда къ нему вернулся съ Кавказа Павелъ Васильевичъ Исаковъ. Обѣ дочери Чулкова были красивы, особенно хороша была старшая Марія; высокая, статная, брюнетка, съ чудными вьющимися черными волосами и прелестнымъ цвѣтомъ лица. Павелъ Васильевичъ влюбился въ нее и она въ него. Павелъ Васильевичъ просилъ у дяди позволенія жениться на любимой дѣвушкѣ; но тотъ разгнѣвался и выгналъ племянника изъ дома. Молодые люди подъ покровительствомъ прислуги видались тайно и рѣшили во всякомъ случаѣ повѣнчаться, такъ какъ Марія Васильевна почувствовала, что скоро будетъ матерью. И вотъ въ одинъ изъ праздниковъ, когда вся семья Чулкова, кромѣ его самого была въ церкви, Павелъ Васильевичъ пріѣхалъ на тройкѣ, которую оставилъ въ лѣсу недалеко отъ церкви. Марія Васильевна сказала матери, что чувствуетъ себя дурно, вышла на паперть, гдѣ ее уже ожидалъ посланный отъ Павла Васильевича, проводилъ ее къ жениху и они ускакали въ сосѣднее село, гдѣ уже ждалъ ихъ въ церкви священникъ и свидѣтели и тотчасъ началось ихъ бракосочетаніе. Мать Маріи Васильевны, видя, что дочь долго не возвращается, пошла посмотрѣть гдѣ она и не видя ея около церкви поспѣшила домой. Поднялась тревога, поняли, что дочь увезена Исаковымъ, послали погоню, но уже было поздно, посланные попали въ церковь когда на молодыхъ Исаковыхъ уже были надѣты вѣнцы. Гнѣву Чулкова не было конца, дочь его умерла, не примирившись съ родителями. Вся дворня была жестоко наказана, такъ какъ всѣхъ домашнихъ людей считали пособниками побѣга Маріи Васильевны. Горничная, ходившая за барыш-

нями, такъ была избита, что вскорѣ умерла. Молодые Исаковы не имѣли никакихъ средствъ, поѣхали сейчасъ же послѣ свадьбы въ Москву къ сестрѣ Исакова, Алефтинѣ Васильевнѣ, въ то время уже бывшей замужемъ за студентомъ Московскаго Университета Бьерклюндомъ, и жившей въ это время тоже очень бѣдно, такъ какъ моя крестная мать Звягина, у которой она жила со смерти своей матери до самаго своего брака, дала ей лишь очень небольшое имѣніе въ Спасскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Павелъ Васильевичъ сейчасъ послѣ свадьбы, по совѣту лучшихъ московскихъ адвокатовъ началъ процессъ съ Чулковымъ, въ которомъ доказывалъ, что Чулковъ ихъ имѣніями владѣетъ незаконно, такъ какъ обманомъ выманилъ у ихъ матери духовное завѣщаніе, которое она по закону сдѣлать не могла, такъ какъ не имѣла права лишать малолѣтнихъ дѣтей наслѣдства родовыми имѣніями. Но только Павелъ Васильевичъ черезъ годъ или два послѣ свадьбы умеръ отъ чахотки, а черезъ 6 или 7-мь мѣсяцевъ послѣ его смерти умерла и Марія Васильевна оставивши на рукахъ Алефтины Васильевны маленькаго сына Николая.

Губернскимъ Предводителемъ въ то время былъ Алексѣй Васильевичъ Селивановъ, онъ вызвалъ къ себѣ Чулкова и убѣдилъ его возвратить Исаковымъ ихъ имѣнія, говоря, что если онъ не сдѣлаетъ этого добровольно, то все равно имущество Исаковыхъ у него будетъ отобрано судомъ, и что послѣ такого скандальнаго процесса его попросятъ выйти изъ дворянскаго сословія, о чемъ уже былъ у Предводителя во время выборовъ разговоръ со всѣми дворянами.

Чулковъ согласился отдать Исаковымъ имѣнія, принадлежащія имъ, но и тутъ насколько возможно обобралъ ихъ, изъ Строилова все цѣнное было вывезено въ Индриково, остались одни голыя стѣны стараго дома. Это имѣніе досталось Василію Васильевичу Исакову, а Коломенское имѣніе сиротѣ, сыну Павла Васильевича и Маріи Васильевны—Николаю. Алефтина Васильевна получила отъ Чулкова деньгами 3000. И на эти деньги выкупила у брата Строилово, который въ это время уже совсѣмъ спился. Сестра, купившая Строилово, устроила его у себя, но ему жизнь у сестры не понравилась, онъ скоро ушелъ отъ нея и кончилъ, какъ я уже сказала раньше, самоубійствомъ въ домѣ своего племянника Николая Исакова, тогда уже взрослаго. Покончилъ онъ съ собою въ пьяномъ видѣ. Строилово и до сихъ поръ принадлежитъ дочери Алефтины Васильевны—Аннѣ Эргардовнѣ по мужу Сикорской. Вотъ какова была судьба Строилова. Во время моего дѣтства оно было уже необитаемымъ.

Вторымъ мѣстомъ нашей дальней прогулки бывало Индриково, принадлежащее во время нашего дѣтства Василію Ильичу Чулкову, обворовавшему несчастныхъ сиротъ своей сестры Исаковыхъ. Имѣніе это такъ же въ то время было необитаемо какъ и Строилово и мой отецъ, по просьбѣ Чулкова, помогалъ его старостѣ писать отчеты и письма и дѣлалъ ему указанія въ разныхъ дѣлахъ, которыя требовали соображенія болѣе образованнаго человѣка.

Въ Индриковѣ былъ небольшой барскій домъ, въ которомъ жила до своей смерти мать Чулкова, Марія Александровна. Индриково было очень красиво благодаря обилію воды,—усадьба была окружена съ трехъ сторонъ громадными прудами. За прудами, которые соединялись между собою плотинами, шла березовая роща. Съ другой стороны дома, тоже за прудомъ, былъ фруктовый садъ, гдѣ въ изобиліи росли вишни, крыжовникъ всѣхъ сортовъ и масса прекрасныхъ яблокъ. Намъ позволялось ловить удочками въ прудахъ карасей, которыхъ тамъ водилось множество. Въ лѣсу собирали грибы, цвѣты, а когда поспѣвали ягоды и яблоки, то любезные садовники всегда наполняли намъ корзины этими вкусными вещами. Но несмотря на всѣ хорошія стороны, прогулки въ Индриковѣ и посѣщеніе этого мѣста на меня, дѣвочку, производили впечатлѣніе тяжелое. Чулковъ, какъ помѣщикъ, былъ страшный тиранъ и бывая въ Индриковѣ я почти всегда слышала рѣчи о его злодѣяніяхъ съ крѣпостными крестьянами. Приходилось слышать о жестокихъ наказаніяхъ и даже истязаніяхъ, которыя онъ позволялъ надъ своими людьми. Всѣ пруды-озера, окружающіе въ то время усадьбу Индрикова, были вырыты его крѣпостными; за самую маленькую вину посылали въ наказаніе, „подъ тачки“, какъ назывались эти земляныя работы. И женщины, и дѣти-подростки и всѣ, кому приходилось неугодить самому Чулкову или его сожительницѣ Агафьѣ Родіоновнѣ, матери его незаконныхъ дѣтей, перебывали на этой тяжелой работѣ. Она сама была крестьянка, но своей жестокостью ни сколько не уступала самому Чулкову.

На эти тяжелыя земляныя работы присылались по окончаніи лѣтнихъ работъ всѣ виновные изъ разныхъ имѣній, больше всего конечно изъ Самодуровки, Сапожковскаго уѣзда, постоянной резиденціи самого Чулкова и его семьи. Жили эти рабочіе въ Индриковѣ, полуголодные, на холодѣ, въ кое-какъ устроенныхъ шалашахъ, съ ними пріѣзжалъ и надсмотрщикъ, который обязанъ былъ смотрѣть за работами, а главное наблюдать, чтобы каждый осужденный на эту работу вывозилъ на себѣ назначенное ему число тачекъ, наполненныхъ землею.

Одна женщина, которая ходила за индѣйками, и у которой по какой то ея оплошности околѣлъ дорогой заводской индѣйскій пѣтухъ, была прислана въ Индриково вмѣстѣ съ этимъ мертвымъ пѣтухомъ, который висѣлъ у нее на шеѣ на веревкѣ, и она должна была ходить съ этимъ вонючимъ, разлагавшимся пѣтухомъ на работу. Когда до моего отца дошелъ объ этомъ слухъ, онъ сейчасъ же самъ поѣхалъ въ Индриково, приказалъ снять съ несчастной бабы ея ужасную ношу, несмотря на протесты надсмотрщика, и написалъ угрожающее письмо къ Чулкову, говоря, что если, что-либо подобное случится опять, то мой отецъ будетъ принужденъ довести обо всемъ до свѣдѣнія Губернатора. Чулковъ отвѣтилъ отцу самымъ любезнымъ письмомъ, увѣряя, что все случившееся было сдѣлано безъ его вѣдома. Часто присылались довѣренныя лица (мужчины и женщины изъ дворовыхъ) изъ Самодуровки вербовать молодыхъ дѣвушекъ отъ 13 до 20 лѣтъ, а также и мальчиковъ отъ 12 до 17-ти лѣтъ. Пріѣздъ этихъ наборщиковъ повергалъ въ неописуемый ужасъ все населеніе Индрикова и Строилова. Снаряжались нѣсколько подводъ, по жребію выбирались подводчики, усаживали на эти подводы на одни дѣвушекъ, на другія мальчиковъ; кричали, плакали родители, и и несчастныя дѣти, которыхъ разлучали съ семьей и везли въ Самодуровку, разсказы о которой всѣхъ приводили въ ужасъ. Этихъ несчастныхъ молодыхъ людей въ Самодуровкѣ сортировали. Мальчиковъ оставляли нѣкоторыхъ при домѣ, остальныхъ—кого въ охотникахъ, кого въ конюшнѣ при конюхѣ, кого въ казачкахъ при взрослыхъ лакеяхъ, а другихъ отправляли въ Москву въ ученье разнымъ мастерствамъ и музыкѣ, такъ какъ въ Самодуровкѣ былъ свой оркестръ. Молодыхъ дѣвушекъ оставляли нѣкоторыхъ при домѣ для разныхъ услугъ, другихъ учили разнымъ рукодѣльямъ, вышивать гладью, плести кружева. Самыхъ же красивыхъ брали въ гаремъ для удовольствія самого Чулкова и его пріятелей, и по прошествіи трехъ, четырехъ мѣсяцевъ этихъ несчастныхъ дѣвушекъ выдавали замужъ за крестьянскихъ парней, которымъ приходило время жениться, и которымъ недоставало невѣстъ, а иногда возвращали обратно на родину въ семью. Какъ рыли пруды въ Индриковѣ я уже не помню, такъ какъ я ихъ уже знала полныхъ воды и рыбы, но каждый разъ, когда мы бывали тамъ, няня вспоминала объ этихъ работахъ и мнѣ всегда казалось, что крестьяне Чулкова очень похожи на израильтянъ въ Египтѣ. Но молодыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ увозили въ Самодуровку на моей памяти. Я помню какъ осиротѣлыя матери и бабушки съ плачемъ разсказывали нянѣ о разлукѣ съ своими дѣтьми. Помню, и мы всѣ слушая эти разсказы, тоже плакали. Самъ Чулковъ рѣдко бывалъ въ Индриковѣ, но когда пріѣзжалъ, то часто бывалъ въ Карцевѣ у моего отца. Я его боялась

и ненавидѣла и наружность мнѣ его казалась очень страшной (хотя большіе говорили, что онъ былъ красивъ), лицо у него было какое то сизое, обожженное, (какъ говорили, порохомъ); онъ много разсказывалъ о 12-мъ годѣ, о томъ, какъ послѣ побѣды надъ французами наши войска были въ Парижѣ и какъ тамъ проводили время, и должно быть эти разсказы были хороши, потому что моя цѣломудренная тетя и мать приходили въ ужасъ и уходили изъ залы, оставляя слушателемъ одного моего отца. Разсказы о Чулковѣ и ему подобныхъ мы слышали постоянно отъ нашей няни и отъ другихъ дворовыхъ, а также и отъ моего друга садовника Виссаріона, который всѣ разсказы о несправедливостяхъ и жестокостяхъ помѣщиковъ заканчивалъ такъ: „что дѣлать, должны терпѣть, ибо на нашемъ братѣ крѣпостномъ человѣкѣ лежитъ проклятіе Хама, сына Ноева,—на то значитъ воля Бога“. Всѣ эти разсказы и событія оставляли глубокое впечатлѣніе въ моемъ маленькомъ дѣтскомъ сердечкѣ и развивали любовь къ закрѣпощеному народу и непріязнь къ его властителямъ.

Я мечтала, что когда выросту большая, то сдѣлаю всѣхъ моихъ любимцевъ свободными и какъ всѣ они будутъ дѣлать то, что имъ пріятно, а не то, что имъ приказываютъ, такъ напримѣръ, тетя Саша пойдетъ путешествовать по всѣмъ монастырямъ, о чемъ она всегда мечтала, Виссаріонъ разведетъ новый садъ на нашемъ огородѣ, который я ему подарю и т. д. И при этомъ я всегда радовалась, что въ нашемъ хозяйствѣ не было ничего жестокаго и тяжелаго, того о чемъ разсказывали про другихъ господъ; но и у насъ мнѣ многое не нравилось, особенно гнѣвныя вспышки моей матери, которыя, правда, ничѣмъ кромѣ гнѣвнаго истерическаго крика не выражались, но и эти сцены сильно возмущали меня и я всегда старалась чѣмъ нибудь порадовать, утѣшить потерпѣвшихъ отъ гнѣва матери и всегда ходатайствовала за нее передъ обиженными ею людьми.

Погостъ Василія Великаго.

Нашъ погостъ, гдѣ стояла наша приходская церковь очаровательнъ по своему мѣстоположенію. Разстояніе отъ Карцева до Погоста было версты двѣ или даже немного меньше. Дорога отъ Карцева до церкви очень живописная, идти приходится лугомъ, посрединѣ глубокой лощины, которою течетъ рѣчка, чистая и прозрачная, на днѣ которой видны пестрые мелкіе камешки и песокъ. По обѣимъ сторонамъ луга идутъ высокія горы, прорѣзанныя мѣстами глубокими оврагами. Этотъ лугъ и рѣчку пересѣкало шоссе; на обѣ стороны противуположныхъ горъ былъ перекинутъ мостъ,

довольно красивой архитектуры и въ нашихъ мѣстахъ этотъ мостъ назывался „большимъ мостомъ“. На погостъ, если не хотѣли взбираться на гору, надо было проходить подъ мостъ, проходъ этотъ былъ довольно затруднителенъ, что намъ дѣтямъ очень нравилось. Приходилось идти по крутой отвѣсной насыпи между свай, а внизу бѣжала быстрая узкая полоса рѣчки. За мостомъ открывался чудный видъ. Рѣчка здѣсь дѣлается шире, на горѣ покрытой прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ виднѣлась наша приходская церковь, около нее ютились домики двухъ нашихъ священниковъ, дьякона и дьячковъ. Съ другой стороны церкви было кладбище. За оградой около оконъ алтаря были могилы нашихъ предковъ, а также могилы Исаковыхъ и матери Чулкова.

Ни села, ни одного посторонняго дома, кромѣ сторожки и домовъ причта здѣсь не было. Это мѣсто было прежде занято Троицкимъ монастыремъ, который былъ переведенъ въ окрестности Рязани, а на мѣстѣ монастыря была кѣмъ то выстроена церковь во имя Св. Троицы и Василія Великаго. Ходить гулять на погостъ мы, дѣти, наши гувернантки и няня очень любили. Насъ тамъ всегда принимали очень радушно, особенно семья нашего дьякона Ивана Петровича. У него была дочь Анюта, наша сверстница по годамъ, мы очень дружили, она часто дѣвочкой гостила у насъ по долгу, а по окончаніи своего воспитанія у своей тетки въ Рязанскомъ женскомъ монастырѣ, совсѣмъ переселилась на житье къ намъ въ Карцево. Я въ то время только что вышла замужъ, и Анюта или наша Анна Ивановна, какъ мы ее всѣ называли, уже никогда больше съ нашей семьей не разлучалась. Она была настоящимъ моимъ другомъ, моимъ Ангеломъ-Хранителемъ,—всю свою долгую жизнь посвятила мнѣ, моей семьѣ и моимъ интересамъ, дѣлила со мной и радость и горе, и никогда неразлучалась со мной, гдѣ бы мы не жили. Она уже старухой умерла на моихъ рукахъ, у меня въ Карцевѣ гдѣ мы съ ней послѣ смерти моего мужа прожили вдвоемъ 25 лѣтъ. И эти я 25 лѣтъ, несмотря на многія матеріальныя лишенія, считала самыми счастливыми годами моей жизни. Со смертью моего дорогого друга Анны Ивановны вся моя жизнь измѣнилась и я уже себя не чувствую никогда такъ хорошо, какъ мнѣ жилось при ней въ нашемъ миломъ родномъ уголкѣ, окруженномъ простымъ народомъ, который относился къ намъ самымъ сердечнымъ образомъ; мы съ Анной Ивановной во всѣ 25 лѣтъ ни одного худого поступка отъ окружающихъ не видали. Вотъ какое большое отступленіе мнѣ пришлось сдѣлать, вспомнивши мою дорогую Анюту.

И такъ на погостѣ намъ всѣмъ бывало очень хорошо: намъ отъ дьякона или иногда отъ священника выносили въ лѣсъ на траву самоваръ, густыя сливки, творогъ, пышки; мы съ наслажденіемъ пили тамъ чай и полдничали. Иногда приходилось тамъ застать вечерню и я очень любила въ это время бывать въ церкви. Какъ то особенно мирно, хорошо бывало тамъ, церковь почти пустая, кромѣ священника и причта никого нѣтъ, лучи заходящаго солнца по особенному хорошо освѣщали иконостасъ—мы простаивали вечерню и уже совсѣмъ въ сумеркахъ возвращались домой.

Какъ мы дѣти и наши товарищи, и молодыя горничныя любили эти дальнія прогулки! Кромѣ нашей молоденькой гувернантки съ нами всегда ходила наша няня, въ то время это была рѣдкая по своему уму и развитію женщина, строгая, аккуратная, но при этомъ веселая, умѣющая хорошо разсказывать и сказки, и разные случаи изъ жизни. Наступалъ чудный веселый май, начинался онъ для насъ ярмаркой на нашемъ погостѣ. Въ нашей церкви былъ придѣлъ во имя Бориса и Глѣба, праздникъ ихъ былъ 2-го мая. Наканунѣ, 1-го мая въ нашей церкви была всенощная, единственная во всемъ году, такъ какъ всегда, кромѣ этого дня, во всѣ праздники бывали заутрени. И вотъ 1-го мая мы, если не было дождя, отправлялись пѣшкомъ на погостъ,—тамъ уже начинали съѣзжаться торговцы съ разными товарами, ситцами, посудой, разными лакомствами, но главная торговля была огородными сѣменами. Этотъ вечеръ послѣ всенощной назывался „подторжье“. Воза съ товарами еще не разбирались и торговцами устраивались палатки. Торгъ сѣменами шелъ очень бойко, множество бабъ огородницъ сидѣли около церковной городьбы съ мѣшечками разныхъ огородныхъ сѣмянъ и, такъ какъ мы отъ отца и тети получали копѣекъ по 30 на ярмарочныя покупки, то я здѣсь для своего огородика покупала на двѣ и три копѣйки бобовъ и укропу, который очень любила. Хотя всѣ сѣмена я получала отъ Виссаріона, но почему то мнѣ очень нравилось покупать ихъ на погостѣ. 2-го мая мы отправлялись всѣ къ обѣднѣ, а по окончаніи службы начиналась торговля во всѣхъ палаткахъ. Мы покупали для нашего кукольнаго хозяйства крошечные горшечки, кувшинчики, а также и кувшинчики побольше для собиранія ягодъ. Народу на ярмаркѣ всегда бывало очень много, всѣ женщины очень красиво наряжались въ яркія рубашки съ широкими рукавами, въ черныя плисовыя, имѣющія видъ бархата, „корсетки“ со множествомъ сборокъ около таліи назади и безъ рукавовъ.

Замужнія бабы носили клѣтчатыя шерстяныя поневы, убранныя внизу позументами и разноцвѣтными лентами, а на дѣвушкахъ

бывали ситцевые пестрые сарафаны и такія же яркія рубашки и черныя „корсетки“. Въ сосновомъ лѣсочкѣ около погоста, о которомъ я говорила раньше, устраивалось что то въ родѣ буфетовъ. Крестьяне тамъ пили чай, закусывали и вѣроятно пили водку, такъ какъ съ ярмарки часть нашихъ дворовыхъ возвращались подвыпивши, особено мой милый Виссаріонъ. Я въ этотъ день получала отъ отца моего очень много пріятныхъ вещей въ видѣ цвѣточныхъ высадокъ для моихъ горшечныхъ разводокъ и т. д. Весной и лѣтомъ часто ходили въ лѣсъ сначала собирали фіалки. Потомъ собирали незабудки, которыхъ на лугу бывало такая масса, что издали этотъ лугъ казался какъ бы покрытый голубоватой водой, а въ лѣсу въ это время уже разцвѣтали ландыши, весь домъ мы наполняли этими цвѣтами. 18-го мая, мы всегда ѣздили въ Кошелево, это былъ день именинъ Александры Александровны. Въ этотъ день туда съѣзжались всѣ родные и знакомые Селивановыхъ. Пріѣзжали Селивановы изъ Любова, всѣ—и старики, и молодые. Василій Павловичъ очень любилъ эту свою невѣстку и всегда ставилъ ее въ примѣръ своей молодой невѣсткѣ Маріи Дмитріевнѣ, женѣ Василія Васильевича, съ которымъ и жили старики. Вѣчная, наивная институтка Марія Дмитріевна, конечно, ничего не имѣла общаго съ умной, милой домовитой хозяйкой Кошелева, которой держался весь домъ, и все благосостояніе семьи. Пріѣзжали въ Кошелево въ этотъ день Селивановы изъ Авдѣева, которые приходились двоюродными братьями Селивановымъ Любавскимъ, Кошелевскимъ и Куковскимъ.

Изъ Авдѣева пріѣзжала вся семья, старый отецъ Алексѣй Николаевичъ, очень умный, жена его Марія Борисовна и сыновья Николай, Борисъ и маленькій Алексѣй. Старшіе два были сверстники намъ и глухонѣмымъ Васѣ и Сережѣ Кошелевскихъ. Намъ дѣвочкамъ изъ Карцева бывало очень весело провести этотъ день въ Кошелевѣ со всѣми этими мальчуганами. Съ Авдѣевскими Селивановыми пріѣзжалъ всегда братъ Алексѣя Николаевича—Петръ Николаевичъ Селивановъ, большой другъ хозяйки Кошелева, Александры Александровны,—семейная молва придавала этой дружбѣ романическую окраску. Этотъ майскій праздникъ въ Кошелевѣ оставилъ въ моей памяти очень пріятныя воспоминанія. Домъ буквально утопалъ въ цвѣтахъ, всюду были букеты бѣлой и лиловой сирени, ландышей. Кромѣ этихъ цвѣтовъ на столахъ красовалось множество чудныхъ букетовъ изъ оранжерейныхъ дорогихъ цвѣтовъ и я уѣзжала изъ Кошелева всегда получая отъ моей милой Александры Александровны одинъ изъ этихъ чудныхъ букетовъ, который долго берегла, какъ драгоцѣнность. Послѣ мая наступало жар-

кое лѣто; начиналось съ іюня купанье, мы съ няней ходили на рѣчку за деревню, гдѣ была чудная прозрачная вода, къ намъ присоединялись наши сверстницы крестьянскія дѣвочки и, съ разрѣшенія няни, купались вмѣстѣ съ нами. Сколько было смѣха, веселья въ водѣ,—я умѣла прекрасно плавать; плавали на спинкѣ, ныряли подъ водой, но все это продѣлывала одна я, сестра Настя была большая трусиха и никогда не могла научиться плавать.

Накупавшись, собирали въ рѣчкѣ камешки, которые въ нашей рѣчкѣ очень разнообразны и красивы, ими я и сестра украшали наши клумбочки, а также играли въ нихъ подбрасывая эти камешки на разные лады. Эта игра имѣла особыя условія какъ и въ мячъ. Каждый взмахъ камней имѣлъ особое названіе. Эту игру особенно любила моя сестра Настя и была большая искусница въ этомъ дѣлѣ. Съ половины іюня ходили собирать земляннику. Въ саду въ это время цвѣло множество розъ, лепестки ихъ собирали цѣлыми рѣшетами. Изъ нихъ варили варенье съ какой то кислотой, отъ чего варенье принимало прекрасный ярко розовый цвѣтъ и пріятный кисловатый вкусъ. Изъ этихъ же лепестковъ дѣлали крупу для каши, гнали розовую воду, очень душистую. Это дѣлалъ Тихонъ поваръ. Около рѣчки внизу сада для этого выкапывалась яма, въ ней горѣлъ огонь, надъ которымъ устраивалось что-то вродѣ очага на которомъ помѣщался мѣдный „кубо́къ“, изъ котораго, послѣ долгаго нагрѣванія и прохожденія чрезъ разныя трубочки, находящіяся внутри кубка, вытекала изъ крана тоненькая, едва замѣтная струйка чистой прозрачной и сильно душистой розовой воды. Намъ ей промывали глаза, всегда въ нашихъ спальняхъ бывали бутылки съ розовой водой. Давали ее и крестьянамъ, у кого гноились и болѣли глаза. Тогда о борной кислотѣ и помину не было, да и вообще отъ всѣхъ болѣзней лѣчили домашними средствами и рѣдко за чѣмъ либо обращались къ докторамъ и въ аптеку. Такъ напримѣръ, 24 іюня крестьянки изъ Борислова приносили разныя лѣкарственныя травы, связанныя пучками, которыя развѣшивали на чердакѣ въ свѣтелкѣ на протянутыхъ веревкахъ для просушки, когда же эти травы высыхали, ихъ складывали въ пакеты съ надписями—какая трава, и отъ какой болѣзни. Кромѣ этихъ травъ въ іюлѣ сушили массу липоваго цвѣта и малины. Приготовлялись также для домашней аптеки разныя мази, дѣлали мазь изъ бѣлены, изъ березовыхъ почекъ, дѣлали разныя лѣкарственныя настойки, настоенныя на винѣ березовыя почки, цвѣты василька, лепестки піоновъ и т. д.,—цѣлый огромный шкафъ былъ полонъ этими лѣкарствами. 24 іюня кромѣ сбора травъ и цвѣтовъ для лѣкарствъ былъ извѣстенъ всѣмъ намъ съ дѣтства по своимъ легендамъ о цвѣтеніи

въ ночь на Ивана Купалу папортниковъ; сколько чудесъ про эту ночь намъ приходилось слышать отъ нашихъ деревенскихъ друзей. Да легендамъ о папортникѣ въ то время вѣрили не только крестьяне, но и большинство помѣщиковъ.

Многіе разсказывали, что сами будто-бы видѣли въ эту ночь разныя необыкновенныя явленія въ лѣсахъ, гдѣ бывали въ изобиліи папортники. Кромѣ папортниковъ весь деревенскій людъ вѣрилъ русалкамъ и большинство вѣритъ имъ и до сихъ поръ. Недѣля послѣ Троицына дня называется въ народѣ „русальной недѣлей“. Троицынъ день въ нашемъ приходѣ второй храмовой праздникъ, я его очень любила. Вся церковь бывала убрана зеленью, полъ покрытъ скошенной травой, иконостасъ весь бывалъ убранъ цвѣтами сирени, піоновъ, колокольчиковъ, желтыхъ лилій, которые мать съ Виссаріономъ всегда посылала въ церковь. Народъ весь тоже стоялъ съ букетами зелени и полевыхъ цвѣтовъ, эти букеты крестьяне называли „вѣнчиками“ берегли ихъ и закладывали въ скирды хлѣба, говоря, что мыши не трогаютъ тѣ скирды, куда положены троицкіе вѣнчики Мы также были въ церкви съ принесенными букетами изъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Нашъ домъ, а также и всѣ избы крестьянъ въ этотъ день убирались березками. И вотъ эту недѣлю послѣ Троицы называли русальской недѣлей, всѣ крестьяне очень боялись эту недѣлю ходить по ржанымъ полямъ, особенно въ тѣ годы, когда рожь бывала густа и высока; многіе чуть не съ клятвами увѣряли, что сами своими глазами видѣли русалокъ, бѣгающихъ по полю съ распущенными волосами. Большинство видали русалокъ когда стерегли ночное: вѣроятно, имъ на разсвѣтѣ въ полуснѣ разные предметы казались живыми людьми.—Воскресенье заговѣнье. Вечеромъ въ этотъ день всѣ крестьяне у кого были коровы, все молоко съѣдали; варили на молокѣ кашу; что оставалось отдавали у кого не было коровы, а уже если некому было отдать, то просто выливали куда нибудь, но ни одна хозяйка не рѣшалась вечерній удой этого дня оставлять у себя въ погребѣ, говоря, что русалки въ эту ночь пьютъ молоко, у кого оно останется, и та корова, отъ которой русалка попьетъ молока, перестанетъ его давать и вообще уже будетъ испорченной. По окончаніи ужина въ эту ночь весь народъ съ шумомъ, пѣснями шелъ провожать русалокъ. Гвалтъ стоялъ невообразимый, били въ косы, въ печныя заслонки и тому подобное, молодыя дѣвушки или очень молодыя вдовы безупречнаго поведенія, запрягались въ соху сзади которую держали такія же вдовы; дѣвушки съ распущенными волосами въ бѣлыхъ длинныхъ сорочкахъ, шли съ сохою впереди шествія и проводили борозду вокругъ всей де-

ревни. Это считалось самымъ вѣрнымъ огражденіемъ отъ злого духа и русалокъ, которыхъ послѣ этого дня уже переставали бояться, считая ихъ уже исчезнувшими съ лица земли, до будущаго года. По мнѣнію народа онѣ уже жили въ водѣ и тамъ куралесили, схватывая тѣхъ, кто безъ креста купался, или вообще безъ молитвы былъ на водѣ.

Въ концѣ петровскаго поста начинался сѣнокосъ. Весь народъ узѣжалъ на луга. У насъ также верстахъ въ 8-ми отъ Карцева были луга. Назывались они „Воблинскіе", находились около Оки и озера близь деревни Озерицъ. Косить эти луга отправлялись всѣ наши дворовые люди, кромѣ крестьянъ. Готовое сѣно привозили въ Карцево и Борислово, гдѣ у насъ было большое скотоводство. Мы дѣти очень любили это время, насъ отецъ иногда бралъ съ собою туда, при насъ ловили рыбу неводомъ и собирали раковъ, которыхъ въ берегахъ озера было множество. Я съ наслажденіемъ набирала водяныя травы и цвѣты. Какъ чудно красивы были бѣлыя душистыя лиліи, плавающія въ водѣ, лепестки у нихъ твердые бѣлые, какъ бы восковые, но какъ только ихъ вынимали изъ воды они сейчасъ же закрывали свои чашечки и имѣли уже видъ бутона и очень рѣдко распускались дома въ водѣ. Рыбу и раковъ живыми привозили въ Карцево, въ большихъ кадкахъ или ушатахъ. Раковъ Тихонъ поваръ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Карцево варилъ на берегу нашей рѣчки подъ садомъ въ огромномъ котлѣ. Всѣ поѣдали, помню, множество этихъ раковъ, приносили ихъ цѣлыми подносами, одна мать ихъ никогда не ѣла и смотрѣла на нихъ съ отвращеніемъ. Въ іюнѣ между 8 и 20 числомъ начиналась жатва ржи и сборъ ягодъ въ саду и варка варенья; послѣднимъ занимался весь домъ. Горничныя собирали ягоды: смородину, крыжовникъ, няня ножницами осторожно срѣзала малину для варенья и намъ также давали ножницы и мы въ свои корзиночки набирали малину, но, конечно, большая часть шла не въ варенье, а намъ въ ротъ. Собранныя ягоды перебирали, сортировали, лучшія варили въ сахарѣ, среднія ягоды варили пополамъ съ сахаромъ и картофельной патокой, очень сладкой и густой какъ сахарный сиропъ. Этой патоки я давно уже въ употребленіи не вижу. Варенье съ прибавкой патоки, на банкахъ носило названіе „сахарное, расхожее".

Потомъ мелкія ягоды всѣхъ сортовъ варили въ меду и изъ нихъ дѣлали смоквы. Варкой варенья и заготовленіемъ всѣхъ запасовъ изъ ягодъ и плодовъ всегда занималась наша тетя съ помощью Аксиньюшки

ея горничной, но мы и другія горничныя принимали въ этомъ большое участіе. Вся эта работа происходила въ саду въ одной изъ бесѣдокъ, чаще внизу въ сиреневой, а иногда и въ акаціевой.

Намъ дѣтямъ накладывали варенье въ наши крошечныя баночки и мы дѣлали запасы для нашего кукольнаго хозяйства.

Когда начиналась уборка ржи мы часто бывали въ полѣ. Хорошую рожь бабы жали серпами, жатые снопы мнѣ очень нравились, всегда они были ровные, аккуратные. Тутъ между сноповъ, сложенныхъ въ крестцы бывали люльки съ грудными дѣтьми. Мнѣ всегда было безконечно жаль этихъ несчастныхъ крошекъ завернутыхъ въ разное тряпье и съ грязной соской во рту. Я любила ухаживать за этими дѣтишками, набирала дома для нихъ кисейныхъ тряпочекъ для соски и очень бывала довольна, если мнѣ удавалось наполнить карманы моего фартука кусочками бѣлаго хлѣба,—иногда удавалось добыть кусочекъ сахару, хотя послѣдній получать было очень трудно, такъ какъ намъ рѣдко давали чай, мы пили чай изъ листа черной смородины, анютиныхъ полевыхъ глазокъ и череды. Этотъ смѣшанный наборъ травъ заваривали какъ настоящій чай, мѣшали пополамъ съ молокомъ и въ чашку клался очень небольшой кусочекъ сахару. Мы этотъ настой пили съ хлѣбомъ, пышками, и сахару отдѣльно никогда не получали и онъ всегда былъ запертъ. По окончаніи жатвы бабы приходили къ намъ въ усадьбу, принося съ собой красиво связанный маленькій снопъ ржи. Входили онѣ во дворъ съ пѣснями и вся наша семья выходила на балконъ ихъ встрѣчать. Имъ раздавали оставшіяся отъ варенья ягоды т. е. тѣ, которыя уже не годились на варку,—и падаль яблокъ. Все это бабы принимали повидимому съ большимъ удовольствіемъ, но мнѣ почему то всегда было стыдно, что ихъ обдѣляютъ такой гадостью, какъ полупрокислыя ягоды, которыя ни на что больше не нужны, и дрянная падаль яблокъ.

Съ наступленіемъ Успенскаго поста почти въ половинѣ августа мы часто ѣздили въ боръ за грибами и брусникой. Насъ отправлялась всегда очень большая кампанія. Запрягались двѣ телѣги и дроги для нашей семьи, на дрогахъ помѣщались мы, я съ сестрой, иногда съ нами ѣздила мать, но не всегда, наша няня, и гувернантка, на телѣгахъ ѣхали горничныя со множествомъ корзинъ для грибовъ и кадочками для рыжиковъ, которыя тамъ же въ лѣсу и солили. Мы всегда бывали очень довольны, если ѣхали однѣ безъ матери, такъ какъ

тогда мы себя чувствовали несвободными, постоянно боялись, что она на насъ разсердится за что нибудь. Конечно, если бы вмѣсто матери съ нами поѣхала наша милая тетя, то наша радость была бы безконечна, но она не могла много ходить; у нее болѣли ноги. Мы забирались въ самую глубину бора устраивали тамъ „привалъ", постилали ковры, раскладывали посуду и привезенную провизію, отпрягали лошадей. Въ лѣсъ мы пріѣзжали довольно рано, часовъ въ 8-мь или немного позднѣе и оставались тамъ цѣлый день, и уже совсѣмъ темнымъ вечеромъ возвращались домой. Устроивши нашу стоянку, мы брали корзины и отправлялись за сборомъ грибовъ. Меня въ неописанный восторгъ приводилъ безконечный лѣсъ,—сколько разнообразныхъ красивыхъ полянъ въ немъ мы находили. Я и до сихъ поръ чувствую себя счастливою, забываю всѣ пережитыя и переживаемыя мною непріятности, когда бываю въ этомъ прекрасномъ лѣсу.

Но въ настоящее время онъ потерялъ много своей первобытной тихой прелести. Теперь его пересѣкаетъ желѣзная дорога; около Луховической станціи, настроено много дачныхъ домиковъ; а въ то время, о которомъ я пишу мои записки, ничего, кромѣ безконечнаго пространства громаднаго строеваго хвойнаго лѣса, не было. Какъ я хорошо помню то радостное чувство, которое испытывала, находясь съ моей корзиной въ этомъ чудномъ лѣсу, все мнѣ хотѣлось забрать съ собой, здѣсь растенія были не тѣ, что у насъ въ нашихъ окрестностяхъ: кругомъ стояли громадные папортники, между ними во мху розовѣли чудные рыжики, которыхъ иногда на одномъ мѣстѣ мы набирали цѣлыя корзины. Бѣлые попадаются рѣже, но тоже по нѣскольку грибовъ вмѣстѣ. Няня страшно волнуется, боится, что мы, увлекшись сборомъ грибовъ, заблудимся въ лѣсу, ежеминутно, аукаетъ насъ, мы иногда нарочно молчимъ, чтобы попугать ее и вдругъ, неожиданно выбѣжимъ со смѣхомъ къ ней изъ за кустовъ.

„Ахъ вы, безстыдницы какія, какъ вамъ не грѣхъ обманывать такъ вашу старуху няню. Вотъ за то больше никогда не поѣду съ вами, пускай мамаша сама ѣдетъ и беретъ съ вами кого нибудь помоложе меня".—„Ну нѣтъ няня,—отвѣчаемъ мы, ей въ одинъ голосъ,—безъ тебя не поѣдемъ, насильно увеземъ тебя съ собой". Наберешь полную корзинку грибовъ и не знаешь куда дѣвать. Красивые мхи, которые тутъ же растутъ въ изобиліи—и какихъ рисунковъ!—но только цвѣтъ сѣрый, а рядомъ разнообразные зеленые мхи, ползучіе хвойные низенькіе кустарники съ прелестными лиловыми цвѣтами, а тутъ рядомъ изъ глубины мягкаго нѣжнаго зеленаго мха торчатъ граціозныя вѣточки

брусники на твердомъ стебелькѣ, ярко зеленые блестяшіе твердые листики и фризовыя ягодки, все это хочется взять съ собой. Корзина полна грибами, приходится всѣми этими прелестями наполнять фартукъ. Сестра Настя давно уже пристаетъ, что пора идти къ „стоянкѣ“, она устала и хочетъ ѣсть, у ней корзина тоже полна грибовъ. Но другихъ вещей кромѣ грибовъ она не собираетъ, ко всѣмъ прелестямъ, наполняющимъ мой фартукъ, она остается равнодушной.

Добираемся до нашей стоянки. Тихонъ уже ставитъ самоваръ, разложенные припасы возбуждаютъ и безъ того хорошій аппетитъ, набираемъ сухихъ сучьевъ,—Тихонъ разводитъ костеръ ставитъ „таганъ“, на него сковроду и жаритъ приготовленныя дома котлеты. Кромѣ этого съ нами есть пышки съ сюрпризами, какъ мы ихъ называли, такъ какъ въ пышкахъ находили запеченныя въ скорлупѣ яйца ѣли мы все съ большимъ удовольствіемъ, а также и пили чай съ привезенными изъ дома пѣнками отъ варенья. Отдыхая, перебирали грибы, самые маленькіе отбирали для маринованія въ особыя корзиночки. Крупные рыжики тутъ же солили въ привезенной кадочкѣ. Большіе бѣлые грибы тоже клали въ особыя корзины для сушки. Чтобы собрать насъ всѣхъ къ стоянкѣ Тихонъ звонилъ въ большой привезенный имъ для этого колокольчикъ. Перебирая грибы, мы говорили о томъ, кто что видѣлъ въ лѣсу. Кто бѣлокъ, кто необыкновенную какую нибудь птицу или ящерицу. Отдохнувши, опять шли въ лѣсъ и возвращались уже къ сумеркамъ, когда пора было ѣхать домой. Домой возвращались уже совсѣмъ вечеромъ счастливыя, довольныя, усталыя и засыпая все еще видѣли лѣсъ, грибы, ягоды. Милое, счастливое дѣтство! съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю я его.

15-го августа всегда наша семья ѣздила на храмовой праздникъ въ Куково, имѣніе одного изъ Селивановыхъ, старшаго сына Василія Павловича Селиванова, постоянно до самой смерти жившаго въ своемъ родовомъ имѣніи Любовѣ съ меньшимъ сыномъ своимъ Василіемъ Васильевичемъ, имѣвшимъ большую семью. Хозяина Кукова звали Алексѣй Васильевичъ, а жену его Анна Яковлевна, они были бездѣтны, пользовались большимъ уваженіемъ въ уѣздѣ. Впослѣдствіи Алексѣй Васильевичъ былъ Губернскимъ Предводителемъ въ Рязани и послѣ смерти моего отца былъ нашимъ „попечителемъ“ до самаго моего замужества. Они оба были очень любезны гостепріимны, но какъ-то у нихъ не такъ было весело, просто и уютно какъ у другихъ Селивановыхъ въ Любавѣ и Кошелевѣ. Семьѣ Василія Васильевича Селиванова Куковскіе Селива-

новы помогали много матеріально, часто выручали ихъ изъ денежныхъ затрудненій и впослѣдствіи все свое состояніе оставили дѣтямъ Василія Васильевича. Я теперь припоминаю, что жена Василія Васильевича Марія Дмитріевна веселая, добрая, но легкомысленная женщина, очень плохая хозяйка, побаивалась сильно этихъ своихъ уравновѣшенныхъ родственниковъ аккуратныхъ, сухихъ. Моего отца Алексѣй Васильевичъ очень любилъ за его честность во всѣхъ отношеніяхъ, за то, что онъ всегда былъ правдивъ и никогда не льстилъ и не низкопоклонничалъ предъ сильными міра сего, что въ старые годы было большой рѣдкостью. На праздникѣ 15-го августа въ Куковѣ собирались всѣ Селивановы, пріѣзжали Звягины изъ Гремячева и множество другихъ Зарайскихъ дворянъ со всѣми и семействами. Родные и близкіе люди пріѣзжали туда наканунѣ ко всенощной, которая подъ Успеньевъ день очень торжественно совершалась въ ихъ домѣ. Наша семья также пріѣзжала туда наканунѣ. Насъ дѣтей туда брали не всегда, чему мы бывали очень рады, такъ какъ намъ тамъ бывало скучно и кромѣ купанья въ Осетрѣ, на которомъ была устроена прекрасная большая купальня, ничего пріятнаго для насъ, дѣтей, не было. Дѣтей тамъ собиралось много, но какъ то тамъ всѣмъ намъ бывало скучно. Въ Куковскомъ строго поставленномъ домѣ, гдѣ своихъ дѣтей никогда не было, странно какъ то было бѣгать, играть въ разныя игры, какъ мы всѣ это дѣлали въ Любовѣ, Кошелевѣ и Карцевѣ, когда собирались вмѣстѣ. Особенно весело бывало у крестной матери въ Гремячевѣ, гдѣ мы гостили по временамъ довольно долго. Послѣ Успеньева дня намъ предстояло великое удовольствіе—это поѣздка въ Борислово, для сбора орѣховъ. Тамъ у насъ былъ довольно большой лѣсъ, полный орѣшника. Орѣхи строго оберегались, для этого жилъ въ Борисловѣ каждое лѣто сторожъ. Въ Борисловѣ ни дома, ни флигеля не было, но была прекрасная большая рига, очень большой скотный дворъ съ хорошей избой и большимъ ледникомъ-погребомъ. Тамъ велось полевое хозяйство и скотоводство,—бывало до 40 головъ. Сборомъ масла и уходомъ за коровами завѣдывала моя кормилица; потому для меня поѣздка въ Борислово имѣла еще бо̀льшій интересъ, такъ какъ свиданіе съ моей дорогой кормилицей, которую я страстно любила, дѣлало меня всегда счастливой. Назначался день сбора, наканунѣ готовилось множество холодныхъ блюдъ, пеклись пироги съ цыплятами, укладывались погребцы съ чаемъ, сахаромъ. Корзины наполнялись посудой для чая и обѣда. Съ вечера приготовлялись телѣги, куда укладывали все нужное для поѣздки. Горничныя, няня, гувернантка и вся наша семья отправлялись въ Борислово. Крестьянки тоже отправлялись туда для сбора орѣховъ. Съ какой тревогой мы проводили эту ночь, боясь, чтобы не

измѣнилась погода и не пошелъ бы дождь. Наконецъ, наступало желанное утро, сборы кончены и мы размѣстились для дороги, мать съ отцомъ въ бричкѣ, а горничныя въ телѣгахъ—и нашъ поѣздъ трогается въ путь. По пріѣздѣ въ Борислово насъ встрѣчала моя кормилица и провожала насъ въ чисто убранную просторную ригу, около которой стояло много скирдъ ржи и овса. По бокамъ стояли большіе сараи наполненные хлѣбомъ и сѣномъ. Противъ риги были остатки когда то бывшей усадьбы и сада, сохранилась дорожка очень сладкаго мелкаго желтаго крыжовника и немного яблонь. Въ концѣ этого садика была саженая рощица высокихъ орѣховыхъ кустовъ, на этихъ кустахъ бывали особаго сорта орѣхи, продолговатые и крупные подъ названіемъ „каранскіе“, а сама рощица называлась „сажалка“. Орѣхи въ этой рощицѣ собирались горничными, бабъ въ нее не пускали и эти орѣхи сберегали отдѣльно.

Тетя по пріѣздѣ занималась съ помощью няни и моей кормилицы устройствомъ въ ригѣ удобнаго для насъ помѣщенія, туда приносили все привезенное изъ дома и провизію и вещи, а мать и отецъ въ сопровожденіи сторожа раздѣляли весь лѣсъ на части. Бабы съ большими мѣшками у пояса отправлялись собирать орѣхи. Онѣ должны были сначала обобрать первую отведенную имъ часть,—идти дальше безъ этого имъ не позволялось. Мы, конечно, съ нашими корзинами могли бѣгать по всему лѣсу и сажалкѣ куда намъ хотѣлось. Тутъ же рядомъ съ нами въ Борисловѣ жила семья небогатыхъ и малообразованныхъ помѣщиковъ Злобиныхъ, его звали Петръ Львовичъ, а жену Надежда Петровна, у нихъ были дѣти, наши ровесники, дочери Оля, Надя и сынъ Миша. Тетя бывало скажетъ. „идите къ Злобинымъ, возьмите съ собой ихъ дѣтей и собирайте вмѣстѣ орѣхи, пускай и онѣ себѣ ихъ наберутъ. Только въ сажалку ихъ не водите, туда можете ходить, когда останетесь одни безъ нихъ“.

Намъ идти за дѣтьми не хотѣлось, такъ какъ непріятно было уходить отъ лѣса, особенно отъ „сажалки“, высокіе прямые кусты въ которой сплошь были покрыты прозрачными почти гранками, изъ которыхъ выглядывали коричневые орѣшки, они бывали такъ спѣлы, что если сильно потрясти вѣтви, то орѣхи сами падали.

И вотъ мы вмѣсто того, чтобы идти самимъ къ Злобинымъ посылали за ними одну изъ моихъ молочныхъ сестеръ, дочерей моей кормилицы, ихъ было три: Анисья много старше меня, на ея попеченіе оставлялся ея братъ, „Ѳетиска“ какъ его звала кормилица, отъ

этого мальчика меня кормилица и кормила, онъ вѣроятно отъ ухода сестры дѣвочки и умеръ, что было очень тяжело перенести матери, такъ какъ она имѣла только одного сына, остальныя дѣти у ней были дѣвочки. Я удивляюсь, какъ могла она любить меня, когда кормленіе меня своимъ молокомъ ей стоило жизни ея единственнаго сына. Но на то было крѣпостное право, по произвольному выбору господъ брали изъ семьи кормилицу выкармливать барскаго ребенка, отнимали у дѣтей мать, у мужа жену и хозяйку дома на цѣлый слишкомъ годъ.

Мужъ видался съ женой очень рѣдко и то въ присутствіи няни. Дѣтей повидаться съ матерью тоже допускали не часто и на самый короткій срокъ. Правда черезъ годъ кормилица возвращалась домой съ большимъ запасомъ нарядовъ потому, что кромѣ поневы, фартуковъ, платковъ, рубашекъ и тѣхъ сарафановъ, которые она носила въ барскомъ домѣ, кормившей барскаго ребенка, дѣлали при отпускѣ двѣ шубы, одну крытую плисомъ, другую дубленую изъ овчинъ. Получала она и деньгами, не помню уже сколько, но только по тогдашнему времени немало; но конечно эти подарки и матеріальная помощь мужу, которому тоже во время отсутствія жены изъ дома давали разныя льготы, не могли вознаградить никого за тѣ нравственныя муки, которыя испытывала женщина, оторванная насильно отъ родной семьи. Вторая дочь кормилицы была Маша, хорошенькая, веселая живая дѣвочка, и послѣдняя дочь Груша, бывшая впослѣдствіи моей горничной, до самаго уничтоженія крѣпостного права. Мы съ ней жили очень дружно, и почти одновременно вышли замужъ. И вотъ этихъ маленькихъ дѣтей кормилицы посылали мы за дѣтьми Злобиными, а сами въ это время рвали орѣхи въ заповѣдной сажалкѣ. Съ приходомъ Злобиныхъ всѣ гурьбой шли собирать орѣхи до обѣда. Обѣдъ, приготовленный моей кормилицей мнѣ казался чрезвычайно вкуснымъ. Состоялъ онъ всегда изъ цыплятъ во всѣхъ видахъ и густыхъ сливокъ съ свѣжимъ творогомъ. Мать и отецъ уѣзжали въ Карцево, а мы съ дѣтей оставались ночевать въ Борисловѣ, тамъ была большая криница, какъ ее называли, осталась она, вѣроятно, отъ флигеля, который былъ раньше здѣсь. Въ этой „криницѣ“ было множество полокъ, на которыхъ стояли горшки съ молокомъ, что квасилось на сметану. Запасныя подушки всегда оставались въ Борисловѣ, такъ какъ отецъ во время сѣва и молотьбы жилъ здѣсь по недѣлѣ. Собранные орѣхи въ гранкахъ отвозились въ Карцево. И когда уже были собраны всѣ орѣхи, то лѣсъ освобождался отъ караула и бабы съ ребятишками собирали оставшіеся до глубокой осени. Въ Карцевѣ эти собранные

орѣхи, высыпались въ амбарахъ на полу; мѣшками и корзинами ихъ приносили въ домъ, гдѣ на разосланныхъ толстыхъ коноплянныхъ простыняхъ ихъ „шелушили“, т. е. лущили отъ гранокъ. Орѣховъ набиралось множество, изъ нихъ били масло, калили, въ особенныхъ небольшихъ кувшинчикахъ закапывали въ землю въ подвалѣ. Кувшинчики были съ крышечками, ихъ замазывали глиной и зимой иногда даже на Пасхѣ изъ этихъ кувшинчиковъ вынимали совершенно свѣжіе, какъ бы сейчасъ сорванные съ дерева орѣхи. Варили также зерна орѣховъ въ меду и сахарѣ. Изъ этой варки выходили очень вкусныя конфеты, которыя, чтобы подать на столъ, надо было колоть щипцами, какъ сахаръ. 21 августа бывалъ очень веселый праздникъ въ Любавѣ, въ этотъ день было рожденіе хозяйки Маріи Дмитріевны. Туда съѣзжались всѣ Селивановы и другіе знакомые и сосѣди помѣщики. У меня осталась въ памяти еще семья Лихаревыхъ изъ Орѣшкова, у нихъ были дѣти, наши сверстники. Въ Любавѣ намъ дѣтямъ всегда было весело, мы на свободѣ играли въ саду и въ паркѣ окружающемъ садъ. Въ этомъ лѣсу—меня поражали огромные столѣтніе дубы и липы,—казалось, что на такихъ деревьяхъ, вѣроятно, жилъ Соловей-разбойникъ и Илья Муромецъ. Въ саду было множество разныхъ плодовъ: яблонь, грушъ, цѣлая роща красныхъ, черныхъ и бѣлыхъ сливъ. Намъ, дѣтямъ, гостямъ и хозяевамъ, въ этомъ саду было полное раздолье. Насъ, дѣтей, иногда здѣсь оставляли погостить на два или три дня, и мы возвращались домой съ полными корзинами фруктовъ, которыхъ у насъ въ Карцевѣ не было. 30 августа мы ѣздили въ Негоможъ къ Александрѣ Николаевнѣ Чаплыгиной, очень богатой вдовѣ, имѣвшей землю и скотный дворъ въ Карцевѣ, гдѣ жилъ всегда только одинъ ея работникъ. Негоможъ,—это было замѣчательно красивое и богатое имѣніе на берегу Оки. Домъ былъ настоящій англійскій замокъ. Чаплыгиныхъ было раньше два брата, Арсеній Ивановичъ и Александръ Ивановичъ,—оба они были вѣроятно ненормальные люди и кончили оба трагически. У нихъ обоихъ была манія ревности. Александръ Ивановичъ имѣлъ красивую жену, которую заперъ въ своемъ родовомъ имѣніи Негоможѣ. Ревновалъ онъ ее ко всѣмъ безъ исключенія, даже къ мужской прислугѣ; въ его отсутствіе ни одинъ молодой лакей не смѣлъ войти въ комнаты, гдѣ находилась барыня. По временамъ онъ дѣлалъ роскошные пиры знакомымъ помѣщикамъ, и жена на этихъ пирахъ еле живая отъ страха должна была присутствовать какъ хозяйка. Гости зная ревнивый характеръ мужа, чтобы поддразнить его ухаживали за хорошенькой женой.

Но всѣ ихъ шутки мучительно отзывались на несчастной женщинѣ. По окончаніи пира, послѣ разъѣзда гостей, бѣдная женщина

переносила невыносимыя муки и нравственныя и физическія, она должна была повторить каждое слово сказанное ей кѣмъ либо изъ мужчинъ,—при этомъ Александръ Ивановичъ говорилъ ей саркастически: „забыли? не помните?—такъ я вамъ постараюсь напомнить“, при чемъ такъ сильно щипалъ ее, что послѣ допроса вся въ синякахъ и горючихъ слезахъ она уходила въ свою комнату, куда немного погодя являлся къ ней Александръ Ивановичъ, на колѣняхъ молилъ прощенія и осыпалъ ее страстными безумными ласками. У нихъ была двухъ лѣтъ дочка, которая была единственной радостью своей матери. За ней ходила кормилица, отъ которой дѣвочка недавно была отнята; эта женщина была единственнымъ другомъ своей барыни, такъ какъ Александръ Ивановичъ и съ женщинами интимно сближаться женѣ не позволялъ. Единственный человѣкъ между всѣми знакомыми Александра Ивановича пользовался его дружбой и бывалъ у него часто запросто, какъ свой человѣкъ, это былъ помѣщикъ Похвистневъ, но и онъ такъ же какъ и другіе, любилъ поддразнить Чаплыгина. Разъ лѣтомъ пріѣхалъ онъ въ Негоможъ, ему Чаплыгины очень обрадовались, долго гуляли, катались на лодкѣ по рѣкѣ. За обѣдомъ выпили порядочно и во время обѣда въ столовую вошла кормилица съ дѣвочкой. Александръ Ивановичъ, указывая на дочь, сказалъ: „смотри, другъ, неправда ли какъ моя дочка похожа на меня и по лицу, и по капризамъ, какъ говоритъ жена“. На это Похвистневъ со смѣхомъ отвѣчалъ: „ну, ужъ это твоя фантазія,—не знаю на кого она похожа характеромъ, но уже лицомъ то, совсѣмъ на тебя не похожа, а ужъ скорѣе на меня, на своего крестнаго“. Обѣдъ окончился весело, Александръ Ивановичъ приказалъ изъ погреба достать шампанскаго. Жена этому очень удивилась, но Александръ Ивановичъ сказалъ: „знаешь поговорку,—для милаго дружка и сережка изъ ушка, а Алеша (Похвистневъ) настоящій мой другъ и, почему то сталъ рѣдкимъ гостемъ, прежде онъ чаще ѣздилъ“. Весело роспили бутылку шампанскаго и отправились въ бесѣдку пить кофе.

Послѣ кофе Чаплыгинъ проводилъ Похвистнева отдохнуть въ приготовленную комнату, самъ вернулся въ бесѣдку въ страшномъ видѣ. Выхватилъ изъ рукъ кормилицы дѣвочку и тутъ же моментально задушилъ ее. Выхватилъ изъ кармана пистолетъ и убилъ наповалъ жену. На крикъ кормилицы прибѣжали слуги и Похвистневъ и застали страшную картину: мертваго ребенка въ объятіяхъ мертвой матери и мертваго Чаплыгина,—онъ тутъ же застрѣлился самъ. И такъ, въ одинъ часъ погибла вся семья. Все богатство Александра Ивановича досталось его брату Арсенію Ивановичу, женатому на Александрѣ Никола-

евнѣ, я ее уже помню вдовою, веселой, жизнерадостной, жила она роскошно и весело. На ней несчастная супружеская жизнь не оставила слѣдовъ, а жизнь ея замужемъ была ужасная,—пьяный, ревнивый мужъ страшно ее тиранилъ, она часто ночевала въ обметахъ соломы или въ стогахъ сѣна. Мужъ ея, умеръ, опившись вина. Александра Николаевна первое время послѣ смерти мужа года два никого, кромѣ монаховъ и поповъ, не принимала. Ѣздила по монастырямъ, построила въ своемъ имѣніи церковь, на освященіе которой созвала весь уѣздъ, сдѣлала предъ этимъ всѣмъ семейнымъ помѣщикамъ визиты и съ этого времени стала свѣтской, веселой женщиной. У ней было много уже взрослыхъ дѣтей и двѣ послѣднія дочери были наши сверстницы—Юлія и Надя—я съ ними была очень дружна. Проходило лѣто, наступала осень. 1-го октября былъ храмовой праздникъ въ Кошелевѣ, насъ туда по дурной погодѣ рѣдко брали. Послѣ этого праздника Селивановы и Кошелевскіе и Любавскіе уѣзжали мѣсяца на два или на три въ Москву. Любавскіе Селивановы, впрочемъ, при жизни старика Василія Павловича на долго уѣзжали рѣдко, большую часть зимы проводили въ деревнѣ. Съ 1852—53 года всѣ были заняты войной, сначала ожидали ее съ интересомъ, читали газеты, бранили англичанъ и французовъ, что они соединились съ турками противъ насъ русскихъ. Восхищались императоромъ Николаемъ Павловичемъ, за то что онъ не хотѣлъ идти ни на какія уступки и, еще помню, всѣ говорили, что нашъ императоръ ни за что не хотѣлъ признать равнымъ себѣ Наполеона III, и никогда не называлъ его императоромъ.

Помню, когда была объявлена война, мать со слезами читала намъ всѣмъ вслухъ манифестъ о войнѣ и при этомъ плакала. Всѣ были увѣрены, что мы будемъ побѣдителями. Мы дѣти учили разныя патріотическія пѣсни и стихи. Помню, что пѣвали подъ акомпаниментъ фортепіанъ такую пѣсенку:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ
„Воевода Пальмерстонъ
„Поражаетъ Русь на картѣ
„Указательнымъ перстомъ“...

и такъ далѣе въ томъ же юмористическомъ духѣ. Эта пѣсенка назначалась для англичанъ, а для французовъ пѣлась другая, начала не помню, но тамъ были слѣдующія строфы:

„Не нужны намъ стальныя перья,
„Покойный славный Валсъ Карлосъ

„Свое отъ трона отрѣченье
„Простымъ гусинымъ подписалъ.
„Не нужны намъ и черепашьи потроха,
„Въ волнахъ родимый Березины готова Вамъ и т. д.“.

Помню, что въ церкви послѣ каждой обѣдни служились молебны съ колѣнопреклоненіемъ. Во всѣхъ домахъ приготовляли корпію, этимъ занимались и большіе, и дѣти. Были рекрутскіе наборы, всѣ плакали, собирали уже въ каждомъ имѣніи пожилыхъ уже крестьянъ въ ратники. Осенью 1853-го года мать и отецъ рѣшили погостить на святкахъ въ Москвѣ и объявили мнѣ, что и меня возьмутъ съ собой. Я была въ восторгѣ отъ мысли, что увижу Москву, кремль; съ ноября уже начались разные сборы въ предполагаемой поѣздкѣ. Мать и отецъ рѣшили меня отдать въ Москвѣ въ пансіонъ, но они ни мнѣ, ни моей милой тетѣ Александрѣ Павловнѣ объ этомъ ничего не говорили, такъ какъ тетя меня страстно любила, и разлука со мной для нее должна была быть очень тяжела, они думали, что ея горе меня разстроитъ и хотѣли о своемъ рѣшеніи написать изъ Москвы. Рождество въ этотъ годъ мы встрѣтили такъ же какъ и всегда. На третій день праздника мы выѣхали изъ Карцева на своихъ лошадяхъ въ огромномъ возкѣ, со множествомъ запасовъ. Прощалась я со всѣми очень весело, такъ какъ была увѣрена, что ѣду не на долго, посмотрю на всѣ столичныя диковинки, о которыхъ много читала и скоро опять вернусь въ милое Карцево.

Такъ кончилось мое милое, тихое дѣтство въ деревнѣ, которое на всю жизнь осталось у меня въ памяти, какъ любовь моя къ моему родному уголку сохранилась у меня навсегда.

Анна Лелонгъ.

ВОСПОМИНАНІЯ А. К. ЛЕЛОНГЪ

II.

Юность, жизнь въ Москвѣ и мое воспитаніе.

Путешествіе въ Москву въ половинѣ 50-хъ годовъ было далеко не то что теперь.—На своихъ лошадяхъ приходилось ѣхать до Москвы около 3-хъ дней.—Выѣхали мы изъ Карцева 29-го Декабря и въ первый день доѣхали только до Коломны, остановились въ гостинницѣ, здѣсь послали за ямщикомъ, а нашего кучера съ лошадьми отправили обратно въ Карцево. Дорога до Коломны, помню, была очень пріятна, стоялъ небольшой морозъ, окна въ возкѣ были открыты и ѣхали почти до Коломны боромъ, который съ обѣихъ сторонъ окружалъ шоссе. Громадныя елки, покрытыя инеемъ, освѣщенныя солнцемъ, были какъ бы покрыты серебромъ и драгоцѣнными камнями. Лѣсъ имѣлъ чудный сказочный видъ, онъ мнѣ казался безконечнымъ, припоминались всѣ разсказы о разбойникахъ, которые по ночамъ грабили обозы въ этомъ самомъ лѣсу.

Къ Коломнѣ подъѣхали уже къ вечеру. Меня въ гостинницѣ, напоивши чаемъ, уложили спать. Утромъ разбудили очень рано, съ огнемъ пили чай и завтракали вкусными горячими коломенскими калачами. Явился ямщикъ, запрягъ своихъ лошадей въ нашъ возокъ и еще задолго до разсвѣта отправились въ путь. Ѣхать было холодно, скучно, кругомъ темно, окна закрыты, мнѣ хотѣлось спать, вспомнилась теплая постелька въ Карцевѣ, моя милая тетя, съ которой жила я въ одной комнатѣ, маленькой, теплой, уютной, освѣщенной лампадкой, горѣвшей на полочкѣ съ образами, и мнѣ страшно захотѣлось опять вернуться домой въ Карцево; съ этой думой я заснула; проснувшись, нашла

отца и мать, дремавшими по угламъ возка, старалась чѣмъ нибудь себя занять, нашла въ моей дорожной сумочкѣ книгу „Другъ дѣтей“ и очень ей обрадовалась. Ѣхали мы, какъ мнѣ казалось, очень долго, наконецъ, пріѣхали въ большое село Старники, гдѣ должны были кормить лошадей. Остановились на постояломъ дворѣ въ просторной теплой избѣ.

Намъ подали огромный самоваръ, ямщикъ принесъ изъ возка нашъ „погребецъ“, въ немъ была чайная посуда и баночка съ вареньемъ. Принесли также кулекъ съ провизіей, купленной въ Коломнѣ. Пробыли мы на постояломъ дворѣ часа 4, и поѣхали дальше. Въ сумерки пріѣхали въ село Островцы; это уже была послѣдняя остановка передъ Москвой. Въ этомъ селѣ всѣ жители были старообрядцы, или какъ сами говорили,—жили по старой вѣрѣ. Намъ отвели большую „горницу“ съ уговоромъ не курить табакъ; въ этой комнатѣ въ углу стояли большія старыя темныя иконы; по стѣнамъ висѣли старыя картины священнаго содержанія; въ комнатѣ пахло ладаномъ и какими то душистыми сухими травами; вездѣ было очень чисто и какъ то все проникнуто особымъ строгимъ благочестіемъ; здѣсь какъ то даже громко говорить не хотѣлось... Такое впечатлѣніе эта обстановка производила на меня. Спала я эту ночь очень мало: все думала о томъ, что наконецъ завтра увижу Москву, даже не вѣрилось, что настанетъ такое счастье, и я увижу Столицу, о которой такъ много читала и такъ давно мечтала.—Рано утромъ,—еще было темно,—намъ принесли самоваръ, который хозяева старообрядцы держали только для пріѣзжихъ постояльцевъ и сами чай не пили, считая чай такимъ же грѣховнымъ зельемъ, какъ и табакъ.—Помню, за чаемъ мать убѣждала старика хозяина, что чай пить не грѣхъ, и что въ Зарайскѣ, старики, живущіе строго по старой вѣрѣ, уже начали пить чай. Старикъ хозяинъ, съ длинной бѣлой бородой, напоминавшій мнѣ образы библейскихъ патріарховъ, отвѣчалъ матери, что очень можетъ быть и всѣ они будутъ пить чай, такъ какъ у чая и „духъ“ пріятный и отъ него ничего дурного въ человѣкѣ не остается, но „табачное зелье“,—отъ того всѣ внутренности становятся черными и на томъ свѣтѣ вся ихъ копоть видна будетъ, и горе имъ тогда отъ этого зелья будетъ.—Эти слова произнесены были грознымъ голосомъ, такъ что я мысленно благодарила Бога, что у насъ дома никто не куритъ табакъ.—Вошелъ ямщикъ и сказалъ, что сейчасъ будетъ запрягать. Въ комнату вошли двѣ прелестныя женщины, одна дочь старика, а другая жена его сына, обѣ были совершенно одинаково одѣты въ синіе „кубовые“ сарафаны и бѣлыя чистыя полотняныя рубашки, собственнаго издѣлія, они помо-

гли намъ уложить наши вещи въ возокъ; мать и отецъ ласково со всѣми простились, и мы на разсвѣтѣ отправились въ путь.—День былъ ясный, солнечный, морозный. Мать и отецъ разсматривали свои записки, толковали о томъ, что надо купить и у кого побывать въ Москвѣ, гдѣ зимой проживали многіе изъ нашихъ знакомыхъ помѣщиковъ. Ѣхали мы медленно, какъ мнѣ казалось, дорога была плохая, ухабистая.

И вотъ наконецъ, передъ заходомъ солнца, мать, сидѣвшая всю дорогу у окна въ возкѣ сказала намъ: „Вотъ и Москва видна“.—Я кинулась къ окну, забывая мой вѣчный страхъ передъ матерью, та посторонилась и я заняла все окно. Увидѣла множество крестовъ церквей, блестящихъ на солнцѣ, безконечное множество крышъ домовъ, все это занимало необъятное пространство до самаго горизонта. Мы, подъѣхавши къ заставѣ по Рязанскому шоссе, въѣзжали, кажется, въ Рогожскую заставу, тутъ мы остановились, отецъ далъ ямщику какую то бумагу, сказавши: „вотъ возьми подорожную, заплати, распишись“. Вынулъ изъ бумажника какую то ассигнацію и отдалъ тоже ямщику. Мы долго стояли у заставы, такъ какъ кромѣ насъ было очень много въѣзжающихъ въ городъ, а экипажи пропускали по очереди.—Въ самый городъ мы въѣхали, когда было уже почти совсѣмъ темно. Ямщику приказано было ѣхать на Басманную, въ Гороховъ переулокъ къ дому крестной матери Анны Васильевны Звягиной, жившей по зимамъ въ Москвѣ, для воспитанія своего единственнаго сына Коли. Съ нимъ я всегда была очень дружна, видаясь часто въ ихъ имѣніи Гремячевѣ, которое мной описано въ началѣ моихъ записокъ*), а также крестная съ сыномъ часто гостила у насъ въ Карцевѣ. Крестная моя, Анна Васильевна Звягина, урожденная Селиванова, была очень дружна съ моей матерью съ самаго дѣтства. Она осталась сиротой послѣ смерти матери совсѣмъ крошкой, двухъ лѣтъ. Вся ихъ семья жила постоянно въ Любовѣ, недалеко отъ Карцева, и молодыя дѣвушки, моя мать и крестная, почти постоянно были вмѣстѣ. Мать была старше Анны Васильевны, но это не мѣшало ихъ дружбѣ, такъ какъ крестная въ 12 лѣтъ смотрѣла совсѣмъ взрослой развитой дѣвицей; онѣ съ матерью были совершенно разнаго характера, часто спорили и побѣждала въ спорѣ всегда моя крестная. Съ матерью она была дружна и до брака, и послѣ; онѣ, кажется, и замужъ вышли въ одинъ годъ. Мою милую тетю, Александру Павловну, Анна Васильевна цѣнила и любила безконечно, я помню, что она говорила о ней такъ: „по-

*) Русскій Архивъ, 1913 г., II, стр. 52.

добной женщины, какъ твоя сестра, нѣтъ другой на свѣтѣ; ты самый счастливый человѣкъ, Людмила, имѣя около себя такое сокровище, вѣдь у нее все только для васъ, и никогда она ничего не желаетъ для себя. Она вся любовь, кротость и доброта".—Семья Звягиныхъ въ моихъ воспоминаніяхъ очень близка къ моей семьѣ. И вотъ, въ сумерки зимняго дня мы подъѣхали къ собственному дому Анны Васильевны Звягиной, находившемуся, какъ я сказала выше, на Старой Басманной улицѣ, въ Гороховомъ переулкѣ, недалеко отъ церкви Никиты Мученика. Намъ отворилъ ворота Гремячевскій Василій, который здѣсь былъ и кучеромъ, и дворникомъ вмѣстѣ. Лицо его засіяло веселой улыбкой при видѣ деревенскихъ знакомыхъ.—Насъ здѣсь уже ждали, такъ какъ мать и отецъ писали, что наконецъ собрались исполнить свое давнишнее обѣщаніе, погостить у крестной въ Москвѣ.

Встрѣча была самая радушная, радостная. Насъ провели въ прекрасную большую уютную комнату, которую всегда, когда пріѣзжалъ, занималъ мужъ моей крестной Николай Ипполитовичъ Звягинъ на этотъ годъ онъ на Святкахъ почему-то не могъ пріѣхать, у него были какія то дѣла въ деревнѣ.—Въ эту комнату внесли наши вещи и крестная просила устраиваться, какъ дома. Коля прибѣжалъ сюда же съ нами. Онъ тормошилъ и поворачивалъ меня во всѣ стороны. Я, въ моихъ теплыхъ мѣховыхъ сапогахъ, въ капорѣ съ мѣховой опушкой, закутанная поверхъ шубы сѣрымъ платкомъ, казалась ему очень забавной. „Смотри мама,—кричалъ онъ,—на что она похожа, вѣдь она настоящая эскимоска!—прелесть, какъ похожа, хоть сейчасъ ее покажемъ, какъ живую картинку". Мнѣ было и стыдно, и весело, я чувствовала, что Коля мнѣ радъ и что мнѣ съ нимъ въ Москвѣ будетъ такъ же весело, какъ и въ деревнѣ.—„Оставь ты Анюту въ покоѣ, успѣете еще наговориться вдоволь, а теперь поди и скажи, чтобы скорѣе въ столовой готовили самоваръ и несли, что есть, покушать нашимъ дорогимъ гостямъ."—Съ меня сняли мои дорожныя одежды, на ноги я надѣла кожанныя ботинки, въ которыхъ едва могла ходить по паркету. Все въ домѣ крестной поражало меня невиданной до этого городской обстановкой, которая у Звягиныхъ хотя и была очень скромная, но все же совсѣмъ не похожая на то, что я привыкла видѣть въ деревенскихъ домахъ.

Все поражало меня, и кружевныя шторы, которыхъ я тогда въ деревнѣ еще не видала, и мебель обитая трипомъ, а, главное, паркетный полъ, состоящій изъ красивыхъ кусочковъ, блестящій и скользкій какъ ледъ, по которому мнѣ было очень трудно идти въ моихъ новыхъ „козловыхъ"

ботинкахъ. Въ столовой, куда мы пришли, кромѣ Коли и крестной сидѣли за столомъ Алефтина Васильевна, воспитанница Звягиныхъ. о которой я говорила раньше въ моихъ запискахъ, она только что вышла замужъ за студента шведа Бьерклюндъ, который пріѣхалъ изъ Гельсингфорса въ Россію для изученія Русскаго языка, жилъ на квартирѣ у Звягиныхъ. По окончаніи изученія Русскаго языка (на которомъ онъ и до конца жизни говорилъ довольно плохо), поступилъ въ Московскій Университетъ, на медицинскій факультетъ.—Женился на Алефтинѣ Васильевнѣ Исаковой, и больше уже на родину въ Финляндію не возвращался.—Рядомъ съ Бьерклюндъ сидѣлъ учитель Коли (въ это время уже репетиторъ, такъ какъ Коля учился во 2-й Классической гимназіи; тогда реальныхъ училищъ не было), этого учителя мы всѣ знали раньше въ Гремячевѣ, онъ былъ сынъ смотрителя Зарайскаго Городского Училища, звали его Иванъ Николаевичъ Екимецкій. Его крестная очень любила и считала настоящимъ своимъ другомъ; послѣ, много лѣтъ спустя, я слышала отъ Маріи Дмитріевны Селивановой, что между Екимецкимъ и крестной было нѣчто, гораздо болѣе сердечное, чѣмъ дружба, но думаю, что это была фантазія Маріи Дмитріевны, которая во всѣхъ отношеніяхъ видѣла романы и любовь.

Екимецкій былъ уже на 5-мъ курсѣ медицинскаго факультета и было рѣшено, что въ Мартѣ онъ, получивши званіе врача, уѣдетъ въ дѣйствующую армію въ Крымъ.—Около Коли сидѣли его товарищи, мальчики приблизительно его лѣтъ. Эти мальчики были знакомые лично Колины, такъ какъ крестная съ ихъ семействами не была знакома, да и, кажется, они были нездѣшніе, не Московскіе, кромѣ одного Юркинскаго, товарища Коли по гимназіи, блѣднаго болѣзненнаго юноши, изъ очень бѣдной семьи. Два же другихъ мальчика были одинъ изъ Межевого Института, Витя Горскій, другой кадетъ, Женя Марковъ. Коля своимъ друзьямъ рекомендовалъ меня такъ: „Вотъ познакомтесь съ новымъ нашимъ товарищемъ, Ниночкой (Коля звалъ меня Ниной, какъ меня звали дома и всѣ наши знакомые, одна крестная не звала меня такъ, а звала Анютой), она хотя и дѣвочка,—продолжалъ Коля,—но будетъ настоящимъ товарищемъ, и во всѣхъ нашихъ дѣлахъ будетъ намъ полезна. Теперь она настоящая дикарка, пріѣхавшая съ Алеутскихъ острововъ. Мы должны будемъ познакомить ее со всѣми Московскими диковинками и показать ей все, что есть здѣсь замѣчательнаго“.

Мальчики на Колину рѣчь ничего на отвѣтили, а смотрѣли на меня какъ на дѣйствительную дикарку съ Алеутскихъ острововъ.—

Послѣ чая Коля непремѣнно хотѣлъ меня прокатить по Москвѣ. „Позволь, мама, запречь лошадь и мы поѣдемъ съ Ниночкой куда нибудь, вѣдь она никогда не видала освѣщенныхъ улицъ ночью“. „Я очень рада, что ты хочешь повеселить Анюту; я думаю ты, Людмила, позволишь ей эту прогулку“. Мать сказала, что она совершенно отказывается руководить мною и отдаетъ меня совсѣмъ на попеченіе крестной.— „Но только ты поѣдешь одинъ съ Анютой, а мальчики останутся на этотъ разъ дома, съ вами поѣдетъ Анисья (старшая прислуга и экономка въ домѣ крестной), такъ какъ Анюта первый разъ въ городѣ, и я ее одну съ дѣтьми не пущу“.

Лошадь скоро была запряжена, я опять надѣла мой капоръ, обшитый мѣхомъ, клѣчатую фланелевую шубку на сѣромъ мѣху и теплые мѣховые сапоги. Коля подвелъ меня къ большому зеркалу и сказалъ: „посмотри, на кого ты похожа.“ Я посмотрѣла на себя, и сама себѣ показалась такъ смѣшна, что со смѣхомъ отвѣчала: „мнѣ кажется, я похожа на чучело, что ставятъ лѣтомъ на огородахъ“.—Долго мы оба смѣялись и Коля сказалъ: „ну вотъ ты и молодецъ—хотя и чучело, а прехорошее. Ну, мать,—сказалъ онъ, обращаясь къ своей матери,—сегодня уже дѣлать нечего, она поѣдетъ такъ какъ есть, но завтра ты ей купи все, что надо, чтобы она была одѣта, какъ всѣ въ городѣ.“—Моя мать на это сказала, „да, мой другъ, завтра я тебѣ дамъ деньги и попрошу тебя обмундировать Нину, какъ нужно для города, вѣдь ей здѣсь придется все-таки долго прожить.“—Эти слова меня немного удивили, но я о нихъ скоро забыла, лошадь была готова и мы трое—я, Коля и Анисья—помчались по городу. На Тверскую къ „Трамблэ“ крикнулъ Коля,—объяснивъ мнѣ, что это первая кондитерская во всей Москвѣ. Со мной было 20 коп. денегъ, я привезла съ собою около рубля и считала себя очень богатой.—Видъ освѣщенныхъ улицъ и магазиновъ приводилъ меня въ неописанный восторгъ. Коля мнѣ что то толковалъ, но я ничего не слушала.—Тамъ я была прямо очарована всѣмъ, видѣннымъ мною, красота магазина-кондитерской—торты, бонбоньерки, коробки, конфеты, на все это у меня такъ разбѣжались глаза, что я долго не могла придти въ себя, наконецъ, мой выборъ палъ, по совѣту Анисьи, на коробочку „монпасье“. Коробочка была бѣлая бумажная, очень красивая на мои глаза, и конфеты въ видѣ крупнаго зеленаго винограда, совершенно прозрачныя и очень ароматичныя, имѣли запахъ ананаса, я теперь такого монпасье уже нигдѣ не вижу. Возвратившись домой, мы скоро поужинали и разошлись по своимъ комнатамъ.

Мать и отецъ помѣстились за ширмами, а мнѣ приготовили постель на диванѣ. Я, оставшись, наконецъ, совершенно одна, вспомнила

тетю, Настю, няню, мнѣ захотѣлось обо всемъ поговорить съ ними, все имъ разсказать. Съ матерью я не умѣла говорить, и ничего ей никогда не разсказывала, она въ нашемъ раннемъ дѣтствѣ не обращала на насъ никакого вниманія и ея любовь всецѣло принадлежала отцу, она знала, что о насъ есть кому заботиться.—И вотъ я, лежа на моемъ диванчикѣ въ Москвѣ, куда я такъ стремилась, вспомнила Карцево, вспомнила мою комнатку, наверху вмѣстѣ съ тетей,—какъ, думала я, ей грустно теперь смотрѣть на мою пустую кроватку.—А Настя,—какія у нее будутъ скучныя Святки безъ меня, вѣдь я, какъ старшая всегда придумывала всѣ игры, забавы, и мнѣ стало такъ скучно—до слезъ, и вспомнилась фраза матери,—почему это она сказала: „Ей, вѣдь придется здѣсь порядочно прожить“. Что это значило? Неужели мы уже такъ долго будемъ гостить здѣсь? Да, какъ видно, намъ здѣсь всѣ рады и, пожалуй, долго не пустятъ домой. Вотъ съ какими мыслями я заснула первую ночь въ Москвѣ, о которой я такъ долго мечтала.—На утро, проснувшись, я опять чувствовала себя счастливой мыслью, что я, наконецъ, въ Москвѣ. За чаемъ было рѣшено, что мы теперь же утромъ, поѣдемъ въ Кремль и мнѣ купятъ кое-что нужное для города. Вотъ я, съ крестной матерью и Колей отправились путешествовать по Москвѣ. Сначала, по настоянію Коли, заѣхали въ магазинъ готоваго платья, тамъ мнѣ купили шубку сѣраго сукна съ барашковымъ воротникомъ; фасонъ ея имѣлъ видъ солдатской шинели, съ такимъ же клапаномъ сзади, какъ бываетъ на военныхъ шинеляхъ. Назывались такія пальто „патріотками“—ихъ носили всѣ и дѣти, и взрослые во все время войны, другого фасона шубокъ на ватѣ въ магазинѣ почти не было, тутъ рядомъ мнѣ купили шапочку „боярку“, съ мѣховымъ околышемъ и бархатной сѣткой сзади, такія шапки тоже носили и дѣти, и взрослые, и на моей уже очень пожилой крестной была такая же шапка. Коля былъ очень доволенъ перемѣной моего костюма. „Ну, сказалъ онъ, слава Богу, ты стала такая же дѣвочка, какъ и всѣ другія въ Москвѣ“. Деревенскій же мой нарядъ уложили во взятую въ магазинѣ коробку, и Коля самъ запряталъ ее подъ козла саней, говоря: „Ну, шкурка Золушки, лежи здѣсь до пріѣзда въ Карцево“.—Изъ лавокъ мы поѣхали въ Кремль.

Крестная мать приказала кучеру ѣхать потише и указывала мнѣ на старинные историческіе памятники. У Иверской мы зашли въ часовню, приложились къ иконѣ Божіей Матери. Крестная была большая мастерица разсказывать и, такъ какъ она была страшная патріотка, все родное ей было дорого, то всѣ памятники старины она описывала намъ въ яркихъ живыхъ краскахъ,—передъ нами проходила вся Рус-

ская исторія. Около памятника Минина и Пожарскаго мы вышли изъ саней и крестная, смотря на нихъ со слезами на глазахъ, говорила: „Вотъ это настоящіе русскіе люди, теперь уже нѣтъ такихъ; опять идетъ война и опять льется наша Русская кровь за родину, извѣстія съ войны все печальнѣе день ото дня, а все отъ того, что тогда вся Матушка Русь была, какъ одинъ человѣкъ, все послѣднее отдавала за спасеніе родины; а теперь нѣтъ больше такихъ людей. Любите, дѣти, родину и молитесь теперь за нее, ваша дѣтская молитва скорѣе нашей грѣшной дойдетъ къ Богу". Она долго говорила намъ о томъ, что мы увидимъ въ Кремлѣ. Напомнила намъ исторію Св. Алексѣя, какъ его молитвой исцѣлена была жена татарскаго хана; что земля, на которой стоитъ монастырь, пожертвована ханомъ для постройки монастыря, который поэтому и названъ „Чудовымъ Монастыремъ", такъ какъ на этомъ мѣстѣ было чудо исцѣленія.—Говорила намъ про Филиппа Митрополита, который не боялся говорить правду Грозному Царю, и умеръ за эту правду мученической смертью. Мы подъ впечатлѣніемъ словъ дорогой моей крестной, молча въѣхали въ Кремль; я съ чувствомъ религіознаго и строгаго восторга вошла въ Успенскій Соборъ, никогда я этого чувства не забуду, и до сихъ поръ я съ такимъ же почти чувствомъ бываю всегда въ Кремлѣ.

Приложившись къ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, мы осматривали Царскія мѣста и всѣ другія достопримѣчательности храма.— Въ Архангельскомъ Соборѣ осматривали гробницы царей. Страшно и жутко показалось мнѣ въ придѣлѣ, гдѣ стоятъ гробницы Ивана Грознаго съ его сыновьями. Коля показалъ мнѣ маленькую гробницу Димитрія Царевича, обратилъ мое вниманіе на его дѣтское платьице, висящее сзади гробницы. Здѣсь мнѣ указывалъ Коля, мать шла молча, находясь въ печальномъ настроеніи духа; ей уже не хотѣлось говорить больше, и она сказала Колѣ: „пойди съ Анютой, покажи ей все, я посижу и отдохну немного".—Мы долго разсматривали гробницы; читали надписи, припоминали, что знали достопамятнаго изъ жизни умершихъ царей. Крестная отдохнула, и мы зашли на минуту въ Благовѣщенскій Соборъ, посмотрѣли на Царь-Колоколъ, на Царь-Пушку, но они на меня, послѣ всего видѣннаго, не произвели никакого впечатлѣнія.— На возвратномъ пути крестная была такая же веселая и добрая, какъ и всегда.

Мы заѣзжали въ булочныя, закупили пирожныя, и въ гастрономическомъ магазинѣ накупили разныхъ закусокъ; моя милая крестная была большая хлѣбосолка и любила всѣхъ покормить и побаловать,—

Пріѣхавши домой, Анисья сказала намъ, что мой отецъ и мать еще не возвращались; они сказали, что поѣдутъ къ Морсочниковымъ, которые зимой жили въ Москвѣ; имѣніе ихъ, село Татарское, было въ Михайловскомъ уѣздѣ, но они имѣли небольшое имѣніе и у насъ въ Карцевѣ, рядомъ съ имѣніимъ Мельгунова, которое онъ получилъ отъ ихъ же родной тетки, дѣвицы Рогозиной. Морсочниковымъ принадлежала другая часть этого имѣнія, доставшаяся имъ отъ тетки родной сестры Рогозиной.—Эта семья бывала у насъ въ Карцевѣ, и мы ѣздили къ нимъ въ Михайловскій уѣздъ.—Мать и отецъ были дружны съ ними. Насъ встрѣтилъ Иванъ Николаевичъ Екимецкій. Крестная мать сейчасъ стала ему передавать всѣ подробности нашего путешествія и прибавила въ концѣ разсказа: „я рада, что мнѣ самой пришлось показать Анютѣ самыя дорогія мѣста Москвы, я видѣла, какое хорошее впечатлѣніе произвелъ на нее Кремль. Я вижу, что дѣвочка такъ же будетъ любить родину и будетъ такая же православная Русская, какъ мы всѣ... Да вѣдь сегодня уже 30-е Декабря, идите скорѣе берите ложу, въ Большомъ театрѣ идетъ „Аскольдова Могила“... Вы ужо поѣдете съ мальчиками и Анютой, да заѣзжайте за Алефтиной, она съ Вами пріѣдетъ обѣдать къ намъ съ мужемъ, а вечеромъ, если захочетъ, можетъ быть, и въ театръ съ вами поѣдетъ.“

Милая дорогая крестная всегда была весела, окружена дѣтьми, молодежью, ея безконечная доброта во всѣхъ видѣла только одно хорошее. Если даже кто изъ ея любимцевъ дѣтей и юношей совершалъ какой нибудь неблаговидный поступокъ, она и тогда всегда находила какое нибудь оправданіе, и съ такими взглядами она жила до старости а въ концѣ жизни ея семья, ея дорогой единственный сынъ, а потомъ и она, всѣ трагически погибли отъ руки ею же спасеннаго отъ погибели юноши. Если мнѣ приведется довести мои записки до кончины моей дорогой крестной, то тогда я разскажу, какъ все это случилось, а теперь не хочется забѣгать такъ далеко впередъ. Пріѣхавши отъ Морсочниковыхъ, мать и отецъ говорили, что Елизавета Ивановна и барышни (ея дочери), Варинька, Оля и даже крошка Агнюша, всѣ упросили, чтобы меня привезли къ нимъ и чтобы я осталась гостить въ ихъ домѣ, на что мои родители изъявили свое согласіе. Крестная сказала, что все это можно будетъ уладить потомъ, а что теперь я еще едва успѣла пріѣхать, и Святки должна погостить у нее, и что ни она, ни Коля меня не отпустятъ. За обѣдомъ, къ которому пришли и Алефтина Васильевна съ мужемъ, все толковали о войнѣ, которая шла неудачно, бранили начальниковъ сожалѣли Государя, на котораго эта неудача такъ тяжело дѣйствуетъ, что онъ страшно из-

мѣнился, и наружно, и нравственно. Говорили о какихъ то страшныхъ предзнаменованіяхъ на предстоящій 1855-й годъ. Говорили о Закревскомъ, бывшемъ тогда Генералъ-Губернаторомъ въ Москвѣ, о его дочери Графинѣ Ростопчиной,—что она измѣнница, вся предалась интересамъ Тальмы,—что ведетъ развратную жизнь,—что отецъ безхарактерный и что дочь дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ,—что отъ отца и дочери много зла въ Россіи. Вездѣ, говорили—воровство, взяточничество, казну грабятъ со всѣхъ сторонъ.

Весь этотъ разговоръ крестная закончила словами: „Ахъ если бы я только могла добраться до Батюшки Царя, все бы ему разсказала, а то вѣдь около него все негодяи, враги Царства". Послѣ обѣда мы, дѣти, ушли въ комнату Коли и стали читать оперу „Аскольдова Могила", которую вечеромъ намъ предстояло видѣть въ театрѣ.—Въ половинѣ 7-го вечера насъ нарядили, я надѣла мое самое лучшее платье—розовое кисейное съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами, ноги мои были обуты въ тоненькія узорчатые чулки и прелестные новые прюнелевые ботинки, съ лакированными носками. Я помню тутъ же подумала, что моя милая тетя Александра Павловна пришла бы въ отчаяніе, что меня зимой такъ нарядили и въ одной шубкѣ повезли въ театръ. Мать сама не боялась холода, и всегда была противъ того, чтобы насъ кутали.—Привели намъ трехъ извозчиковъ и мы усѣлись такъ: я сѣла съ Алефтиной Васильевной, съ нами сѣлъ Женя Марковъ, на вторыхъ саняхъ Коля, Горской и Юркинскій. Впереди всѣхъ ѣхалъ Иванъ Николаевичъ съ мужемъ Алефтины Васильевны, Эргардомъ Карловичемъ Бьерклюндъ, у нихъ былъ и билетъ на ложу. На подъѣздѣ театра Иванъ Николаевичъ насъ встрѣтилъ, и мы всѣ торопливо стали подниматься наверхъ. Я была совершенно ошеломлена толпой, свѣтомъ, грандіозностью зданія и общимъ движеніемъ. Наконецъ, мы достигли нашего корридора, раздѣлись и вошли въ ложу. Насъ дѣтей посадили впередъ, я, Коля, Женя Марковъ и Юркинскій сѣли около барьера, а остальные помѣстились, уже не знаю какъ, сзади.

Все меня восхищало, и ложи съ нарядными людьми—и партеръ, гдѣ волновалось цѣлое море головъ всѣхъ возрастовъ,—все мнѣ казалось сказочно-прекраснымъ:—и свѣтъ какой-то особенно пріятный, и запахъ разныхъ духовъ. Коля далъ мнѣ бинокль и, указавъ на занавѣсъ, сказалъ, что туда надо смотрѣть, что тамъ будетъ идти представленіе. Въ бинокль я ничего не увидала и отдала его обратно; но вдругъ полились чудные, никогда мною не слыханные звуки музыки,—оркестръ игралъ увертюру передъ началомъ спектакля. Въ первую

минуту мнѣ стало какъ будто страшно, я испугалась,—но скоро пришла въ себя и съ наслажденіемъ стала слушать. При поднятіи занавѣса не было границъ моему восторгу и очарованію, я вся словно окаменѣла отъ изумленія и восхищенія. Вижу рѣку—и рѣка настоящая!—вижу волны, слышу плескъ воды отъ удара веселъ и т. д.—все настоящее, живое! Коля—что то мнѣ нашептывалъ объ игрѣ, объ авторахъ, называлъ имена, фамиліи, но я ничего не слушала, сидѣла, какъ заколдованная всѣмъ видѣннымъ.

Въ антрактахъ крестной было поручено насъ угощать разными лакомствами, пирожнымъ, закусками, но, несмотря на всѣ просьбы Алефтины Васильевны, ничего я не хотѣла ѣсть и ни за что не хотѣла встать съ своего мѣста. Пріѣхали домой по окончаніи спектакля, дома насъ ждали съ чаемъ и ужиномъ,—Коля разсказывалъ всѣмъ, какъ я была очарована всѣмъ видѣннымъ мною. Я же сама почти ничего не говорила, передъ моими глазами все еще какъ бы проходили видѣнныя мною чудеса и въ ушахъ звучали пѣніе и музыка; ночь я то же почти не спала, очень уже много новыхъ впечатлѣній захватило меня послѣ однообразной, тихой, спокойной деревенской жизни. 31-го, канунъ Новаго Года, мы провели дома, днемъ я съ Колей и мальчиками гуляла по Москвѣ, я уже съ ними совсѣмъ освоилась и подружилась, мнѣ въ ихъ обществѣ было весело и хорошо. Вечеромъ всѣ ходили ко всенощной въ церковь Никиты Мученика на Старой Басманной, тамъ у крестной былъ свой уголокъ, въ которомъ мы всегда съ ней стояли, это былъ первый разъ, какъ я была у службы въ городской церкви, слышала стройное пѣніе пѣвчихъ. Послѣ крестная мать всегда брала меня съ собою въ церковь къ ранней обѣднѣ въ праздники, и мнѣ теперь, когда бываю въ Москвѣ, хочется зайти въ церковь Никиты Мученика. Коля учился во второй гимназіи на Разгуляѣ, и мы съ нимъ послѣ всенощной пошли посмотрѣть, гдѣ онъ учится, ему хотѣлось показать мнѣ этотъ домъ; съ нами встрѣчалась масса катающихся на троечныхъ огромныхъ саняхъ. Изъ однихъ саней крикнули „мальчики какъ васъ зовутъ по имени?“ Коля имъ крикнулъ: „зимой Ѳомой, а лѣтомъ Филаретомъ“. Въ саняхъ раздался громкій смѣхъ, и мы смѣялись тоже всю дорогу. Дома за чаемъ вспоминали мать и крестная, какъ онѣ обѣ, бывши незамужемъ, весело проводили Новый Годъ въ Карцевѣ.—И мнѣ стало очень и очень грустно, что я этотъ день проведу безъ тети и Насти, такъ мнѣ стало ихъ жаль, что онѣ не съ нами здѣсь.

Въ 11 часовъ мы сѣли за ужинъ. Къ намъ съѣхались знакомые крестной, одинокіе бѣдные люди, живущіе своимъ трудомъ. Послѣ

ужина пили шеколадъ и въ 12 часовъ всѣ поздравляли другъ друга съ Новымъ, 1855, годомъ. Это былъ первый годъ, который я встрѣтила не во снѣ. Утромъ мы съ крестной и матерью ходили къ ранней обѣднѣ въ церковь Никиты Мученика. Утромъ часовъ съ 11-ти стали къ Звягинымъ пріѣзжать визитеры, ихъ принимали въ гостиной, къ намъ въ столовую и диванную приходили только наши знакомые. Между ними былъ докторъ Александръ Павловичъ Расцвѣтовъ, впослѣдствіи профессоръ, занимавшій довольно видное мѣсто въ Московскомъ университетѣ. Онъ былъ сынъ Дѣдиновскаго діакона, (это село Зарайскаго уѣзда находится въ 12-ти верстахъ отъ Карцева.) Онъ тутъ познакомился съ моими родителями, у нихъ оказалось много общихъ знакомыхъ. Расцвѣтовъ съ большой любовью и интересомъ разспрашивалъ о Зарайской жизни, меня ему также тутъ представили и онъ тутъ же прозвалъ меня „барышней-землячкой“, и впослѣдствіи, когда бы не пріѣзжалъ къ Звягинымъ, всегда ласково болталъ со мной. У Звягиныхъ онъ бывалъ часто, какъ знакомый и какъ ихъ постоянный докторъ, онъ лѣчилъ всѣхъ знакомыхъ крестной и былъ общимъ любимцемъ всѣхъ своихъ пацiэнтовъ. Въ диванной Анисья приготовила на диванѣ спокойную постель, положила пуховикъ, подушки и сказала, что скоро пріѣдетъ Наталья Николаевна Селиванова, двоюродная сестра крестной, родная сестра Алексѣя Николаевича Селиванова, старая дѣвица, другъ моей милой крестной и любимица всѣхъ другихъ Селивановыхъ. Она, несмотря на свое цѣломудренное дѣвство, страдала какой-то неисцѣлимой женской болѣзнью и, по совѣту врачей, всегда должна была находиться въ лежачемъ положеніи. Пріѣхавши къ Звягинымъ, она сейчасъ же улеглась на приготовленную постель. Видъ она имѣла очень полной и здоровой женщины, была всегда весела и добродушна. Мы дѣти ее очень любили, у нея было множество интересныхъ разсказовъ. Она, когда жила въ Москвѣ, всѣ праздники проводила у Звягиныхъ, иногда гащивала по нѣскольку дней, была большая мастерица на всѣ женскія изящныя работы, я съ удовольствіемъ впослѣдствіи выучилась у нея разнымъ рукодѣльямъ. Любила сидѣть на табуреточкѣ около ея постели, слушать ея разсказы и вязать, по ея указанію, разные поддоннички—коврики подъ лампы и подсвѣчники, вышивать по папьепосе разныя красивыя и ни на что ненужныя вещицы.

Какъ только она пріѣхала къ намъ, около нея усѣлся Александръ Павловичъ Расцвѣтовъ, ея постоянный докторъ, она съ восторгомъ поздравила его съ Новымъ годомъ и смотрѣла на него съ такимъ обожаніемъ, что даже меня дѣвочку это удивило, и передала ему свертокъ съ подаркомъ; онъ тутъ же развернулъ его,—это оказалась чудная

скатерть для гостинаго круглаго стола, связанная изъ дорогой берлинской шерсти по канвовымъ узорамъ. Кругомъ скатерти шла широкая кайма изъ цвѣтовъ и колосьевъ, исполненная такъ тонко и чисто, что имѣла видъ акварели,—фонъ былъ темно-сѣрый и яркія краски цвѣтовъ и колосьевъ рельефно на немъ выдѣлялись. Александръ Павловичъ вынесъ эту скатерть въ гостинную, откуда послышались восторженные отзывы и похвалы этой художественной работѣ. Наталья Николаевна была очень довольна фуроромъ, который произвелъ ея подарокъ. Она питала къ своему доктору самую восторженную платоническую любовь. Надъ этимъ ея чувствомъ любили пошутить и посмѣяться, особенно ея братецъ Алексѣй Николаевичъ, большой насмѣшникъ.—Обѣдали въ этотъ день поздно, часовъ въ 5. Крестная къ обѣду ждала всѣхъ своихъ братьевъ, которые въ эту зиму къ Святкамъ съѣхались въ Москву. У ея братьевъ, Павла Васильевича и Ильи Васильевича, были въ Москвѣ свои дома, а Василій Васильевичъ мѣсяца на два нанималъ въ Москвѣ квартиру.—Первыми пріѣхали къ обѣду Павелъ Васильевичъ съ Александрой Александровной. Моя милая Александра Александровна, наружность которой мнѣ всегда такъ нравилась, страшно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ея не видали, т. е. съ половины или начала Октября. Одѣта въ клѣчатую шелковую канаусовую съ чернымъ юбку и широкую бархатную кофточку, бѣлый большой вышитый гладью воротникъ былъ у ворота заколонъ пунсовымъ бантомъ изъ широкой ленты. Похудѣвшее лицо ея было покрыто свѣтло-коричневыми пятнами. Какъ всегда, увидя меня, ласково поговорила со мной, мнѣ было безконечно ее жаль. Поздравляя крестную съ новымъ годомъ, она заплакала. Крестная увела ее въ диванную и стала ее утѣшать, говоря: „милая Саша, молись нашимъ Московскимъ святымъ, Московскимъ чудотворцамъ, и будущій новорожденный твой ребенокъ принесетъ тебѣ радость и счастье“. „Боюсь я, боюсь, моя родная,—сказала Александра Александровна,—что и теперь родится такой же несчастный, какъ Валя съ Сережей.“

„Полно, Саша, успокойся, помни, что ты нужна и мужу и дѣтямъ, вѣдь вся твоя семья живетъ тобой, безъ тебя они всѣ пропадутъ.“ Помню, ей дала въ скляночкѣ чего-то понюхать, поцѣловала ее и они пошли опять въ гостинную. Пріѣхалъ Илья Васильевичъ съ дѣтьми, нашими сверстниками, сыномъ и дочерью. Соня была прехорошенькая бѣлокурая кудрявая дѣвочка, немного помоложе меня, Коля и Марковъ были очень дружны съ дѣтьми Селивановыхъ, особенно старались угодить Сонѣ. Митю Коля звалъ „иностранцемъ“, онъ, правда, мало былъ похожъ на нашихъ мальчиковъ—тоненькій, стройный, одѣтый

по послѣдней модной парижской картинкѣ. Семья Ильи Васильевича недавно только вернулась въ то время изъ-за границы, гдѣ Вѣра Фавстовна съ дѣтьми жила очень долго, съ ними былъ тамъ русскій учитель и русская прислуга. Вѣра Фавстовна уѣхала съ дѣтьми за границу, какъ я потомъ слышала, съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться къ мужу. Причиной тому была ревность. Вѣра Фавстовна страшно любила своего вѣтреннаго супруга, а онъ часто ей измѣнялъ и, наконецъ, она поймала его на мѣстѣ преступленія въ своемъ собственномъ домѣ, послѣ чего, забравши дѣтей, уѣхала за границу. Но моя крестная, любившая всѣхъ своихъ братьевъ, мучилась за нихъ, если въ чьей либо семьѣ было горе или ссора. И тутъ, благодаря ея вмѣшательству, супруги помирились. Анна Васильевна писала къ Вѣрѣ Фавстовнѣ за границу длинныя письма, оправдывая брата, умоляя жену простить мужу, писала, какъ страдаетъ Илья Васильевичъ въ разлукѣ съ семьей (кажется, это было не совсѣмъ вѣрно) и, наконецъ, ея хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Вѣра Фавстовна простила мужу и въ 1854 году осенью вернулась въ Москву, гдѣ Илья Васильевичъ занималъ очень видное мѣсто, кажется въ Уголовной Палатѣ (не знаю, навѣрно, было ли тогда такое учрежденіе и дѣйствительно ли оно носило такое названіе).

Между нимъ и его братьями было очень мало общаго: Илья Васильевичъ, свѣтскій, чиновникъ высшаго полета, тогда какъ братья его были настоящіе русскіе помѣщики, любившіе деревню во всѣхъ ея видахъ. Пріѣхалъ вскорѣ и Василій Васильевичъ одинъ, сказавши: „я къ вамъ прямо съ визитовъ, не сталъ ждать Машу, она собирается тоже скоро пріѣхать“.—„Ну, она скоро то не соберется, я знаю ея сборы,—сказала крестная,—мы подождемъ, а пока пойдемъ закусить до ея пріѣзда“. Закуска уже была подана въ столовой, гдѣ былъ накрытъ и столъ для обѣда. Закуска состояла изъ деревенской замаринованной и заливной птицы, сыра печеночнаго и маринованныхъ бѣлыхъ грибовъ, которые замѣчательно вкусно приготовлялись въ Гремячевѣ. Всѣ ихъ очень хвалили, особенно Илья Васильевичъ, постоянный житель столицы. Наконецъ, пріѣхала и Марія Дмитріевна. Она, какъ бабочка, влетѣла въ гостиную, нарядная, въ какомъ то свѣтло голубомъ платьѣ, обшитомъ кружевами, рюшемъ, съ полуоткрытымъ лифомъ, съ жемчугомъ на шеѣ и брилліантами въ ушахъ, кинулась всѣхъ цѣловать, поздравлять, извинялась, что заставила всѣхъ себя ждать, говорила какъ она торопилась, спѣшила. „Успокойся Маша, перестань суетиться, ты всѣхъ насъ затормошила. Ну теперь можно и къ столу идти, всѣ собрались мои родные, милые! Пойдемте,—супъ на столѣ.“ Обѣдъ былъ вкусный,

жирный, настоящій русскій барскій, были и гуси заливные, и индѣйки, откормленные орѣхами, и т. д. На столѣ стояло множество бутылокъ съ разными наливками. Передъ пирожнымъ была откупорена бутылка шампанскаго, пили за здоровье отсутствующихъ, за мою милую тетю, за Василія Павловича, моего крестнаго отца, за сидящихъ за столомъ Селивановыхъ, за Николая Ипполитовича Звягина и за отсутствующую Вѣру Фавстовну. Пожелавши ей здоровья, крестная прибавила: „Я рада, что она не пріѣхала на мой обѣдъ, она привыкла къ французской кухнѣ и моя старинная русская стряпня ей была бы не по вкусу, да пожалуй и вредна".

За обѣдомъ говорили, что эти Святки печальныя, никакихъ удовольствій кромѣ театровъ нѣтъ, да и съ театра войны извѣстія идутъ одно печальнѣе другого. Илья Васильевичъ, помню, сказалъ такъ: „Ну, сами заварили кашу, теперь за свое самодурство и приходится ее расхлебывать".—Боже мой, что сталось съ моей крестной! Она вся красная, взволнованная, разсерженная, кинулась на брата: „Перестань богохульствовать, Илья, я не могу слышать, когда ты такъ говоришь;—эта война святая, идейная война; мы, славяне, стоимъ за своихъ единоплеменниковъ. Помоги, Господи, нашему Батюшкѣ Царю".—„Да вѣдь и въ 48-мъ году тоже была идейная война, когда мы съ австрійцами вмѣстѣ колотили славянъ. Идея идеѣ рознь". Тутъ уже крестная совсѣмъ вышла изъ себя и сказала: „Если ты, Илья, не замолчишь, то я сейчасъ выйду изъ за стола". —„Ну, перестань волноваться,—сказалъ Илья Васильевичъ,—вся наша болтовня пустяки, мы, переживающіе настоящія событія, вѣрно о нихъ судить не можемъ, въ будущемъ все намъ покажетъ исторія. А вотъ, что важно: Закревскій недавно вернулся изъ Петербурга и привезъ опять печальныя извѣстія. Государь очень измѣнился, находится постоянно въ мрачномъ угнетенномъ состояніи духа, почти никого не принимаетъ."—„Ахъ, Боже мой, какъ все это ужасно,—вскричала Марія Дмитріевна,—я обожаю нашего Государя и Государыню. Онъ часто бывалъ у насъ въ институтѣ, у меня хранится кусочекъ отъ его перчатки, которую онъ оставилъ намъ—мы изрѣзали ее на маленькіе кусочки—я берегу этотъ кусочекъ какъ святыню; и Великіе князья!—я ихъ обожаю, особенно Константина Николаевича: онъ такой красавчикъ, былъ онъ мнѣ ровесникъ по годамъ. Ахъ, эта противная, гадкая война! такъ она огорчаетъ Государя: я каждый день теперь особенно молюсь за него".—Обѣдъ кончился. Послѣ обѣда всѣ пошли пить кофе въ диванную, гдѣ лежала Наталья Николаевна. Она была очень довольна, что всѣ опять собрались около нея. Вскорѣ Илья Васильевичъ съ дѣтьми уѣхалъ домой. Уѣзжая, онъ просилъ крестную,

чтобы она отпустила свою молодежь на слѣдующій день утромъ къ нимъ, потому что Вѣра Фавстовна для всѣхъ дѣтей взяла ложу на утренній спектакль, идетъ опера „Жизнь за Царя“. Илья Васильевичъ обратился и къ моей матери, прося ее и меня отпустить съ дѣтьми къ нимъ. Соня тоже стала просить, чтобы меня отпустили къ ней. Моя мать отвѣтила, что она передаетъ всѣ права на меня крестной, и что та навѣрное отпуститъ меня съ удовольствіемъ и тутъ же было рѣшено, что мы всѣ, дѣти, завтра съ утра пойдемъ къ Селивановымъ и проведемъ тамъ цѣлый день.—Вечеромъ пріѣхала вся семья Морсочниковыхъ. Самъ отецъ Дмитрій Петровичъ, ветеранъ 12-го года (онъ юношей, 16-ти лѣтъ, потерялъ подъ Бородинымъ ногу) былъ еще бодрый красивый старикъ съ нафабренными усами, веселый, любившій молодежь, любилъ пошутить и посмѣяться съ нами дѣтьми; жена его Елизавета Ивановна, сверстница моей матери, такъ же, какъ и моя мать, любила поэзію и вообще была очень сантиментальна и нѣжна со всѣми. Такой она бывала въ обществѣ, но дома съ крѣпостными слугами была настоящей мегерой и мало чѣмъ уступала Простаковой изъ комедіи „Недоросль“ Фонъ-Визина. Дѣти ихъ, Варвара Дмитріевна, красавица, взрослая дѣвушка невѣста, которую родители всѣми силами старались выдать замужъ, (для этой цѣли они по зимамъ и въ Москву переѣзжали), вторая дочь Оля, прелестная 17-ти лѣтняя дѣвочка, моя большая пріятельница, несмотря на разницу лѣтъ, была веселая, умная; родители держали ее, какъ подростка и уменьшали ей года.—Съ ними былъ еще сынъ, взрослый кадетъ, Дмитрій, который въ этомъ году въ Мартѣ долженъ былъ быть произведенъ въ офицеры и идти на войну.

Въ этотъ вечеръ я узнала, что останусь въ Москвѣ и домой съ отцомъ и матерью не поѣду. Сначала мнѣ это сообщила Оля Морсочникова, думая, что мнѣ это извѣстно. Я расплакалась. Оля стала меня утѣшать, говоря, что зима пройдетъ незамѣтно, а весной мы вмѣстѣ поѣдемъ въ деревню. Когда меня увидала крестная и узнала, о чемъ я заплакала, разсердилась на мать, зачѣмъ такъ долго скрывали отъ меня, что я останусь учиться въ Москвѣ, и сказала:—„вѣдь я и не подозрѣвала, что Анютѣ не сказали что она останется здѣсь. а то бы я давно ей объ этомъ сказала. Мнѣ очень жаль Александру Павловну, ей ваше молчанье принесетъ гораздо больше горя, чѣмъ разлука съ Анютой. Она такъ умна, что вполнѣ бы поняла, что дѣвочкѣ учиться надо, а что вы рѣшили это давно, не посовѣтовавшись съ ней, ей очень, конечно, будетъ обидно; ты сама знаешь, что она для твоихъ дѣтей, вѣдь она имъ ближе, чѣмъ ты. Надо какъ нибудь придумать,

чтобы она не страдала отъ вашей скрытности. Да, вотъ что,—скажите ей, что вы и не думали оставлять здѣсь Анюту, а что это я васъ уговорила и вы меня послушали. Да я сама ей все это напишу съ вами".

На другой день утромъ, часовъ въ 10, насъ всѣхъ, т. е. Колю, меня, Маркова, Горского и Юркинскаго отправили къ Ильѣ Васильевичу Селиванову. Онъ съ семьей жилъ въ собственномъ домѣ на Цвѣтномъ бульварѣ. Вся ихъ обстановка поразила меня своимъ великолѣпіемъ, такой она мнѣ, деревенской дикаркѣ, показалась. Стѣны были почти во всѣхъ комнатахъ обиты трипомъ въ рамкахъ, окруженныхъ бронзовыми бордюрами, а остальныя части стѣнъ за этой рамкой были выкрашены масляной краской, которая въ то время еще рѣдко употреблялась для окрашиванія стѣнъ. Потолки были украшены затѣйливыми лѣпными каймами и углами, въ залѣ и гостиной висѣли громадныя люстры, съ хрустальными подвѣсками. Насъ встрѣтили Соня и Митя, очень намъ обрадовались и повели къ своей матери, въ ея кабинетъ. Мать ихъ, Вѣра Фавстовна, была маленькая, худенькая женщина, съ желтовато-блѣднымъ лицомъ; миніатюрныя черты ея лица сохранили признаки увядшей красоты. Потомъ я узнала, гораздо, конечно, позднѣе, что Вѣра Фавстовна, послѣ рожденія Сони, страдала какой то неизлѣчимой женской болѣзнью и не могла имѣть больше дѣтей, что и было, кажется, причиной частыхъ семейныхъ ссоръ.

Въ кабинетѣ Вѣра Фавстовна была не одна, съ ней былъ ея братъ Дмитрій Фавстовичъ. Оба, видимо, насъ ждали и, поговоривши съ нами о нашихъ родныхъ, приказали запрячь карету, и съ Дмитріемъ Фавстовичемъ отправили насъ въ Большой Театръ на утренній спектакль; шла опера „Жизнь за Царя."—Въ театрѣ было множество дѣтей, цѣлые ряды ложъ занимали институтки и кадеты. Я была поглощена всѣмъ, происходившимъ на сценѣ, мнѣ въ антрактахъ не хотѣлось ни ѣсть, ни болтать, какъ это дѣлали мои товарищи, привыкшіе уже къ такимъ, невиданнымъ мною удовольствіямъ. Мнѣ все видѣнное на сценѣ казалось дѣйствительностью. Коля смѣялся надо мной, говоря: „Оставьте ее, ея тутъ нѣтъ, тутъ только осталось ея бренная оболочка, а душа ея водворилась въ избѣ Сусанина и т. д.", но я ни на что не обращала вниманія, мнѣ было досадно, что Коля все смѣялся и болталъ. Помню, въ антрактахъ пѣли гимнъ „Боже Царя храни," всѣ его слушали, стоя, и, такъ какъ въ то время—по случаю войны—патріотическія чувства были сильно возбуждены, то гимнъ, по желанію публики, повторялся много разъ, многія женщины въ ложахъ плакали отъ умиленія.

По окончаніи спектакля, я была поражена дневнымъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; сидя въ театрѣ, я забыла совершенно, что были въ театрѣ днемъ. У Селивановыхъ насъ ожидалъ завтракъ или обѣдъ, не помню хорошо, но только тамъ намъ подавали такія кушанья, которыхъ я раньше ни дома, ни у крестной, ни у кого изъ нашихъ деревенскихъ знакомыхъ не ѣла.. Несмотря на зиму, подавали зелень, и мнѣ всѣ эти странныя по виду блюда не понравились, кромѣ сладкаго пирога. У Селивановыхъ намъ было очень весело, мы играли въ разныя игры. Соня все время не разставалась со мной, и мы съ ней съ этого дня всѣ праздники были неразлучны, все время, пока я училась въ Москвѣ. А послѣ, взрослыми, мы уже не встрѣчались: наша жизнь шла разными дорогами, и я знала о моей милой Сонѣ только по слухамъ отъ нашихъ общихъ знакомыхъ и родныхъ. Пріѣхавши поздно домой, я нашла отца и мать занятыми укладкой послѣднихъ вещей въ дорогу, такъ какъ всѣ крупныя вещи и покупки были уже уложены въ возокъ. Мать мнѣ сказала, что рано утромъ они уѣзжаютъ домой въ Карцево, несмотря на просьбы крестной остаться еще у ней до конца Святокъ: отецъ мой почему то вспомнилъ, что 6-го, на Крещенье, онъ долженъ быть дома въ нашей приходской церкви, гдѣ онъ былъ церковнымъ старостой.—Часовъ въ 5 утра разбудили насъ, говоря:—ямщикъ привелъ лошадей и хочетъ запрягать. Къ намъ въ комнату принесли самоваръ. Мать съ отцомъ, помню, пили наскоро чай, одѣлись въ теплыя дорожныя платья, подошли ко мнѣ: я лежала, укутавшись одѣяломъ. Сначала подошелъ отецъ, перекрестилъ и поцѣловалъ меня. Это былъ его послѣдній поцѣлуй. Конечно, тогда ни онъ, ни я не думали, что мы больше уже не увидимся никогда въ этой жизни.

Мать тоже крестила меня, плакала, давала мнѣ разныя наставленія; просила меня быть откровенной во всемъ съ крестной матерью, которая въ ихъ отсутствіи будетъ ихъ мнѣ замѣнять, но я почти не слушала, что она мнѣ говорила, мнѣ было безконечно грустно, что мать и отецъ уѣзжаютъ безъ меня въ мое родное Карцево, къ моей дорогой тетѣ, къ Настѣ, къ нянѣ, однимъ словомъ, туда, гдѣ мнѣ все дорого и мило, а я останусь одна здѣсь съ чужими. Въ передней я слышала голосъ крестной, она встала ихъ проводить, заглянула ко мнѣ и, не сказавши ни слова, ушла.

Я, наплакавшись, уснула. Проснулась уже, когда всѣ встали. За чаемъ Коля замѣтилъ мои заплаканные глаза, началъ подшучивать и декламировать подходящія моему настроенію стихи; я опять расплака-

лась. Крестная на него разсердилась и сказала: „Будетъ тебѣ глупости болтать, лучше подумаемъ о дѣлѣ, сегодня надо „наряжаться," а то скоро Святки пройдутъ; я послала за Алефтиной, она помо́жетъ намъ устроить маскарадные костюмы. а вечеромъ и сама нарядится съ мужемъ, и они оба поѣдутъ ряженные съ вами. Въ первый день поѣдете къ Зацѣпинымъ, въ Межевой Институтъ (Зацѣпинъ былъ тамъ докторомъ), это отъ насъ самый ближайшій домъ: я пойду туда пораньше и предупрежу старика, я знаю что онъ вамъ будетъ радъ. А потомъ пускай Алефтина возитъ васъ, куда хочетъ". Послала крестная Анисью съ письмомъ къ Вѣрѣ Фавстовнѣ, прося ее отпустить съ нами рядиться Соню и Митю. Ихъ отпустили съ удовольствіемъ и предложили къ вечеру прислать своихъ лошадей для нашего путешествія по городу. Соня привезла себѣ прелестный костюмъ „Красной Шапочки," а Митя „Черкеса". Коля выбралъ себѣ костюмъ волшебника. Меня нарядили въ мундиръ Жени Маркова—кадетомъ, а онъ былъ наряженъ танцовщицей. Горской—„Мефистофелемъ." Юркинскій—монахиней. Алефтина Васильевна нарядилась во фракъ и цилиндръ; ей большого труда стоило надѣть мужской костюмъ, Анисья и крестная удивлялись, откуда у нея явился такой большой животъ, а ей осталось только два мѣсяца до рожденія дочери, но почему то и она и ея мужъ ото всѣхъ скрывали это обстоятельство. Вообще Алефтина Васильевна была большая чудачка и мечтательница и, вышедши замужъ, какъ я потомъ узнала, увѣрила всѣхъ, что ея бракъ платоническій и что они съ мужемъ живутъ, какъ братъ и сестра, а не такъ какъ обыкновенные супруги.

Мужъ Алефтины Васильевны, Эргардъ Карловичъ, былъ наряженъ туркомъ. Вечеромъ, часовъ въ 5, мы стали собираться: у всѣхъ насъ были черныя маски, какія надѣваютъ въ маскарадъ. Часовъ въ 6 мы уже были у Зацѣпиныхъ, плясали подъ гармонію, тамъ насъ угощали лакомствами. Самымъ большимъ удовольствіемъ была ѣзда на большихъ саняхъ, смѣху и веселью не было конца. Заѣзжали во многіе дома, совершенно мнѣ незнакомые. Помню въ одномъ домѣ насъ встрѣтили старики супруги; его называла Алефтина Васильевна „генералъ," онъ былъ въ восторгѣ отъ нашего посѣщенія, самъ игралъ на органѣ и приплясывалъ въ тактъ, а жена его, старушка, закормила насъ сладостями и навязала цѣлые узлы конфетъ, апельсиновъ и грушъ съ собой. Объѣхавши много домовъ, мы добрались до дому Ильи Васильевича, оставили тамъ Соню и Митю, а сами усталые, веселые вернулись домой. Мнѣ постель была приготовлена въ одной комнатѣ съ крестной.

На другой день за мной пріѣхала Оля Морсочникова и просила отпустить меня къ нимъ до вечера Крещенья съ тѣмъ, что тамъ мнѣ ихъ портниха Ѳеня скроитъ и сошьетъ форменное пансіонское платье, для чего крестная купила синюю шерстяную матерію, а также просила сшить и черный шерстяной передникъ. У Морсочниковыхъ съ Олей мнѣ всегда было хорошо, мы говорили про деревню, она бывала въ Карцевѣ и я у нихъ въ Татарскомъ, она мечтала, что когда я выросту, то на мнѣ женится ея братъ Митя; вернувшись съ войны, онъ не будетъ больше служить, а станетъ жить въ деревнѣ. Мать ихъ Елизавета Ивановна тоже часто, шутя, называла меня невѣстой. Всѣ эти разговоры и шутки сдѣлали то, что мнѣ было непріятно общество Мити Морсочникова, я чувствовала себя неловко при немъ, совсѣмъ не такъ хорошо и весело, какъ съ милыми товарищами мальчиками у Коли Звягина. Настало утро 5-го Января—сочельникъ. Всѣ Морсочниковы, т. е. барышни и Елизавета Ивановна, были большія постницы, до святой воды не пили чаю. 6-го мы всѣ, молодежь, подъ покровительствомъ Дмитрія Петровича отправились въ Кремль, смотрѣть крестный ходъ на воду. Старику Морсочникову. грудь котораго была украшена разными знаками отличія, съ деревянной подставкой вмѣсто ноги, всегда удавалось получить хорошія мѣста во всѣхъ многолюдныхъ собраніяхъ. Я, конечно, была поражена грандіозной картиной крестнаго хода. Кромѣ множества духовенства, изъ котораго многіе были въ митрахъ, шли войска и множество кадетъ въ однихъ мундирахъ, несмотря на крещенскій морозъ. Послѣ погруженія креста раздались залпы пушекъ; все это не то, что я видѣла раньше дома, молитвеннаго настроенія, конечно, у меня не было и почему то мнѣ вспомнилась тутъ-же наша маленькая деревенская церковь, нашъ крестный ходъ на крошечную рѣчку подъ сосновымъ лѣсомъ. покрытымъ иннеемъ и, несмотря на грохотъ пушекъ и на невиданное мною зрѣлище, мнѣ стало скучно: вспомнилась своя семья,—они всѣ вмѣстѣ, мать съ отцомъ уже дома, разсказываютъ о своей поѣздкѣ въ Москву; а я одна, и все, что меня окружало, было мнѣ чуждо. Вѣроятно усталость навѣяла на меня такое пессимистическое настроеніе, такъ какъ мы простояли здѣсь около 4-хъ часовъ. Послѣ обѣда за мной пріѣхала крестная. Мое форменное платье было готово. въ шитьѣ его почти всѣ принимали участіе, особенно хлопотала моя добрая красавица Варенька. старшая дочь Морсочниковыхъ. мы дѣти-подростки относились къ ней съ уваженіемъ и звали ее Варварой Дмитріевной. Послѣ чаю мы уѣхали домой. Коля и его товарищи только что откуда то вернулись и мнѣ, при видѣ ихъ. сразу стало хорошо и весело; стали въ послѣдній крещенскій вечеръ гадать. потомъ играли въ карты. Крестная рано приказала

подать ужинъ, такъ какъ всѣмъ на утро приходилось рано вставать и приниматься за занятія.

Утромъ, напившись со свѣчами чаю. меня нарядили въ форменное платье и передникъ. Этотъ нарядъ мнѣ очень понравился и въ началѣ 9-го крестная повезла меня въ пансіонъ „Дельсаль“, находившійся въ Посольскомъ переулкѣ, Нѣмецкой улицы, недалеко отъ Старо-Басманной улицы и дома Звягиныхъ.

Опредѣленіе мое въ пансіонъ уже было сдѣлано раньше моей матерью совмѣстно съ крестной. была уже внесена за меня плата 200 руб. серебромъ, какъ тогда говорили, или 700 рублей ассигнаціями. Кромѣ того требовалось 25 руб. на постель, т. е. на кровать, матрацъ и подушки, постельное бѣлье; 6 простынь и 6 наволокъ, тоже были переданы раньше, за нихъ. кажется, тоже уплатили деньги. Каждая пансіонерка, кромѣ этого, должна была привезти съ собой столовую и чайную ложку, чайную чашку и стаканъ. Эти вещи по выходѣ дѣвочки изъ пансіона намъ не выдавались и мы тамъ ими не пользовались, намъ къ столу никогда не подавали нашихъ. серебряныхъ ложекъ; мы ѣли какими то противными старыми оловянными ложками, также и чайныя чашки намъ давали не тѣ, которыя привозились съ собой. Домъ г-жи Дельсаль находился во дворѣ, былъ очень большой, старый, деревянный, имѣлъ очень мрачный видъ, по бокамъ его находились два небольшихъ флигеля болѣе новые и привлекательные, чѣмъ огромный старый домъ. Въ одномъ флигелѣ жила сама Марія Игнатьевна Дельсаль, пожилая дѣвица: а въ другомъ жила ея сестра Павла Игнатьевна, очень на мои глаза старая, сѣдая, она незадолго до моего поступленія вышла замужъ за совсѣмъ юнаго учителя Русскаго языка Перепелкина. Насъ съ крестной въ прихожей встрѣтилъ швейцаръ и лакей вмѣстѣ, высокій, неуклюжій и довольно грязно одѣтый. Узнавши, что привели новенькую. пошелъ объ этомъ доложить начальницѣ и скоро вернувшись провелъ насъ тутъ же изъ прихожей въ небольшую, нарядно убранную комнату, „пріемную“, какъ ее называли. Въ креслѣ за письменнымъ столомъ сидѣла Марія Игнатьевна Дельсаль, очень красивая, статная. высокая женщина съ прекрасными черными ласковыми глазами. Она очень любезно поздоровалась съ нами, немного поговоривши съ крестной, позвонила и приказала вошедшему слугѣ позвать воспитанницу г-жу Фриде.

Вскорѣ вошла высокая бѣлокурая почти совсѣмъ уже взрослая дѣвушка съ яркимъ красивымъ цвѣтомъ лица. Марія Игнатьевна обра-

тилась къ ней со словами: „Вотъ новенькая, Соловова. возьми ее пока подъ свое покровительство и познакомь ее съ наставницами и товарками и вообще со всѣми нашими порядками.“ Фриде мнѣ улыбнулась. взяла меня за руку и мы пошли въ залу, большую, длинную. мрачную и довольно грязную комнату; множество дѣвочекъ ходили по-парно. другія сидѣли на скамейкахъ: вся зала была уставлена длинными столами въ три ряда. Столы и скамейки были окрашены въ темный цвѣтъ. все было очень старое, запачканное чернилами и изрѣзано перочинными ножами. По всему было видно, что этотъ домъ давнымъ давно не видѣлъ никакого ремонта.

Скоро меня обступили дѣвочки. совсѣмъ затормошили меня своими разспросами: кто я, какъ меня зовутъ. въ какой классъ я поступила и т. д. Слова: „Привели новенькую. живущую!“ слышались во всей залѣ.—Пришли въ залъ крестная съ Маріей Игнатьевной и мы въ сопровожденіи классной дамы, Маріи Ивановны, сухой, высокой, довольно пожилой особы, отправились черезъ коридоръ наверхъ.—тамъ были спальни или, какъ ихъ у насъ называли. „дортуары.“

Комнаты были свѣтлыя, чисто убранныя, заставленныя множествомъ кроватей. по двѣ рядомъ. Въ концѣ комнаты стояла отдѣльно одна кровать для дежурной классной дамы. Мнѣ показали мою кровать и маленькій шкапчикъ-тумбочку, куда я могла убрать взятыя съ собой вещи.

Представили намъ няню нашей спальни. Настасью, очень милую, симпатичную женщину, любимицу всѣхъ дѣтей. Она спросила есть ли со мной чемоданъ или сундукъ, на это крестная ей отвѣтила, что, такъ какъ я каждую субботу буду ходить къ ней въ отпускъ. то со мной въ пансіонѣ кромѣ теплаго платья т. е. шубки, шапки, теплаго платка и постельнаго бѣлья ничего не будетъ. На это няня сказала, что она сейчасъ же пойдетъ въ прихожую и возьметъ все мнѣ принадлежащее наверхъ и уберетъ въ гардеробъ. Крестная сунула что-то нянѣ въ руку. прося заботиться обо мнѣ. „Не безпокойтесь, барыня. барышнѣ у насъ будетъ хорошо. мы объ нихъ заботимся какъ о своихъ дѣтяхъ.“ Я. проводивши. крестную осталась одна съ дѣтьми. мнѣ было очень и очень жутко.

Кто-то изъ дѣвочекъ повелъ меня показывать классы. Это были такія же мрачныя. скучныя, грязноватыя комнаты, какъ и зала: тамъ стояло множество столовъ-партъ, каждая для двухъ. Каждая парта

имѣла два ящика для книгъ и тетрадей съ отдѣльнымъ ключемъ. Это мнѣ понравилось. Въ этотъ день уроковъ не было, такъ какъ учителя не пришли и намъ въ залѣ дежурная классная дама читала что-то по французски, часто останавливаясь, и по очереди спрашивала у дѣтей о прочитанномъ.—Часа въ 2 насъ позвали обѣдать. Мы шли попарно; дежурная дѣвочка прочитала молитву, сѣли за столы. За нашимъ столомъ разливала супъ Павла Игнатьевна, сѣдая старушенка въ уборѣ съ голубыми лентами и свѣтло-голубомъ капотѣ. Подъ названіемъ супа намъ дали совсѣмъ жиденькій клюквенный кисель, въ которомъ плавали сухія корки лимона. Никто почти этого блюда не ѣлъ и прислуга ставила большія чашки, въ которыя сливали этотъ взваръ; вторымъ блюдомъ была чечевица, довольно густо сваренная и приправленная лукомъ и мелко нарѣзаннымъ ветчиннымъ саломъ, третье блюдо каша съ плохимъ масломъ или саломъ, не знаю.

Вообще кормили насъ отвратительно и, хотя въ то время никто никакого понятія не имѣлъ о „вегетаріанствѣ," но говядину мы за нашимъ столомъ видали не больше двухъ разъ въ недѣлю. Намъ постоянно давали разные венигреты изъ овощей съ едва замѣтнымъ количествомъ варенаго мяса, но за то, несмотря на зиму, зелень за нашимъ столомъ была въ изобиліи. Намъ часто давали зеленыя щи изъ щавеля, квашенаго вѣроятно, такъ какъ кислота щей была невозможная; давали и зеленый соусъ съ гренками чернаго хлѣба, такой же противный и кислый, какъ и щи, давали часто разварную фасоль, тушеную, шинкованную капусту съ ветчиннымъ саломъ и кожей отъ ветчины. Единственный обѣдъ, который мы любили, это былъ въ субботу,—намъ давали по куску пирога изъ булочнаго тѣста съ начинкой риса и жареный картофель съ солеными огурцами и хоть въ этотъ день было не три блюда, но только два, т. е. пирогъ и картофель, за третье считались соленые огурцы, по этотъ обѣдъ былъ съѣдобный, и мы его считали превосходнымъ, вкуснымъ обѣдомъ.

Въ половинѣ 6-го подали намъ чай. Время между обѣдомъ и чаемъ я провела съ дѣвочками товарками по спальнѣ. Чай намъ приносилъ на огромномъ подносѣ нашъ Василій швейцаръ: гдѣ наливали чай—не знаю, подносъ съ налитыми чашками намъ онъ несъ изъ коридора. Василій его держалъ высоко надъ головой. Всѣ дѣвочки (сначала приносили чай для старшихъ) кидались къ подносу, никакія приказанія классныхъ дамъ не дѣйствовали. Прежде чѣмъ подносъ попадалъ на столъ, половина чашекъ уже была разобрана. Чашки всѣ были одинаковыя бѣлыя, очень дешевыя. Куда дѣвали наши собственныя

чашки, которыя мы обязаны были привезти съ собой, не знаю. Чай намъ давали такъ: чашка была наполнена очень и очень жидкимъ мутнымъ чаемъ съ едва замѣтной сладостью отъ сахарнаго песка, на блюдечко подъ каждую чашку налито молоко очень жидкое и около чашки лежалъ кусочекъ булки (розанчикъ разрѣзанный пополамъ). Во время чая шла торговля молокомъ, булками и чаемъ; многія свое молоко мѣняли на чай, что сдѣлала и я, такъ какъ мнѣ было противно пить молоко съ блюдечка, въ которомъ стояла чашка, мнѣ это молоко казалось грязнымъ. Кусочки хлѣба многія дѣвочки, имѣвшія свои запасы въ изобиліи, отдавали неимѣвшимъ этихъ запасовъ за разныя услуги, чаще просто по дружбѣ, сожалѣя тѣхъ, у кого не было своихъ булокъ.

Между чаемъ и ужиномъ готовили уроки или болтали между собою. Особенно было пріятно забраться потихоньку въ неосвѣщенный классъ и тамъ, усѣвшись кучкой, разсказывать другъ другу страшные разсказы о привидѣніяхъ, домовыхъ, колдунахъ и т. д., а, главное, было пріятно поговорить по русски, что очень строго преслѣдовалось. Каждой дѣвочкѣ, уличенной въ разговорѣ на русскомъ языкѣ, давался красный жестяной языкъ изъ кармана, такъ продолжалось съ утра до обѣда; за обѣдомъ та несчастная, у которой оказывался языкъ должна была стоять за столомъ и не получала послѣдняго блюда, а вечеромъ тѣ, которыя имѣли билетъ къ ужину, на другой день первый часъ въ классѣ должны сидѣть безъ передника. Мы были такъ наивны, что не понимали того, что подлавливать потихоньку подругъ безнравственно. и всѣ силы употребляли на то, чтобы сбыть у кого былъ языкъ къ обѣду и ужину.—Послѣ ужина, за которымъ намъ давали одно блюдо. кашу или винегретъ, дежурная дѣвочка читала вечернюю молитву и мы. простившись съ начальствомъ, отправлялись наверхъ спать.

Помню, въ эту первую ночь въ пансіонѣ я долго не могла заснуть. мнѣ было очень тоскливо, все кругомъ меня было чужое, и самая обстановка, мрачная и строгая дисциплина, о которой я раньше не имѣла никакого понятія. наводили на меня какой-то тоскливый ужасъ. Мнѣ припомнились разсказы Диккенса, которые мать читала въ Карцевѣ въ длинные зимніе вечера, гдѣ описывались такія скучныя мрачныя школы и тоскливое состояніе поступившихъ туда дѣтей, и мнѣ казалось. что нашъ пансіонъ именно и есть такая же школа, какъ у Диккенса. Вспомнился и родной домъ и мое милое Карцево со всѣми его дорогими мнѣ обитателями и я, поплакавши, заснула къ утру.

Въ 7 часовъ звонокъ разбудилъ насъ, все засуетилось, закопошилось, няня торопила скорѣе вставать. Ко мнѣ, какъ къ новенькой, няня была очень ласкова и внимательна. Я взяла изъ моего шкафчика свой гребень, полотенце и пошла съ дѣвочками умываться. Расчесавши волосы, дѣвочки предложили мнѣ заплести косы, а я заплетала тѣмъ, которыя заплетали мнѣ. Наконецъ мы всѣ были готовы. Въ 8 часовъ звонокъ призвалъ насъ внизъ. Въ корридорѣ, внизу лѣстницы, насъ ожидали классныя дамы, мы становились по-парно и шли въ залъ. Дежурная читала молитвы. Послѣ этого намъ Василій несъ подносъ съ чаемъ въ томъ же видѣ, какъ и вечеромъ, что сопровождалось такой же шумной атакой, какъ и вечеромъ.—Послѣ чая меня ждала пріятная неожиданность: меня позвали въ пріемную къ Маріѣ Игнатьевнѣ и тамъ я увидала мою милую крестную, съ ней была высокая, сѣдая старуха въ огромномъ чепцѣ и букляхъ, и худенькая, смуглая дѣвочка почти моихъ лѣтъ. Старуха была Сидонія Петровна Григоровичъ, мать Дмитрія Васильевича, а дѣвочка его дочь, которую бабушка почему то взяла изъ Петербурга отъ родителей къ себѣ на воспитаніе и только наканунѣ пріѣхала изъ своего имѣнія и остановилась у Звягиныхъ, своихъ сосѣдей по имѣнію. Рѣшила она уже давно отдать свою внучку въ пансіонъ Дельсаль, который почему то былъ очень популяренъ между старинными помѣщиками. „Вотъ тебѣ и подруга“, сказала крестная поздоровавшись со мной, „ее также какъ и тебя зовутъ Анютой, вы обѣ новички здѣсь, и вамъ вдвоемъ будетъ веселѣе; а теперь идите въ залъ, скоро вѣрно и классы начнутся“. Меня кое-что спросили о томъ, что я учила дома и помѣстили въ первое отдѣленіе третьяго класса. У насъ въ пансіонѣ почему то было три класса, но каждый классъ имѣлъ два отдѣленія, такъ, чтобы окончить полный курсъ, надо было пробыть въ пансіонѣ 6 лѣтъ.

Въ нашемъ классѣ Русскій языкъ и ариѳметику преподавалъ мужъ Павлы Игнатьевны, совсѣмъ юный, съ крошечными усиками, въ учительскомъ мундирѣ. Онъ гдѣ то еще давалъ уроки, кажется въ гимназіи. Занимался онъ очень вяло и скучно; во время его уроковъ у насъ дежурила его супруга Павла Игнатьевна, такъ же, какъ и наканунѣ, одѣтая въ голубой капотъ и на головѣ имѣла наколку съ голубыми лентами; вся сѣдая сморщенная, по нашему взгляду она имѣла видъ не только матери, но даже бабушки юнаго нашего учителя Перепелкина. Учителемъ исторіи и географіи у насъ былъ Куцыбо, хохолъ; его дочь Настя, хорошенькая кудрявая дѣвочка—лѣтъ уже 15-ти, училась въ пансіонѣ въ одномъ со мной классѣ и одномъ отдѣленіи,

только она была приходящей, а не живущей; мы всѣ ее очень любили за ея кудрявые бѣлые волосы, имѣвшіе видъ пудренной прически маркизы; это была славная, добрая дѣвочка, часто, почти всегда, выручавшая насъ изъ бѣды съ несчастнымъ жестянымъ языкомъ передъ обѣдомъ, такъ какъ она съ нами не обѣдала. Ей, какъ всѣмъ приходящимъ, приносили обѣдъ изъ дому, и она обѣдала въ классѣ, а тѣ дѣвочки, которыя жили далеко, брали съ собой холодные обѣды, остатками которыхъ мы, живущія, часто угощались. Настя Куцыбо за выручку насъ съ языкомъ должна была выучивать небольшіе стихи по французски или разсказы, но никогда ничего не учила, премило и ласково извинялась, что у нея не было свободнаго времени и ее всегда прощали. Отецъ ея, нашъ учитель Куцыбо, былъ нашимъ любимцемъ; онъ былъ преподавателемъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и преподавалъ по собственнымъ запискамъ (въ старшихъ классахъ). Эти записки литографированныя крестная мать купила мнѣ черезъ Маркова въ кадетскомъ корпусѣ, и что то заплатила за нихъ очень дорого. Классы исторіи и географіи были нашими любимыми. Спрашивалъ онъ насъ рѣдко и только по учебнику, а самъ любилъ разсказывать разные историческіе анекдоты. Помню онъ не любилъ Екатерину Великую и всегда относился къ ней въ своихъ разсказахъ иронически, злобно, помню, говорилъ такъ: „Да великая была, получила титулъ Великой, дай Богъ, что бы вы мои милыя барышни не были похожи на эту Великую Государыню. Вотъ будете постарше, все сами узнаете. Умна она была, очень умна, со всѣми монархами сама вела переписку, со всѣми философами и мыслителями, сама литературой занималась, разныя нѣжныя комедіи пописывала съ пастухами да пастушками. Счастлива была очень, при ней, вы сами знаете, какой полководецъ былъ. Вотъ и Великой стала. Это я вамъ, мои милыя барышни, говорю, а моимъ кадетикамъ этого разсказывать не стану. Имъ этого говорить нельзя. А мнѣ ужъ очень на нее обидно, что нашу Малороссію закрѣпостила, до ней тамъ такихъ крѣпостныхъ, какъ здѣсь, въ вашихъ мѣстахъ, не было. Такъ то, мои дорогія барышни, умъ много значитъ въ человѣкѣ, но сердце дороже ума, и когда вы начнете жить самостоятельной разумной жизнью взрослыхъ людей, живите сердцемъ. Кроткое доброе женское сердце принесетъ больше счастья и радости, чѣмъ большой умъ. Помните, что вамъ это говорилъ старикъ Куцыба, который любитъ васъ и ждетъ отъ васъ много, много хорошаго.“

Уроки географіи у него мы тоже любили, какъ и уроки исторіи. Во время уроковъ географіи онъ намъ иногда читалъ или разсказывалъ отрывки изъ путешествій, подходящихъ къ тѣмъ мѣстамъ, о ко-

торыхъ мы учили въ нашихъ учебникахъ. Французскимъ языкомъ занималась у насъ сама Марія Игнатьевна, но ее часто замѣняли классныя дамы. Законъ Божій намъ преподавалъ священникъ, довольно пожилой, говорившій съ нами всегда высокимъ славянскимъ языкомъ, надъ чѣмъ дѣвочки часто потѣшались,—такъ, напримѣръ,—въ то время когда я училась, мы писали гусиными очиненными перьями, которыя покупались въ круглыхъ бумажныхъ пакетахъ, мы сами умѣли чинить эти перья или просили нашего учителя чистописанія и, перо много разъ очиненное, становилось корокимъ, и вотъ такое короткое перо и высокую бутылочку съ чернилами на днѣ мы ставили на учительскій столъ, стоящій на возвышеніи. Почему то на урокахъ Закона Божія классныя дамы отсутствовали. Вотъ приходитъ нашъ „батюшка", читаемъ молитву и онъ садится на свое мѣсто и изрѣкаетъ: „Опять кладезь глубокій, а черпала подходящаго не имѣется." Преподаваніе его было неинтересно,—мы должны были долбить наизусть пространный катехизисъ Филарета со всѣми длинными текстами и исторію церкви. Все это заучивалось безъ всякаго объясненія; ни одного слова, кромѣ заданнаго урока, мы отъ нашего батюшки никогда не слышали. Онъ почти всѣхъ ученицъ спрашивалъ, оставались неспрошенными только тѣ, для которыхъ не осталось уже времени во время урока. Баллы онъ ставилъ всегда хорошіе, какъ бы плохо мы урокъ ни знали. Учителемъ нѣмецкаго языка былъ старичекъ нѣмецъ, какъ говорили, родственникъ Дельсаль. Всегда чисто выбритый съ сѣдыми баками, шея всегда была повязана широкимъ бѣлымъ галстукомъ съ большимъ бантомъ, въ рукахъ всегда вертѣлъ золотую табакерку и ярко красный шелковый платокъ. Такъ какъ я по нѣмецки была очень плохо подготовлена, то онъ на меня смотрѣлъ какъ на безнадежную ученицу и рѣдко спрашивалъ.

Два раза въ недѣлю у насъ были танцклассы. Въ эти дни послѣ обѣда столы изъ залы убирались, мы надѣвали бѣлые передники и бѣлые прозрачные чулки, открытые башмаки съ переплетами изъ лентъ. Часовъ въ пять являлся учитель танцевъ изъ балета, старичекъ уже, со скрипкой, во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ, чисто выбритый. Легкость у него въ танцахъ была замѣчательная; показывая намъ различныя „па" онъ вертѣлся и прыгалъ какъ резиновый мячикъ. Заставлялъ насъ по долгу стоять въ разныхъ „позиціяхъ," которыхъ, помню, было 6, изъ нихъ самая мучительная для меня была 5-ая.—Кромѣ кадрили, полекъ, мазурки и галопа учили разнымъ, какъ ихъ называли, „характернымъ танцамъ," такъ напр. „качуча" съ кастаньетами, русская пляска въ разныхъ видахъ и

главное требовалось умѣнье дѣлать красиво „реверансы.“ Очень было смѣшно видѣть, какъ нашъ старичекъ во фракѣ дѣлалъ граціозные реверансы, стоя противъ насъ со скрипкой и мы въ тактъ повторяли ихъ за нимъ.—По субботамъ за мной приходила Анисья и я до сихъ поръ помню, какъ меня всегда радовало извѣстіе, которое мнѣ передавала классная дама: „Соловова, собирайтесь, за вами пришли.“ Я бѣжала какъ сумасшедшая, цѣловала Анисью, и въ одну минуту бывала готова. Къ вечеру субботы собирались и всѣ наши товарищи мальчики и нашему веселью не было конца. По воскресеньямъ бывали у Селивановыхъ или Соня съ Мишей бывали у насъ. На вторую недѣлю послѣ моего поступленія я была очень обрадована, когда въ числѣ приходящихъ увидала Соню Жукову, мою милую деревенскую сосѣдку. Я знала, что она учится въ Москвѣ, такъ же, какъ и братъ ея Володя, который учился въ кадетскомъ корпусѣ. Святки они провели въ деревнѣ у себя въ Сарыбьевѣ. Зиму они съ матерью жили въ Москвѣ, но на продолжительные праздники всегда уѣзжали въ имѣніе, гдѣ у нихъ жила ихъ тетка Евлампія Ивановна и приказчикъ лакей, фаворитъ Екатерины Васильевны Жуковой. Звали его Павломъ Яковлевичемъ и впослѣдствіи я слышала отъ своихъ стариковъ, что Соня была очень на него похожа. И вотъ съ Соней я наговорилась, и все отъ ней узнала про Карцево. Тетя съ сестрой Настей была у нихъ въ Сарыбьевѣ на елкѣ передъ Новымъ годомъ и они были потомъ въ Карцевѣ. Разказывала, что 7-го, передъ ихъ отъѣздомъ въ Москву у нихъ въ Сарыбьевѣ были мать моя съ отцомъ и что разсказывали о своемъ возвращеніи домой такъ: когда они пріѣхали и вошли въ переднюю тетя Александра Павловна ихъ встрѣтила и не видя меня спросила: „гдѣ же у васъ Нина?“ и, когда мать ей сказала, что меня оставили учиться въ Москвѣ, тетѣ сдѣлалось дурно, всѣ перепугались и мать уже хотѣла меня выписывать обратно; но тетя, оправившись, увѣряла ихъ, что ей было дурно совсѣмъ не отъ того, что я не пріѣхала. а просто она, вѣроятно, угорѣла. Я слушая, всѣ разсказы, о тетѣ, Настѣ, Карцевѣ, поплакала, такъ мнѣ стало грустно, что не вижу ихъ. Съ этого дня всѣ свободные часы отъ занятій, пока приходящія были въ пансіонѣ, я проводила съ Соней Жуковой. Мы были въ разныхъ классахъ, она была немного моложе меня и была въ старшемъ отдѣленіи второго класса. Итакъ проходили недѣли за недѣлями, скучныя. однообразныя въ пансіонѣ и веселыя по субботамъ и воскресеньямъ у Звягиныхъ. Все шло такъ до 18 Февраля. Съ 1-го Февраля уже шли тревожные слухи о здоровьѣ Государя и о нашихъ неудачахъ на войнѣ. Писали въ газетахъ, что Государь простудился и что у него гриппъ. Помню, когда я бывала дома у Звягиныхъ никто почти о своихъ

личныхъ дѣлахъ, какъ раньше, не говорилъ, а всѣ полушопотомъ говорили о политическихъ дѣлахъ. Крестная сильно волновалась и часто плакала, всѣ точно ожидали чего-то страшнаго, неожиданнаго и печальнаго. И вотъ, помню, 18-го Февраля, уже поздно вечеромъ мы, живущія, уже остались однѣ въ пансіонѣ, кажется, даже поужинали и собрались на вечернюю молитву, какъ вдругъ къ намъ входитъ Марія Игнатьевна, какъ всегда величественная, красивая, съ какимъ то особенно трагическимъ выраженіемъ лица и говоритъ намъ: „Дѣти, насъ постигло великое несчастье, плачьте, молитесь, нашъ Государь Императоръ Николай Павловичъ скончался сегодня. Сейчасъ получена телеграмма о его кончинѣ.“ Это было сказано такъ патетически, что намъ стало и жутко и страшно и мы всѣ расплакались. Когда прошло немного времени и мы успокоились, Марія Игнатьевна сказала намъ: „Но дѣти, мы въ нашемъ горѣ имѣемъ большое утѣшеніе въ нашемъ Наслѣдникѣ—завтра онъ будетъ Императоромъ. Это ангелъ доброты, и при великомъ умѣ онъ обладаетъ голубиною кротостью. Его уже и теперь всѣ обожаютъ. Будемъ молиться за него, чтобы Господь благословилъ его на престолъ и чтобы его царствованіе было счастливымъ для нашего дорогого отечества.“

Послѣ этихъ словъ Марія Игнатьевна простившись съ нами ушла. На утро, 19-го, намъ объявили, что уроковъ не будетъ и насъ распустятъ на цѣлую недѣлю. Часовъ въ 12-ть за мной пришла Анисья, и я очень удивилась, тому, что она знаетъ, что у насъ нѣтъ занятій. Та отвѣтила, что Коля сказалъ, что всѣ учебныя заведенія распущены на недѣлю. Крестная сейчасъ же послала Анисью за мной.—Дома у Звягиныхъ всѣ толковали о кончинѣ Государя. У насъ почему то собралось очень много разныхъ знакомыхъ крестной, всѣмъ хотѣлось подѣлиться съ ней своими впечатлѣніями. Помню, всѣ шопотомъ говорили, что Государь принялъ ядъ, который приказалъ приготовить для себя своему доктору и, когда тотъ отказался исполнить это приказаніе, будто гнѣвно сказалъ: „Я—Государь, и ты обязанъ исполнить мою волю.“ Тогда докторъ принесъ стаканъ съ какимъ то сильнымъ наркотическимъ питьемъ и что Государь, трогательно простившись съ семьей, выпилъ приготовленное питье, заснулъ и больше не проснулся.—Другой разсказъ былъ болѣе фантастическій.—Разсказывали такъ: когда Государь былъ за-границей, то ему очень много говорили о какой то знаменитой прорицательницѣ гадалкѣ. Эти разсказы такъ заинтересовали Николая Павловича, что онъ пожелалъ самъ побывать у нея. Пришедши къ гадалкѣ онъ услышалъ отъ нея такую фразу: „А, Ты пришелъ, я знала, что сегодня будешь у меня, мнѣ это было сказано, и

ждала тебя.—Ты могучъ и силенъ и все время твоего царствованія одной своей волей будешь управлять своимъ царствомъ. Ты вѣдь вѣришь только самому себѣ и никому больше, ни съ кѣмъ не станешь совѣтоваться, все будешь дѣлать по своему. Но, конечно, во время твоего царствованія будутъ и большія ошибки съ твоей стороны, напрасно улыбаешься,—я вѣрно говорю; и за эти то ошибки придется расплачиваться. Конецъ твоего царствованія будетъ несчастенъ. Тебя твое самолюбіе вовлечетъ въ гибельную войну, пережить тебѣ это несчастіе будетъ невыносимо тяжело. Единственнымъ спасеніемъ для Тебя будетъ смерть и вотъ я тебѣ помогу въ этомъ, Ты мнѣ нравишься. Подожди, я сейчасъ вернусь"—и она вышла въ другую комнату, и вернулась оттуда съ перстнемъ въ рукахъ. „Вотъ это у меня давно было приготовлено." Въ серединѣ перстня былъ медаліонъ. Гадалка раскрыла его и сказала: „вотъ, когда Ты не въ силахъ будешь больше жить, проглоти то, что здѣсь содержится и смерть придетъ скоро и умрешь спокойно безъ страданій". Государь взялъ, улыбаясь, перстень, надѣлъ на палецъ и, говорятъ, никогда его не снималъ. А послѣ его кончины нашли перстень, брошеннымъ около кровати съ раскрытымъ, пустымъ медаліономъ. Намъ, дѣтямъ, этотъ разсказъ, подслушанный нами, очень понравился, было и жутко, и страшно, и все таки хотѣлось вѣрить. Крестная страшно была убита смертью Государя, сердилась на всѣ эти легендарные разсказы о его кончинѣ, читала намъ всѣмъ вслухъ описаніе его послѣднихъ минутъ, прощанье съ семьей, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что онъ просилъ наслѣдника остаться съ нимъ одного и долго, больше часа, провелъ съ нимъ наединѣ. Бесѣда ихъ осталась для всѣхъ тайной, а наслѣдникъ вышелъ отъ отца очень разстроенный и въ слезахъ. 19-го Февраля все шло и ѣхало въ Кремль на присягу новому Императору Александру II-му. И мы тоже пошли погулять по направленію Кремля, и вотъ,—прошли мы Покровку, видимъ бѣгутъ назадъ изъ Кремля толпы народа, о чемъ то шумятъ, что то разсказываютъ. И вотъ до насъ, наконецъ, доходятъ сбивчивые разсказы, что во время благовѣста къ присягѣ сорвался одинъ изъ колоколовъ на колокольнѣ Ивана Великаго, прошибъ всѣ этажи, и его паденіемъ убито болѣе 20-ти человѣкъ. Мы поспѣшили домой, чтобы разсказать эту новость, но тамъ уже все знали раньше нашего прихода.

Тамъ уже сидѣлъ братъ крестной—Василій Васильевичъ, онъ пріѣхалъ къ ней прямо изъ Кремля съ Расцвѣтовымъ Александромъ Павловичемъ. Они разсказывали, что дѣйствительно одинъ изъ большихъ колоколовъ на колокольнѣ Ивана Великаго сорвался и при паде-

нія прорѣзалъ всѣ этажи и народу подъ колоколомъ погибло около 30-ти человѣкъ. Разсказывали, что одна женщина съ ребенкомъ на рукахъ попала подъ самый колоколъ и ей ребенка втиснуло внутрь ея туловища, вообще было много изувѣченныхъ.—Этотъ ужасный случай очень смутилъ толпу народа, всѣ говорили, что это дурное предзнаменованіе: говорили, что во время всеобщей паники въ Кремль пріѣхалъ любимецъ Москвы, знаменитый въ то время докторъ Иноземцевъ и онъ, обратившись къ испуганной толпѣ, сказалъ громкимъ голосомъ: „Да жаль, очень жаль, что безвременно погибли люди, но что дѣлать, видно ихъ уже судьба такая, но за то предзнаменованіе это хорошее, такъ провалятся съ воцареніемъ нашего Государя Александра Николаевича всѣ враги нашего царства и царствованіе это будетъ царствомъ славы, мира и благоденствія въ нашей Матушкѣ Россіи. Да здравствуетъ нашъ молодой Государь на радость и славу! Крикнемъ, дѣтушки, ура!“ Толпа сейчасъ же подхватила это и вся тревога и мрачное предчувствіе недобраго прошло.—Когда всѣ усѣлись за чай, крестная сказала: „Да, великій Николай Павловичъ скончался, а въ нашей семьѣ родился въ тотъ же день маленькій Николай Павловичъ. Брату Павлу Богъ послалъ вчера сына Николая, бѣдная моя Саша страшно измучилась, я очень боялась за нее, да и теперь еще боюсь, братъ хотѣлъ сегодня заѣхать сказать, что съ ней.“ И тутъ же раздался звонокъ, вошелъ Павелъ Васильевичъ съ веселымъ видомъ, ярко румяными щеками съ палкой въ рукахъ, прихрамывая на одну ногу.

Всѣ, конечно, сейчасъ же закидали его вопросами:—ну, что, какъ? онъ отвѣчалъ: „Ничего, все слава Богу, приказали лежать, не шевелясь, не двигаясь, не разговаривая, а мальчишка молодецъ, собирайся, сестра, крестить“.—Я была очень рада, что моя милая, любимая Александра Александровна опять будетъ здоровая, хорошенькая и мнѣ ужасно захотѣлось посмотрѣть на новаго мальчика, ея сыночка. „Конечно, я крестить пріѣду, когда дашь знать, но теперь то береги Сашу, не волнуйте ее ничѣмъ, дай ей полный покой, помни, что она еще и теперь одной ногой въ гробу стоитъ.—Дай Богъ, чтобы этотъ новорожденный крошка былъ для нея радостью и вознаградилъ бы ее за тѣ страданія, которыя она несетъ за старшихъ дѣтей Васю и Сережу. Храни ее Господь, для всѣхъ васъ, вѣдь вы, Павелъ, всѣ безъ нея пропадете.“

Насъ изъ пансіона отпустили по случаю восшествія на престолъ Государя Александра Николаевича на недѣлю. Въ продолженіе этого

времени изъ дома, т. е. изъ Карцева, приходили тревожныя вѣсти. Писала мать отчаянныя письма, что отецъ заболѣлъ, что онъ простудился, ѣздивши въ Зарайскъ, куда онъ возилъ „ратниковъ“, которыхъ было приказано собрать въ самый короткій срокъ, и что обмундировать и отправить ихъ должны были помѣщики на свой собственный счетъ.— Писала мать, что отецъ, какъ пріѣхалъ изъ города, почувствовалъ сильный ознобъ, ничѣмъ не могъ согрѣться, а теперь доктора нашли у него воспаленіе печени. Эти письма меня очень испугали и огорчили: я вспомнила, что у отца было уже разъ такое воспаленіе, и какая тогда паника была у насъ въ домѣ и какъ всѣ боялись за его жизнь. Числа 22-го или 23-го, желая меня развлечь и зная мою любовь къ Александрѣ Александровнѣ, крестная, поѣхавши навѣстить ее, взяла меня съ собой. Помню, мы, согрѣвшись, прошли въ спальню. Тамъ былъ полусвѣтъ, окна всѣ завѣшены. Александра Александровна блѣдная въ бѣлой кофточкѣ лежала въ постели и показалась мнѣ очень хорошенькой съ своими прекрасными ласковыми глазами и чудными черными волосами, разметавшимися по подушкѣ. Она очень обрадовалась крестной и приласкала меня. Скоро у нихъ съ крестной завязался какой-то интимный разговоръ въ полголоса; раньше крестная объяснила, что отецъ мой боленъ и что я очень горюю о своихъ и вотъ, чтобы меня утѣшить немного, повезла меня посмотрѣть новорожденнаго, на что Александра Александровна отвѣтила: „очень хорошо сдѣлала, что привезла Ниночку, эта дѣвочка моя симпатія; ну поди, душка, посмотри моего Колю“, и она указала мнѣ на маленькую плетеную колясочку съ зеленымъ верхомъ. Я въ одну секунду очутилась около нея и увидѣла лежащаго краснаго, крошечнаго ребеночка спеленутаго въ бѣленькую простынку и вязаный широкій „свивальникъ“.

Прежде дѣтей очень туго пеленали, такъ что ребенокъ никакъ не могъ пошевельнуть ни рукой, ни ногой. Малютка Коля не спалъ, а смотрѣлъ прелестными сине-голубыми глазками, личико было крошечное красненькое. Мнѣ онъ очень понравился и я спросила позволенія поцѣловать Колю, на что Александра Александровна, улыбаясь, дала свое согласіе и я поцѣловала его въ тепленькую щечку, похожую на пушистый персикъ.—Посидѣвши немного, крестная собралась уѣзжать и несмотря на просьбы хозяйки не осталась, сказавши, что боится ее утомить. Оттуда мы заѣхали къ Марьѣ Дмитріевнѣ, гдѣ шли полные сборы къ отъѣзду въ деревню, всѣ суетились, укладывались, дѣти бѣгали тутъ же около бауловъ и сундуковъ. Всѣ дѣти Маріи Дмитріевны были прехорошенькія; здѣсь съ ними были три мальчика: Володя, Митя и крошка Леля, прехорошенькій мальчуганъ съ умными плутовскими

глазенками и съ массой густыхъ, волнистыхъ черныхъ волосъ. Въ мѣшечкѣ крестной, который она всегда носила на рукѣ (ихъ тогда всѣ имѣли, и назывались они „ридикуль"), оказалось много гостинцевъ, и она начала ими одѣлять дѣтей. Вскорѣ мы усѣлись за чайный столъ.—Марія Дмитріевна всегда сама разливала чай; на столъ поставили разныхъ булокъ, печеній, сладостей. Всѣ почему-то суетились и прислуга и дѣти. Наконецъ, успокоились и принялись за чай.—Крестная сказала: „Я съ Анютой сейчасъ была у Саши, бѣдняжка плохо поправляется."—„Ну, а малютку, какъ ты нашла"?—спросила Марія Дмитріевна. „Мальчикъ ничего славный, здоровый, дай Богъ, чтобы онъ имъ былъ на радость, а не на горе".—„Ты замѣтила, продолжала Марія Дмитріевна, какъ маленькій Коля похожъ на Селивановыхъ „Николаевичей", а съ нашими Селивановыми „Васильевичами" онъ совсѣмъ не схожъ?"—„Какія пустяки тебя занимаютъ!—съ досадой, какъ мнѣ показалось, сказала крестная. Можно-ли разобрать сходство въ такомъ крошечномъ ребенкѣ, это пока кусокъ мяса, и больше ничего".—Я хотя и не смѣла вступиться въ ихъ разговоръ, но мнѣ казалось, что крестная говоритъ неправду и что крошечный Коля совсѣмъ не былъ кусочкомъ мяса, у меня осталось самое прекрасное впечатлѣніе о новорожденномъ. Эти чудесные синіе глазки, милое личико, все это было прелестно и не имѣло ничего общаго съ „кусочкомъ мяса".

„Да—продолжала крестная—счастливъ Павелъ, что у него такое сокровище жена, какъ Саша, вѣдь я знаю его, никто не сумѣлъ бы съ нимъ ладить, какъ она. Да, что говорить, весь домъ ею держится, вездѣ ея забота и ея умъ и сердце управляютъ. Спаси ее Господи, безъ ней и мужъ и дѣти пропадутъ".—„Ахъ, какая счастливая Саша, какъ ты ее любишь. Я и тебя люблю не меньше, чѣмъ Сашу; но тебя люблю, какъ милаго добраго прелестнаго ребенка,—не обижайся, ты такой останешься всю жизнь,—который обожаетъ своего мужа и дѣтей; и ты не меньше нужна Васѣ, чѣмъ Саша Павлу. Васѣ такая жена нужна, ты свѣтъ и радость его жизни; но какъ Павелъ пропадетъ безъ Саши, такъ и ты пропадешь безъ Васи. Храни васъ Господь, вотъ у васъ какіе молодцы ростутъ, вырастите ихъ, а тамъ, да будетъ Его святая воля, и на покой можно".—„А меня вотъ безпокоитъ здоровье Кузьмы Ивановича, серьезно онъ боленъ и бѣда, если что случится, Людмила съ ума сойдетъ, да и состояніе то у нихъ небольшое, и они живутъ покойно и въ довольствѣ, только благодаря его неустанному труду въ хозяйствѣ, вѣдь онъ цѣлые дни вездѣ хлопочетъ самъ".

„Ну, Анюта, поѣдемъ, намъ пора и домой, хотѣла и къ Ильѣ заѣхать, да, ужъ, поздно, заболталась я у Васъ съ Сашей. Ну, прощай

моя дорогая, дай Богъ благополучно доѣхать съ дѣтьми до Любова; а Васѣ скажи, чтобы заѣхалъ проститься ко мнѣ". И вотъ, вернувшись домой, я занялась своими уроками и на утро отправилась въ пансіонъ. Такъ по старому шло время до конца Февраля. Но всѣ, даже мы, дѣвочки подростки, были заняты разговорами о кончинѣ Императора Николая и о воцареніи новаго Государя Александра Николаевича, о добротѣ котораго всѣ говорили и надѣялись на скорое прекращеніе войны.

Не помню, въ самыхъ послѣднихъ числахъ Февраля, кажется 27-го зимой въ будни пришла Анисья, о чемъ объявила мнѣ наша классная дама, и что меня зовутъ зачѣмъ то домой. Я, помню, очень испугалась, пошла къ Маріи Игнатьевнѣ спрашиваться, та отнеслась ко мнѣ очень ласково и даже нѣжно и отпустила въ отпускъ, говоря, что могу пробыть у крестной, сколько та найдетъ нужнымъ. Я ничего не спросила у Анисьи, мнѣ было страшно спросить, и она со слезами на глазахъ молчала. Я знала, что меня ждетъ какое то ужасное извѣстіе, я боялась его, мнѣ было страшно. Пришла къ Звягинымъ, раздѣлась, крестная взяла меня за руку и повела въ комнату Николая Ипполитовича, гдѣ мы жили у ней, пріѣхавши въ Москву.—Тамъ у образной кіоты горѣла лампада; обратившись ко мнѣ, крестная сказала: „Помолись, моя родная, дорогая Анюта, за отца, онъ скончался 25 Февраля". Я истерически расплакалась; но крестная довольно строго мнѣ сказала: „Перестань, Анюта, стыдно, грѣхъ такъ плакать, помни, ты теперь старшая въ домѣ—тетя стара, слаба, а о матери и говорить нечего, она въ такомъ горѣ, что за ней вамъ ходить надо. Успокойся, помолись, а потомъ и поплачь тихонько. Я тебѣ прочту письмо Александры Павловны".—Тетя писала, что отецъ на ихъ глаза сталъ поправляться, т. е. у него спалъ жаръ, и онъ попросилъ, что бы его обложили подушками, посадили на постели и тутъ онъ тихо скончался. Мать совершенно обезумѣла отъ горя и ихъ (т. е. мать безъ памяти, Настю и тетю), Алексѣевы, дальніе родственники наши, со стороны бабушки Анны Ѳоминичны Колиминой, отправили всѣхъ троихъ, а также гувернанку нашу Пелагею Алексѣевну и няню къ себѣ въ Зарайскъ, распорядились и похоронами. Я помню, что меня очень и очень огорчило, что отца никто изъ семьи не проводилъ до могилы. Это мое горе вполнѣ раздѣляла и крестная и очень осуждала Алексѣевыхъ, что они не оставили обезумѣвшихъ отъ горя моихъ родныхъ въ Карцевѣ до конца похоронъ.

Думая о кончинѣ отца, я никакъ не могла себѣ представить Карцева безъ него. Я недѣлю провела у крестной, она каждый день посы-

лала въ пансіонъ за уроками, а мнѣ шили траурное платье. На другой день утромъ часовъ въ 10 мы услышали звонокъ, Анисьи и ея сестры почему то близко не было, и я пошла отворить дверь... Оказалось пришелъ Эргардъ Карловичъ. мужъ Алефтины Васильевны, какой то странный, блѣдный и, только что прошелъ въ залъ, ему сдѣлалось дурно, онъ едва дошелъ до стула. Я побѣжала сказать объ этомъ крестной, та тоже встревожилась и пошла къ нему. Когда Эргардъ Карловичъ успокоился, то сконфуженный, едва выговаривая слова, сообщилъ намъ новость: „Вотъ я именно пришелъ сказать, надо вамъ крестить, у насъ родилась дочь Анна". „Вотъ тебѣ разъ,—сказала крестная,—это уже сюрпризъ настоящій. Ничего подобнаго я не ожидала. Эта Алефтина, вѣчная чудачка, затягивалась, наряжалась, какъ дѣвочка, мучила и себя, и ребенка, сама не знаетъ почему и зачѣмъ".—„Намъ было очень, очень стыдно",—отвѣчалъ на это Эргардъ Карловичъ. Тогда милая крестная расхохоталась, позвала Анисью и сообщила ей эту новость. Та сказала, что давно подозрѣвала это событіе. Смѣхъ Анисьи и крестной, самый веселый и добродушный, успокоилъ Эргарда Карловича, его принялись поить кофеемъ и кормить завтракомъ. Послѣ завтрака крестная съ нимъ поѣхала къ Алефтинѣ Васильевнѣ съ полными санями разныхъ запасовъ и множествомъ банокъ съ вареньемъ. Новорожденную Анюту мнѣ не пришлось почему то скоро увидѣть. Когда мой трауръ былъ готовъ, я опять ушла въ пансіонъ. По окончаніи Великаго поста и Пасхи, которую очень торжественно мы встрѣчали въ Кремлѣ, у крестной видѣлись съ семьей Ильи Васильевича Селиванова. Морсочниковы стали собираться въ деревню. Моя тетя и мать просили крестную отпустить меня съ ними, не дожидаясь каникулъ, такъ какъ и мать и тетя очень скучаютъ и желаютъ меня видѣть. Крестная съѣздила въ пансіонъ и устроила мой отпускъ. И къ концу Апрѣля я была уже дома, въ моемъ миломъ Карцевѣ. На этотъ разъ пріѣздъ въ Карцево былъ для меня печаленъ. Но за два мѣсяца въ Москвѣ, успѣла уже смириться съ мыслью, что отецъ скончался, и его больше нѣтъ съ нами.

Здѣсь же въ Карцевѣ, все было полно воспоминанія о немъ. Насъ встрѣтили мать, тетя, Настя, Пелагея Алексѣевна, няня и вся прислуга въ черномъ. Мать и Настя особенно мнѣ показались жалкими несчастными въ своихъ черныхъ суконныхъ платьяхъ. Мать обняла меня съ истерическимъ плачемъ, который на меня наводилъ ужасъ. Утѣшать ее пришлось въ то время, когда я не умѣла, и мое собственное маленькое сердечко, проникнутое безконечной скорбью, стремилось къ моей ненаглядной тетѣ. Она тоже тутъ, около насъ, тихо плакала,

стараясь не показывать своихъ слезъ. Мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе обнять ее, расцѣловать и услышать отъ ней тѣ ласковыя словечки, которые она одна умѣла сказать мнѣ. Наконецъ всѣ немного успокоились, усѣлись за чай. Стали насъ распрашивать о разныхъ политическихъ новостяхъ и кончинѣ Государя, о тяжелыхъ событіяхъ въ Крыму, о геройской защитѣ Севастополя и т. д. Послѣ чая я побѣжала съ Настей въ садъ. Какъ хорошо было въ немъ! вѣроятно, его только что убрали послѣ зимы. Яркая молодая зеленая травка пробивалась вездѣ. Деревья начали зеленѣть, и были покрыты какъ бы легкимъ прозрачнымъ газомъ. Молодость взяла свое и стало хорошо и радостно въ моемъ старомъ саду. Впрочемъ природа, дѣйствительно, наша нѣжная мать. Даже теперь меня старуху она умѣетъ приласкать и успокоить. Чувство любви къ природѣ даетъ много отрадныхъ минутъ въ жизни.—Тутъ же въ саду я повидалась съ моимъ другомъ, садовникомъ Виссаріономъ. Онъ показалъ мнѣ парники, сказалъ, что посѣялъ для меня мои любимые цвѣточки и тутъ же предложилъ намъ сходить за ножами и выбрать съ нимъ спаржу „къ завтрашнему столу“, какъ онъ выражался. Мы, конечно, не заставили себя ждать и въ минуту сбѣгали за ножами. Виссаріонъ подпиралъ вилами навозъ, подъ которыми вылѣзали изъ земли бѣленькіе, нѣжные, сочные стволики спаржи. Вечеромъ, оставшись вдвоемъ съ тетей въ нашей комнаткѣ, я кинулась обнимать и цѣловать ее, и мы опять съ ней вмѣстѣ поплакали. Она, по моей просьбѣ, разсказала мнѣ подробно о болѣзни и кончинѣ отца.—Потомъ я начала ей разсказывать про мое пребываніе въ Москвѣ, про новыхъ моихъ знакомыхъ и друзьяхъ, о томъ, какъ я въ Москвѣ еще больше полюбила крестную и Колю, и какъ мнѣ хорошо жилось у нихъ. И мы съ ней проговорили до свѣта и въ концѣ нашей болтовни она разбранила себя: „Вотъ на старости лѣтъ какъ заболталась, совсѣмъ забыла, что ты, моя дѣточка, только что пріѣхала, устала, тебѣ покой нуженъ, а не разговоры, ну, давай спать скорѣй, ужъ день бѣлый на дворѣ“.—Морсочниковы пробыли у насъ дня два, уѣхали на Татарское. И я опять вошла во всѣ наши деревенскіе интересы, мы также ходили сначала въ лѣсъ за цвѣтами, потомъ за грибами и ягодами. Но дома было уже не то, что прежде. Мать постоянно плакала, часто съ ней бывали истерическіе припадки, сопровождаемые судорогами. Потомъ она желала, чтобы мы, особенно я, какъ старшая, чаще была съ ней, относилась бы къ ней также просто и ласково, какъ къ тетѣ и даже кормилицѣ, которой я всегда бывала очень рада, когда она приходила изъ Борислова. Мать какъ будто ревновала насъ и меня въ особенности къ моимъ любимцамъ и, помню, разъ какъ то сказала, когда увидала меня, сидящей около тети и

положившей голову на ея колѣни: „Ахъ Нина, Нина, отчего ты никогда такъ не приляжешь и не приласкаешь меня, какъ тетю?“ Я ей отвѣтила, какъ теперь помню, очень жестоко: „Я къ вамъ не привыкла, вѣдь вы съ нами не бывали и не ласкали, когда мы были маленькія“. Эти мои глупыя слова страшно обидѣли и огорчили мать. Она съ плачемъ сказала такъ: „Да я сама во всемъ виновата, пока былъ живъ вашъ отецъ, мнѣ никто не былъ нуженъ и я всѣхъ забыла для него“. Тетя на меня разсердилась, отодвинулась, сказавши тихонько (мать плохо слышала, у нея была небольшая глухота съ горячки, которую она перенесла задолго до своего брака).—„Не ожидала я отъ тебя, Нина, чтобы ты такъ безсердечно и сказала такія слова безъ того убитой горемъ матери“.—Мнѣ было стыдно и жаль мать, но быть съ нею, такъ же простою, ласковою, какъ съ тетей, я рѣшительно была не въ силахъ. Потеря отца была замѣтна во всемъ. Хозяйство полевое шло плохо. Отецъ всюду и вездѣ бывалъ самъ. Нашего приказчика Ѳедора Ильича, брата нашей няни, какъ я уже говорила раньше, народъ плохо слушался, жаловаться матери онъ боялся, чтобы не разстроить ее еще больше. Онъ часто о своихъ хозяйственныхъ неудачахъ совѣтовался съ тетей, но она въ этомъ дѣлѣ ничего не понимала и только просила его „не безпокоить и не тревожить Людиньку“, какъ она называла мать.

Да и одному Ѳедору Ильичу и нельзя было за всѣмъ усмотрѣть, такъ какъ работы шли не въ одномъ мѣстѣ, а и въ Карцевѣ, и въ Подосинкахъ и Борисловѣ, а помощниковъ себѣ хорошихъ онъ какъ то не находилъ. Вскорѣ послѣ Успеньева дня къ намъ пріѣхала изъ Гремячева крестная съ Колей и, пробывши недолго у насъ въ Карцевѣ, захватила меня и мы всѣ отправились въ Москву. Въ нашемъ пансіонѣ были какія то передѣлки и занятія еще не начинались. Илья Васильевичъ Селивановъ, пріѣхавши навѣстить крестную, сказалъ, что пока живетъ въ Москвѣ одинъ, а Вѣра Фавстовна и дѣти въ деревнѣ. Это ихъ имѣніе, что-то въ родѣ дачи, находилось недалеко отъ Москвы по Николаевской желѣзной дорогѣ, недавно только оконченной. Илья Васильевичъ просилъ крестную отпустить насъ, т. е. меня и Колю къ нимъ въ деревню, говоря, что дѣти и Вѣра Фавстовна будутъ намъ очень рады, на что крестная согласилась съ большимъ удовольствіемъ, говоря, что ей давно хотѣлось, чтобы мы проѣхались по желѣзной дорогѣ. И вотъ въ какой то праздникъ въ 20-хъ числахъ Августа насъ отправили на станцію, поѣхали я, Коля, Марковъ. Крестная ни за что не хотѣла насъ отпустить однихъ, и дала намъ провожатую Анисью. Коля за это сердился на мать, говоря, что мы

уже не ребята и въ нянькахъ не нуждаемся, но несмотря на эти указанія, съ нами все таки поѣхала Анисья. Пріѣхали мы на вокзалъ вечеромъ. Коля непремѣнно самъ хотѣлъ брать билеты, на что Анисья согласилась съ большимъ неудовольствіемъ. Наконецъ, послышался звонокъ, мы вышли на платформу; я первый разъ видѣла поѣздъ, освѣщенныя окна вагоновъ, фонари, паръ, свистъ локомотива—все это такъ меня поразило и навело на меня такой ужасъ, что я готова была вернуться домой обратно, но мнѣ было стыдно въ этомъ сознаться. Усѣвшись въ вагонъ я осмотрѣлась и немного успокоилась. Пошелъ поѣздъ, какъ мнѣ казалось, очень быстро, это мнѣ понравилось и я совсѣмъ развеселилась. Всѣ мы весело болтали и незамѣтно доѣхали до станціи Подсолнечной, гдѣ насъ ожидали лошади, присланныя за нами; усѣвшись въ коляску, помчались въ имѣніе Ильи Васильевича. Ѣхали мы не долго, и скоро показался большой, ярко освѣщенный домъ. На крыльцѣ насъ встрѣтили Соня и Митя; встрѣча была шумная, веселая, радостная. Насъ ждалъ чай и ужинъ, насъ угощала гувернантка Сони; Вѣра Фавстановна была уже въ своей комнатѣ и мы ее въ этотъ вечеръ не видали. Я помѣстилась на ночь съ Соней, а мальчики съ Митей. На утро Вѣра Фавстовна прислала за нами, чтобы мы шли пить чай въ ея комнату. Она всѣхъ насъ приласкала, а мнѣ сказала, что я хотя и загорѣла въ деревнѣ, но это ко мнѣ идетъ и что я стала очень хорошенькая. Раньше мнѣ этого, кажется, никто не говорилъ. Меня это очень сконфузило, я покраснѣла; Коля по обыкновенію закричалъ: „пожаръ!“, отчего я еще больше краснѣла, и чтобы успокоить меня, Коля сказалъ: „Ты, пожалуйста, забудь, что сказала тетя, это она сказала, нарочно, чтобы порадовать тебя, а ты все та же, что и раньше была.“ Деревня на меня особеннаго впечатлѣнія не произвела, она была мало похожа на наши родныя мѣста, на Карцево, на Любово, Кошелево, Борки и т. д. Здѣсь все было подстрижено, подвязано, вездѣ песокъ и кирпичъ. Цвѣтникъ тоже мнѣ не очень понравился. Цвѣтовъ мало, всѣ кустики левкоевъ, астръ и другихъ лѣтниковъ разсажаны были рѣдко и привязаны къ палочкамъ очень красивымъ, но это все было не то, что я любила. Домъ былъ большой, имѣлъ совсѣмъ городской видъ. За обѣдомъ намъ подавали тоже не тѣ кушанья, къ которымъ я привыкла; былъ молочный супъ съ зеленью, потомъ подавали разные соусы, салаты; весь обѣдъ состоялъ изъ очень красиво убранныхъ блюдъ, но не особенно сытныхъ; наши мальчики потомъ говорили, что они все равно, какъ будто и не обѣдали. Весь день мы провели очень весело и въ ночь опять уѣхали въ Москву. Меня оставляли погостить до начала занятій, но безъ согласія крестной я не осталась.

ВОСПОМИНАНІЯ А. К. ЛЕЛОНГЪ

Съ 1-го Сентября у насъ начались уроки. Въ пансіонѣ я нашла большую перемѣну во всемъ, кромѣ стола, который остался такимъ же скуднымъ какъ и раньше. меню нашихъ обѣдовъ не измѣнилось. — Комнаты всѣ были вновь окрашены, вездѣ было чисто и не было уже прежняго мрачнаго вида.—Въ учителяхъ тоже я нашла перемѣну, явился новый учитель ариѳметики, на нее стали обращать больше вниманія, чѣмъ прежде. Учитель русскаго языка въ нашемъ классѣ тоже былъ другой, не Перепелкинъ (мужъ Павлы Игнатьевны.) Новаго учителя мы всѣ сразу полюбили, его фамилія была Некрасовъ. Мои товарки, дѣвочки, говорили, что отъ насъ взяли Перепелкина потому, что Павла Игнатьевна боялась его оставить учителемъ въ старшемъ классѣ изъ ревности, такъ какъ сама—старая, и ко всѣмъ его ревнуетъ. Для меня все это было ново и непонятно, но мои подруги просвѣтили меня въ этомъ отношеніи. Некрасовъ былъ прекраснымъ учителемъ, онъ намъ много читалъ въ классѣ хорошихъ вещей и кромѣ классовъ просилъ позволенія у Маріи Игнатьевны приходить къ намъ два раза въ недѣлю по вечерамъ читать произведенія лучшихъ поэтовъ и беллетристовъ, мы ему многимъ обязаны, онъ заставилъ насъ любить литературу, умѣть читать съ толкомъ и понимать прочитанное. Онъ часто давалъ намъ на урокахъ разныя темы для сочиненій и вотъ разъ какъ-то уже зимой задалъ намъ такую тему: „отъ чего происходитъ невнимательность въ классѣ!“ Просилъ насъ писать, не стѣсняясь ничѣмъ, если причиной невниманія бываетъ и самъ учитель, то объснить почему, урокъ ли его неинтересенъ, или непонятенъ, и вообще постараться выразить причины нашей разсѣянности въ классѣ. Задалъ, я помню, намъ это сочиненіе Некрасовъ въ субботу, всѣ дѣвочки были недовольны этой темой; говорили, что ничего не могутъ написать интереснаго и даже многія говорили, что прямо откажутся и ничего не напишутъ. Мнѣ

же эта тема понравилась, я написала довольно большое сочиненіе, писала я, что причиной невниманія у меня бываетъ то, что иногда какая нибудь вещь или книга напомнитъ мнѣ мой родной домъ и мысль моя невольно перенесется въ деревню, гдѣ осталось все, что мнѣ дорого и мило, и вотъ на этой то почвѣ и развивается разсѣянность. Въ понедѣльникъ мы наши тетради отдали Некрасову. И я съ нетерпѣніемъ ждала ихъ возвращенія. Наконецъ, настала суббота. Некрасовъ намъ сталъ возвращать наши тетради. Каждой онъ сказалъ какое нибудь свое мнѣніе или замѣчаніе, дошла очередь и до меня и что же я вижу у меня внизу надписанъ самый высшій баллъ „5+“, и надпись „прочелъ съ удовольствіемъ“; передавая тетрадь мнѣ, онъ сказалъ: „благодарю васъ, пожалуйста, всегда относитесь такъ внимательно къ заданной вамъ работѣ, какъ вы это сдѣлали на этотъ разъ“. Восторгу моему, конечно, не было конца. Но потомъ часто мнѣ приходилось пожалѣть о томъ, что я такъ удачно написала это сочиненіе.

Бывало, въ классѣ Некрасовъ объясняетъ что нибудь скучное, о стихосложеніи напр., о ямбахъ и т. д. или станетъ разбирать Карамзина, его статьи въ родѣ „Счастливый возрастъ жизни“ и тому подобное,— ну, займешься чѣмъ нибудь другимъ. Некрасовъ сейчасъ замѣтитъ мнѣ: „г-жа Соловова, вы, вѣроятно, опять мысленно находитесь въ вашей деревнѣ, а не здѣсь съ нами“. Эти замѣчанія меня сердили и конфузили. Дѣвочки надо мной подсмѣивались и увѣряли меня, что Некрасовъ въ меня влюбленъ и что вѣрно мое сочиненіе выучилъ наизусть, что помнитъ его до сихъ поръ.—Зима этого года для меня была очень веселая, у Коли явилась страсть къ театру и намъ часто брали ложу.

Кромѣ этого онъ устроилъ дома сцену въ залѣ, подмостки почти въ половину комнаты. Нарисовали множество декорацій, для этого приходили какіе то крѣпостные живописцы, ходящіе по оброку. Всѣми работами руководилъ Коля и самъ помогалъ въ живописи. Онъ въ это время былъ въ 5-мъ классѣ и думалъ съ Рождества выйти изъ гимназіи, и дома готовиться къ поступленію въ Университетъ. Въ гимназіи у него были какія то непріятности и изъ 5-го класса человѣкъ 15 рѣшили уйти: всѣ хотѣли вмѣстѣ заниматься, чтобы съ начала будущаго учебнаго года быть уже студентами.—Крестная этому желанію Коли очень сочувствовала. Она очень не любила директора 2-й гимназіи и рада была, что Коля уйдетъ отъ него.

Къ Рождеству мнѣ сшили прехорошенькія цвѣтныя платья, и крестная приказала мнѣ снять трауръ, говоря, что мнѣ слѣдуетъ и

потанцовать и вообще повеселиться, что въ траурномъ нарядѣ неудобно и что годъ траура уже почти прошелъ и что за отца я должна молиться, а черное платье пора уже сбросить. На Святки домой я въ этотъ годъ не ѣздила, при тогдашнемъ сообщеніи ѣхать на двѣ недѣли было немыслимо. Да и мнѣ такъ было хорошо у крестной, что я не скучала о домѣ, какъ прежде. Явились другіе интересы, хотя Карцево съ обитателями было мнѣ дорого и мило по старому.

О нашемъ родномъ уголкѣ эту зиму въ Москвѣ мнѣ приходилось иногда на праздникахъ поговорить по душѣ съ моимъ деревенскимъ пріятелемъ „Гришкой“—сыномъ нашего ткача Герасима. Этого мальчика отдали въ Москву учиться башмачникомъ въ одинъ изъ лучшихъ московскихъ магазиновъ, и этотъ мой деревенскій другъ приходилъ къ крестной. Анисья его всегда ласково принимала, угощала вкусными яствами и давала обильный запасъ съ собой. Когда приходилъ Гришка, я оставляла всегда моихъ другихъ друзей и бѣжала повидаться съ нимъ Послѣ свиданія съ Гришкой, я всегда возвращалась грустная, разстроенная къ моимъ милымъ товарищамъ. Эти свиданія переносили меня въ прошлое, я опять переживала съ нимъ наше милое деревенское дѣтство, которое, чувствовала я, прошло для насъ обоихъ безвозвратно. Мы сами подъ вліяніемъ города стали другими. Да и Гришку мнѣ было жаль, плохо ему жилось въ башмачномъ магазинѣ, но онъ безропотно покорялся этимъ невзгодамъ. Такъ, на мои разспросы, какъ ему живется, онъ всегда отвѣчалъ такъ: „извѣстно какъ, всѣ живутъ такъ, и я такъ, никогда въ мастерскихъ лучше не бываетъ.“ Такіе отвѣты меня огорчали и выводили изъ терпѣнія, я требовала, чтобы онъ разсказалъ о своей жизни подробнѣе и наконецъ начала задавать прямо вопросы, требующіе категорическихъ отвѣтовъ. „Ну, что же, ѣда плохая у васъ?“ спрашиваю. „Извѣстно, плохая, а то какая же бываетъ, да это бы наплевать, а ужъ бьютъ очень, всѣ куда попало.“—„Какъ бьютъ, за что бьютъ?“ спрашивала я въ ужасѣ, а онъ опять грустно апатичнымъ тономъ отвѣчаетъ: „Такъ, ни за что, просто для образованія бьютъ, необразованность нашу деревенскую выбиваютъ изъ насъ... и т. д.“

Изъ него впослѣдствіи вышелъ прекрасный башмачникъ, который нажилъ деньжонки и имѣлъ свою мастерскую въ Коломнѣ. Мои милые московскіе друзья старались своими насмѣшками и шутками возвратить мою всегдашнюю веселость, а Коля, бывало, скажетъ: „ну оставьте ее въ покоѣ, вѣдь эта Софья обо всемъ сохнетъ.“—На Святкахъ у насъ должны были идти безконечные спектакли и живыя картины. Коля и

всѣ его товарищи были очень заняты приготовленіями къ предстоящимъ удовольствіямъ. Крестную и Анисью мы тоже порядочно мучили, нужно было шить множество различныхъ костюмовъ, но въ этомъ дѣлѣ Звягинымъ очень помогла Вѣра Фавстовна, у ней была постоянная домашняя портниха и большая часть работъ была сдана ей.

Къ числу нашихъ товарищей прибавился еще одинъ гимназистъ, ровесникъ Коли: даже постарше его, нѣкто Лаврушевичъ, бѣдный мальчикъ, малороссъ, брошенный родителями. Коля разсказалъ о его бѣдственномъ положеніи матери, она устроила его къ кому то на квартиру, но на своей квартирѣ онъ бывалъ очень мало, а почти все время проводилъ въ домѣ Звягиныхъ. Коля очень къ нему привязался, а также и крестная; онъ умѣлъ какъ то особенно умно завладѣть ихъ привязанностью, которая впослѣдствіи была роковой для всей семьи Звягиныхъ. Объ этомъ мнѣ придется, можетъ быть, сообщить въ моихъ запискахъ впослѣдствіи, а теперь мнѣ не хочется мои дѣтскія и юныя впечатлѣнія омрачать разсказомъ этой страшной исторіи. Передъ Святками меня перевели въ старшее отдѣленіе послѣдняго класса, до окончанія полнаго курса мнѣ оставался одинъ годъ.

Первая пьеса, поставленная въ нашемъ домашнемъ театрѣ, по желанію Коли, была „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Мнѣ онъ навязалъ роль Софьи, а Соня играла Лизу, Коля Скалозуба, Лаврушевичъ—Фамусова, Марковъ—Молчалина, Горскій—Чацкаго. Зрителями были всѣ знакомые и родные крестной, Любавскіе. Селивановы Святки были въ Москвѣ, а Кошелевскіе на зиму не пріѣзжали, а былъ въ Москвѣ не на долго одинъ Павелъ Васильевичъ. Александра Александровна съ своимъ ненаглядным мальчикомъ Колей жила въ деревнѣ.—„Горе отъ ума“ конечно вышло самой смѣхотворной карикатурой; въ сильныхъ патетическихъ мѣстахъ всѣ хохотали до слезъ. Но смѣшнѣе всѣхъ, говорятъ, была я въ роли Софьи. Коля приходилъ въ отчаяніе отъ нашего провала, бранился и сердился на всѣхъ насъ ужасно. Слѣдующимъ спектаклемъ были водевили, тѣ сходили удачно, намъ аплодировали и хвалили.

Эти удачи успокоили и утѣшали нашего главнаго заправилу и режиссера. Живыя картины изъ сценъ русскаго быта были очень милы и красивы, всѣмъ нравились. Мы уже были не дѣти, а подростки. Кромѣ забавъ насъ интересовала и общественная жизнь. Война кончилась, ждали мира, условія котораго для насъ были очень и очень тяжелы, особенно всѣхъ и даже насъ огорчило извѣстіе, что намъ

нельзя будетъ имѣть Черноморскаго флота. Говорили, что скоро послѣ заключенія мира будетъ у насъ уничтожено крѣпостное право, чему мы, молодежь, очень радовались; а старшіе къ тому относились различно, но что меня больше удивляло, это то, что моя добрая чудная крестная, возмущавшаяся тиранами въ родѣ Чулкова и Морсочниковой, не была рада предстоящей реформѣ, не любила даже говорить объ этомъ. Павелъ Васильевичъ, тотъ просто этому не вѣрилъ: помню, говорилъ такъ: „все это пустяки, не можетъ этого быть, много разъ уже объ этомъ заводилась рѣчь, а ничего не вышло.“

Василій Васильевичъ относился къ этимъ слухамъ, мнѣ казалось, такъ же, какъ и крестная, но за то Илья Васильевичъ вполнѣ сочувствовалъ реформѣ, говорилъ, что она давно была необходима, что если будетъ уничтожено крѣпостное право, то будутъ и другія перемѣны въ нашемъ государственномъ управленіи и на этой почвѣ у него съ крестной завязывался самый горячій споръ.

Наконецъ, миръ былъ подписанъ и стало извѣстно, что нашъ молодой Государь 18-го Марта будетъ въ Москвѣ и самъ намъ объявитъ объ этомъ.—Я съ нетерпѣніемъ ждала этого радостнаго событія.

Между занятіями въ пансіонѣ, которыя при новыхъ учителяхъ стали гораздо интереснѣе, особенно были нами любимы уроки русскаго языка у Некрасова. Онъ намъ много читалъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ слушала его чтеніе стиховъ, тогда еще новыхъ и очень популярнаго однофамильца нашего учителя—Н. Ал. Некрасова. Стихи Некрасова были мнѣ очень по сердцу, тамъ все почти было проникнуто сочувствіемъ къ народу и прекрасно описывалась природа и деревенская жизнь. Кромѣ Некрасова онъ насъ знакомилъ и съ другими русскими писателями, читалъ намъ сочиненія Тургенева, Островскаго, „Дѣтство, отрочество и юность“ Л. Н. Толстого, отъ послѣдняго произведенія мы всѣ были въ полномъ восторгѣ. Дома по праздникамъ тоже жилось хорошо и весело, у насъ уже бывали маленькіе юные романы, полные наивной идиліи. У меня тоже были поклонники: Митя Селивановъ возилъ мнѣ, какъ галантный кавалеръ, цвѣты, крошечные букѣты живыхъ цвѣтовъ, которые зимой меня приводили въ восторгъ, а также и маленькія коробочки конфектъ, онъ писалъ мнѣ стихи въ альбомъ, который какимъ то образомъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ у меня. Еще моимъ поклонникомъ былъ Горскій, котораго я терпѣть не могла. Коля рисовалъ на меня и моихъ кавалеровъ прелестныя каррикатуры. Въ Соню

были влюблены остальные наши юноши, особенно усердно ухаживалъ Коля и Марковъ, они часто ссорились на почвѣ ревности и я ихъ всегда мирила, онѣ всѣ шли ко мнѣ съ жалобами и всѣ искали у меня утѣшенія. Такъ прошла вся зима и масленница и вотъ Великимъ постомъ 18-го Марта разнеслась по Москвѣ радостная вѣсть, что Государь пріѣхалъ, и будетъ большой выходъ въ Успенскій Соборъ.

Тогда никакихъ охранъ не было и всѣ бѣжали на встрѣчу Государя и мы съ Колей и Анисьей отправились съ 6 или 7-ми часовъ утра въ Кремль, чтобы занять поближе и получше мѣсто. Ожиданіе наше продолжалось очень долго, я озябла, промочила ноги, но все это я уже почувствовала потомъ, и пока была въ Кремлѣ, всѣ мои мысли были сосредоточены на одномъ, что наконецъ я дождусь такого великаго счастья, увижу Государя. Наконецъ, зазвонили кремлевскіе колокола, загудѣло *ура*, на Красномъ крыльцѣ дворца показалась высокая, стройная фигура Государя. Лицо его мнѣ показалось прекраснымъ, съ чудными добрыми глазами. Государь что то говорилъ, за нимъ шла свита, но слышать мы ничего не могли. Отъ Краснаго крыльца былъ сдѣланъ помостъ, покрытый краснымъ сукномъ, по которому Государь прошелъ въ Соборъ. Послѣ этого мы едва выбрались изъ Кремля и попали домой только въ 2 часа. Я едва отогрѣлась, сейчасъ же сѣла писать домой о моей великой радости, о моемъ счастьѣ, что я видѣла близко Государя и что никогда не забуду этого счастливаго дня.

Пасху мнѣ пришлось почти всю пролежать дома, на первый день послѣ обѣдни у меня сильно заболѣла нога, такъ что я едва сняла ботинокъ, вся ступня распухла, оказалось, что у меня нарываетъ большой палецъ отъ задравшагося ногтя. Пріѣхалъ Расцвѣтовъ съ визитомъ, осмотрѣлъ ногу и сказалъ: „ну, землячка, дѣло плохо, придется полежать праздники.“ Я чуть не заплакала съ горя. Но дѣлать было нечего, надо было ложиться и лежать, протянувши ногу. Хотя мои друзья часто и подолгу сидѣли со мной, но все таки лежать праздники въ чудную погоду, видѣть всѣхъ въ саду было очень и очень тяжело. Къ Ѳоминой нога прошла и я хотя въ туфлѣ, но поѣхала въ пансіонъ. Сѣливановы въ половинѣ Мая уѣхали въ деревню, мы съ Колей на Троицынъ день ѣздили къ нимъ, на этотъ разъ уже безъ Анисьи, какъ большіе, что вамъ обоимъ было очень пріятно. Въ деревнѣ у Селивановыхъ мнѣ еще больше захотѣлось поскорѣе уѣхать въ Карцево, но пришлось пробыть до первыхъ чиселъ Іюня.

Коля, вышедши изъ гимназіи, очень усердно занимался, хотѣлъ непремѣнно съ начала учебнаго года поступить въ университетъ. Ему въ началѣ Ноября должно было исполниться 16 лѣтъ и хотя въ Августѣ ему двухъ мѣсяцевъ съ лишкомъ не доставало до назначеннаго для вступленія возраста, т. е. 16 лѣтъ, но мать какъ то устроила это дѣло и ему было разрѣшено держать вступительный экзаменъ. Коля хотѣлъ для занятій остаться на лѣто въ Москвѣ, но мать не согласилась, и пригласила учителя къ себѣ въ Гремячево. И такъ, мы, не помню хорошо, числа 8—10 выѣхали изъ Москвы. Дома я все нашла по старому и была безконечно рада, что опять дома, но ни въ саду, ни въ парникахъ ничего моего не было. Виссаріонъ въ моемъ садикѣ, т. е. клумбочкѣ насадилъ какихъ то цвѣтовъ по своему вкусу. Мѣстечко въ парникѣ, которое всегда Виссаріонъ оставлялъ для меня, теперь было засажено его любимыми тыквами. Но за то сборъ грибовъ, поѣздки въ боръ, ловля рыбы удочкой въ Индриковѣ, какъ прежде доставляли мнѣ большое удовольствіе. Въ саду я застала жасминъ и розы въ полномъ цвѣту и сейчасъ же надѣлала множество букетовъ во всѣ комнаты. Убрала цвѣтами мой уголокъ въ тетиной комнатѣ.

Такъ пришлось пробыть немного меньше двухъ мѣсяцевъ, которые прошли очень быстро для меня. Я съ матерью ѣздила въ Любово и въ Кошелево, вездѣ меня хвалили, ласкали, особенно мнѣ пріятно было слышать похвалу отъ Александры Александровны. Я знала, что она это говоритъ отъ души лично мнѣ, а не для того, чтобы потѣшать мою мать. Въ Кошелевѣ этотъ годъ на вакацію пріѣхали глухонѣмыя дѣти: Вася и Сережа, наши сверстники по годамъ. Тѣ очень любезно, какъ настоящіе свѣтскіе люди встрѣтили меня. Скоро вынесли къ намъ и крошку Колю, который уже началъ ходить и болтать старшіе братья сейчасъ же стали пантомимами объяснять, что Коля слышитъ и говоритъ, какъ всѣ. Александра Александровна не преминула опять со слезами радости повторить свой разсказъ, какъ она была счастлива, когда еще въ прошломъ году она впервые узнала, что Коля слышитъ.

Мать моя этотъ годъ уже не смотрѣла такой убитой горемъ, какъ это было въ прошломъ году. Занималась хозяйствомъ, но, кажется, не особенно удачно. Намъ дѣтямъ, особенно мнѣ, нашила множество русскихъ костюмовъ, которые сама очень искусно и красиво вышивала. Вообще о моемъ нарядѣ и прическѣ она стала очень заботиться. Ее приводили въ отчаяніе мои непослушные, густые, немного кудрявые волосы, она ихъ никакъ не могла привести въ желательный порядокъ.

Этимъ лѣтомъ былъ одинъ смѣшной эпизодъ, который далъ пищу моему суевѣрію. Помню, шли мы въ лѣсъ по рубежу. Съ обоихъ сторонъ стояла высокая спѣлая рожь и я, шедши рядомъ съ ней, пропускала ее въ рукѣ и вдругъ мнѣ попадается большой полный налитой двойной колосъ, я прежде такого никогда не видала, всѣ мои спутники со смѣхомъ поздравили: „Вотъ такъ находка нашей Нинушкѣ, въ этомъ году невѣстой быть, ей замужъ придется выходить!“ Всѣ, конечно, въ томъ числѣ и я, смѣялись и находили, что на этотъ разъ предсказаніе двойного колоса сбыться ни въ какомъ случаѣ не можетъ.—А, между тѣмъ, черезъ 7 мѣсяцевъ я была уже невѣста, а черезъ годъ съ небольшимъ была уже замужемъ.

15 Августа всѣ по обыкновенію были въ Куковѣ у Алексѣя Васильевича Селиванова, мать ѣздила туда одна съ Наташей и Пелагеей Алексѣевной.—Я же упросила меня оставить дома, такъ какъ это уже были послѣдніе дни моего пребыванія въ Карцевѣ. Звягины вмѣстѣ съ матерью прямо изъ Кукова пріѣхали къ намъ, пробыли у насъ одинъ день, захватили меня, и мы уѣхали въ Москву.—Въ Москвѣ все было полно приготовленіями и ожиданіями предстоящей коронаціи. Дворъ и Царская Фамилія уже пріѣхали, размѣстились высокіе гости въ загородныхъ дворцахъ: въ Нескучномъ и въ Петровскомъ паркѣ, а частью въ Кремлѣ.

Наѣхало множество иностранныхъ гостей.—Вообще вся Москва имѣла торжественный ликующій видъ. Всѣ и все ждали торжества коронаціи. Тогда въ доброе старое время всѣ отъ мала до велика такъ радовались такимъ событіямъ и никто ничего не боялся. Государь (всегда съ Ростовцевымъ) ѣздилъ безъ всякой охраны въ открытой коляскѣ, всюду и вездѣ его сопровождали восторженные крики народа. У насъ въ пансіонѣ, хотя почти всѣ дѣвочки съѣхались, правильныхъ занятій не было, учителя часто пропускали уроки, да и на урокахъ часто разговаривали съ нами о предстоящихъ торжествахъ, сообщали другъ другу, какъ ученицы, такъ и учителя о томъ, гдѣ и какъ видѣли Государя. Нашъ милый учитель исторіи Куцыба описывалъ намъ характеръ Императора, онъ обожалъ Александра II-го. Говорилъ съ увѣренностью, что царствованіе нашего молодого Государя будетъ въ исторіи нашего Государства самымъ счастливымъ царствованіемъ.

Разсказывалъ о приготовленіи къ предстоящимъ торжествамъ въ кадетскихъ корпусахъ, мы уже знали, что на плацу 1-го кадетскаго корпуса готовится градіозный фейерверкъ, что на Ходынскомъ полѣ

будетъ народное гулянье. Насъ послѣ 4-хъ часовъ, если за нами приходили, и въ будни отпускали домой: за мной часто присылали отъ Звягиныхъ. Помню, разъ пришелъ одинъ Коля съ запиской отъ матери, и хотя меня и отпустили, но просили другой разъ присылать кого нибудь постарше. 23-го насъ отпустили домой до 8-го Сентября. Мы все время находились около Кремля, часто видѣли Государыню, Наслѣдника, покойнаго Николая Александровича, который по годамъ былъ нашимъ сверстникомъ. Это былъ настоящій красавецъ съ чудными глазами и прекраснымъ цвѣтомъ лица. Видали постоянно Великихъ князей, всѣ говорили о красотѣ Александры Іосифовны, но почему то у насъ въ интимномъ кружкѣ крестной Константина Николаевича и Александру Іосифовну не любили, считая ихъ недоброжелателями Государя. 26-го Августа была коронація, но мы этотъ день провели очень тихо, такъ какъ не только до Кремля, но даже съ Басманной до Покровки добраться было трудно. Вечеромъ смотрѣли волшебную чудную иллюминацію, такой она намъ казалась тогда, но теперь при роскошномъ свѣтѣ электричества, она, вѣрно, показалась бы очень скромной.

Не помню, какъ то въ первые же дни послѣ коронаціи какой то торжественный пріемъ былъ во дворцѣ и подъ предводительствомъ очень юнаго офицера, брата мужа Алевтины Васильевны, Готарда Карловича, служившаго въ какомъ то гренадерскомъ полку, пришедшемъ въ Москву на коронацію, мы пошли въ Кремль. Этотъ юный офицеръ жилъ все время своего пребыванія въ Москвѣ въ домѣ Звягиныхъ и всюду бывалъ съ нами. Ему, какъ военному, всегда удавалось провести насъ, какъ своихъ родственниковъ, на хорошія мѣста. И вотъ въ день этого торжественнаго съѣзда въ Кремль мы видѣли проѣздъ всѣхъ иностранныхъ гостей, пріѣхавшихъ на коронацію. Помню, особеннымъ богатствомъ и пышностью блисталъ выѣздъ австрійскаго посла Эстергази, а также интересны были турки въ своихъ чалмахъ и персы въ національныхъ костюмахъ. Помню также, вскорѣ послѣ коронаціи Государь, Государыня, Наслѣдникъ и вся царская фамилія проѣзжала по нашему Гороховому переулку, мимо нашего дома въ 1-й кадетскій корпусъ и мы всѣ (да къ намъ еще собралось много знакомыхъ!) заняли мѣста у оконъ и прекрасно видѣли Государя и всю Царскую Фамилію. Погода весь Августъ и до 8-го Сентября стояла чудная, ясная, солнечная. 8-го Сентября былъ народный праздникъ. Крестная дала намъ коляску, въ которой помѣстились всѣ мы съ Алевтиной Васильевной и попали мы въ цѣпь катающихся. Угощеніе народное, какъ говорили тогда, было роздано и съѣдено раньше назначеннаго срока, такъ какъ, говорятъ,

провизія была испорчена и ее хотѣли поскорѣе уничтожить. Но фонтаны съ напитками продолжали дѣйствовать и мы видѣли, какъ толпы съ ковшами подходили къ нимъ и пили, все шумѣло, пѣло, веселилось, но никакой тѣсноты, никакой давки не было. Катающаяся публика ѣздила по назначенной для этого дорогѣ около всего Ходынскаго поля, мимо дворца въ Петровскомъ паркѣ. Погода испортилась, шелъ осенній мелкій дождь, но выбраться изъ круга было невозможно. Ѣзда была самымъ тихимъ шагомъ, мы страшно проголодались. Алевтина Васильевна у какого то разнощика купила намъ за баснословно дорогую цѣну тартинки съ сыромъ. Домой вернулись, когда уже совсѣмъ стало темно. Послѣ народнаго праздника Царская Фамилія ѣздила къ Троицѣ и, по возвращеніи оттуда, 15 Сентября на плацу около кадетскихъ корпусовъ былъ сожженъ грандіозный фейерверкъ. мы имѣли прекрасныя мѣста, всѣхъ насъ опять провожалъ Готардъ Карловичъ Бьерклюндъ.

Мнѣ было очень пріятно, что онъ за мной ухаживалъ и обращался какъ съ настоящей взрослой барышней, а не какъ со школьницей пансіонеркой, какъ это дѣлали мои друзья-товарищи. Фейерверкъ мнѣ показался настоящей волшебной сказкой, весь плацъ имѣлъ видъ чуднаго цвѣтника изъ электрическихъ цвѣтовъ. Тогда электрическія лампочки были новость и о нихъ говорили какъ о чудѣ. говорили, что освѣщеніе этого цвѣтника стоило баснословно дорого. Царская Фамилія сидѣла на балконѣ 1-го кадетскаго корпуса. Зданіе этого корпуса было прежній Лефортовскій дворецъ. Говорили, что Государыня пустила какую то птичку, отъ которой и загорѣлся фейерверкъ, но мы конечно ничего этого не видали, а видѣли, какъ запылали огненные фонтаны, полетѣли ракеты, римскія свѣчи. Во все время громадный хоръ военныхъ пѣсенниковъ пѣлъ гимнъ и другія національныя патріотическія и военныя пѣсни. Погода была прекрасная, такъ что мы всѣ вполнѣ насладились этимъ зрѣлищемъ, и оно было послѣднее въ коронаціонныхъ торжествахъ. Послѣ 15 Государь и вся Царская Фамилія уѣхали въ Петроградъ. Настали будни, начались правильныя занятія въ нашемъ пансіонѣ. Но во всемъ строѣ нашей школьной жизни чувствовалось что то другое. Особенно это стало замѣтно на урокахъ Русскаго языка. Нашъ Некрасовъ постоянно приносилъ съ собой книги, которыя говорили о значеніи женщины въ общественной и политической жизни, много говорилъ о рабствѣ народа, о произволѣ помѣщиковъ, постоянно читалъ и декламировалъ стихи Некрасова, мы почти всѣ бывшія въ печати его стихи знали наизусть. Говорилъ, что уничтоженіе крѣпостного права уже рѣшено и что эта великая

реформа будетъ въ недалекомъ будущемъ. Читалъ намъ комедію Фонъ-Визина „Недоросль.“ Когда я приходила домой къ Звягинымъ, тамъ были тѣ же разговоры. Коля въ Сентябрѣ выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ университетъ на естественный факультетъ, былъ уже въ студенческомъ мундирѣ, которымъ очень гордился. Товарищи наши были все тѣ же: Марковъ, Горскій, Юркинскій и новый товарищъ Лаврушевичъ. Коля сталъ къ нему ближе всѣхъ, крестная тоже души въ немъ не чаяла, какъ говорится, онъ умѣлъ понравиться; шептался съ прислугой, которая тоже его обожала, сидѣлъ цѣлые часы съ крестной, она съ нимъ читала Евангеліе, съ Колей былъ веселъ, насмѣшливъ и сталъ первымъ его совѣтникомъ и другомъ. Мнѣ онъ почему то всегда былъ непріятенъ, хотя очень былъ со мной любезенъ, старался всегда сдѣлать что нибудь пріятное, но я инстинктивно чувствовала въ немъ ложь, фальшь, притворство и лесть со всѣми, то, чего никогда между нами не бывало.

Селивановы въ Москву эту зиму не переѣзжали, а дома жили въ деревнѣ и потомъ уѣхали гостить къ роднымъ Вѣры Фавстовны, а оттуда отправились за границу. Говорили, что этого требовало здоровье Вѣры Фавстовны, но крестная часто о нихъ толковала съ милой нашей Натальей Николаевной Селивановой, у нихъ, кажется, опять вышла въ семьѣ ссора на почвѣ ревности. Дома у насъ устраивались чтенія все на тѣ же темы, все читалось о рабствѣ и подчиненіи женщины, что касается послѣдняго, то я въ зависимости женщины ничего не понимала и этотъ вопросъ меня не интересовалъ.

Но свободы крѣпостныхъ я ждала съ нетерпѣніемъ. Моя чудная добрая крестная не сочувствовала этому. Она съ горькой обидой возмущалась нападками на помѣщиковъ, говорила такъ: „неужели вамъ не стыдно въ вашихъ предкахъ и даже отцахъ разбирать только худое, неужели же между ними нѣтъ хорошихъ людей? Да, вотъ, напримѣръ, мои братья, особенно братъ Валя, и ея покойный отецъ,—говорила она, указывая на меня,—вѣдь, они, кромѣ хорошаго, ничего своимъ крѣпостнымъ ничего не дѣлаютъ и недавно Кузьма Ивановичъ, самъ бѣдный человѣкъ, а съ крестьянъ лишняго ничего не бралъ оброка, поборы натурой почти всѣ уничтожилъ.“ — „Полно, мать,—говорилъ Коля,—акаѳисты читать добродѣтелямъ помѣщиковъ. Конечно, вездѣ есть и хорошіе люди, да при существующемъ крѣпостномъ строѣ это капля въ морѣ. Мы говоримъ объ общемъ злѣ, которое скоро будетъ уничтожено, ну и, слава Богу, мы, молодежь, этому радуемся. Ты послушала бы, что у насъ говорятъ студенты, всѣ только и толкуютъ о предстоящихъ

перемѣнахъ, всѣмъ тогда много найдется дѣла по сердцу. Вотъ дождешься 60-хъ годовъ, увидишь, что тогда будетъ." —„Поживемъ, увидимъ, говорила крестная,—а я думаю, все больше одна болтовня будетъ; а хорошаго изъ нея ничего не выйдетъ." Такъ шла зима до Рождества, уже оставалось недолго, въ 20-хъ числахъ Декабря у насъ въ пансіонѣ должны были быть выпускные экзамены и актъ, а также и балъ, настоящій, съ оркестромъ музыки. Мы всѣ ждали этого событія, особенно тѣ, кто кончалъ курсъ и выходилъ изъ пансіона, я была въ числѣ этихъ дѣвицъ. Мнѣ хотѣлось къ Святкамъ уже быть дома совсѣмъ. Зима въ этомъ году была необыкновенная, въ Декабрѣ снѣгу не было, ѣзда была на колесахъ; въ Ноябрѣ были морозы и рѣки стали, но съ конца Ноября пошли дожди и ледъ сломался, ѣзда по дорогамъ, особенно дальнимъ, была почти невозможная.—Крестная мать говорила, что, по всей вѣроятности, праздники я проведу въ Москвѣ, такъ какъ за мной пріѣхать будетъ невозможно, увѣряла, что на святкахъ въ Москвѣ мнѣ будетъ весело. Коля тоже увѣрялъ меня въ этомъ.

Мнѣ къ акту сшили прелестное бѣлое кисейное платье и купили широкую розовую ленту на кушакъ. Когда принесли мой нарядъ и меня нарядили въ него, крестная заставила меня всѣмъ въ немъ показаться. Наталья Николаевна и какіе то гости барыни, его одобрили; а Коля сказалъ: „Батюшки, вотъ такъ чудеса, два года назадъ явилась „золушка", а теперь настоящая барышня, хоть куда; Богъ дастъ на Святки въ свою трущобу не попадешь и мы снова будемъ съ тобой отплясывать на всѣхъ вечерахъ въ этомъ платьѣ. Кавалеровъ у тебя будетъ много, хоть отбавляй, пожалуй, еще подерутся изъ-за тебя". Но меня предположеніе провести Святки въ Москвѣ совсѣмъ не радовало, очень хотѣлось домой.—Экзамены у насъ этотъ годъ были обставлены очень торжественно. За экзаменаціоннымъ столомъ сидѣли высокопоставленныя особы со звѣздами, архіерей въ клобукѣ. Экзаменовались въ этотъ день мы, выпускныя. Экзаменъ сошелъ хорошо, всѣ насъ хвалили. Насталъ актъ, на столахъ были разложены наши рисунки, листы съ каллиграфическимъ письмомъ, все на прекрасной ватманской бумагѣ, а также разныя вышитыя вещи по канвѣ и по „папье-посе", но нашихъ трудовъ, кромѣ вышиванья, во всемъ остальномъ было очень мало, все было такъ поправлено нашимъ учителемъ чистописанія и рисованія, что мы съ большимъ трудомъ сами находили нашу работу. — Вечеромъ былъ балъ, собрались наши кавалеры, родственники дѣвицъ. Коля и Лаврушевичъ тоже были на этомъ балу. Послѣ былъ ужинъ съ пирожнымъ, а вечеромъ на подносахъ разносили фрукты и конфеты. Прошла послѣдняя ночь

въ пансіонѣ, на-утро я распрощалась съ подругами, Маріей Игнатьевной. Никакого горя при разлукѣ я не чувствовала, ни къ кому здѣсь особой привязанности я не имѣла. Съ учителями мы разстались наканунѣ послѣ бала. всѣ они намъ сказали много пріятныхъ вещей, мнѣ очень было жаль подумать. что я больше никогда не увижу Куцыбу, и Некрасова, уроки чьи я очень любила.

Дома меня всѣ поздравляли, крестная даже устроила маленькій пиръ, за обѣдомъ пили какое то сладкое шипучее вино. а послѣ пили шоколадъ съ пирожнымъ. Всѣ говорили, что проѣхать 100 съ лишнимъ верстъ за мной по такому пути невозможно. и я совсѣмъ уже. хотя и съ горемъ, смирилась съ мыслью, что Святки буду въ Москвѣ. Прошло дня два, я спала въ одной комнатѣ съ крестной. рано утромъ слышу какой то шорохъ, возню, просыпаюсь и не вѣрю глазамъ,—около меня стоитъ закутанная, въ капорѣ, тетя, моя милая чудная тетя Александра Павловна. Она, трусиха на ѣзду, со страхомъ ѣздившая по дурной дорогѣ въ церковь,—пріѣхала за мной по такому ужасному пути. Крестная сама начала ее раздѣвать и распрашивать, какъ она доѣхала. „Ничего,—отвѣчала тетя,—слава Богу, очень хотѣлось Ниночку къ празднику привезти домой, мать скучаетъ объ ней и ждетъ ее!“ все это она говорила какъ бы оправдываясь въ своей винѣ, что пріѣхала сама за мною. „Полно, моя голубушка, видно, вѣдь, кому нужна больше Анюта, вамъ или матери. Баловница вы этакая, что же съ вами подѣлаешь. Ну, Анюта, есть ли у кого на свѣтѣ такой другъ, такое сокровище, какъ у тебя твоя тетя!—сумѣй же ей заплатить за всю ея безконечную любовь къ тебѣ. Ея пріѣздъ за тобой, это вѣдь подвигъ.“—День тетя отдохнула и черезъ день мы отправились въ путь. Коля страшно досадовалъ, что я уѣзжаю. Я съ крестной простилась со слезами и тутъ только почувствовала, какъ я люблю ее и какъ она мнѣ дорога, она также была тронута и говорила: „ну полно, дурочка. мы скоро сами будемъ въ Гремячевѣ, вѣдь теперь—какъ весна, такъ и укатимъ изъ Москвы, это не гимназія, гдѣ бывало ждемъ окончанія ученья до половины Іюня. Лѣтомъ погостишь у насъ и мы съ Колей пріѣдемъ къ вамъ.“ И такъ мы разстались и пустились въ путь. Тарантасъ или коляска, не помню, была закрытая съ верхомъ. тетя пріѣхала съ Аксиньюшкой своей, мы усѣлись удобно, намъ было тепло, дорога по шоссе была прекрасная, бойкая. ѣхали мы на почтовыхъ, на каждой станціи мѣняли лошадей; но переправы черезъ рѣки были ужасныя, почти невозможныя. Около Коломны Москву рѣку переѣзжали на паромѣ, паромъ шелъ на веслахъ, около плавали куски льда: а Ока представляла изъ себя что то ужасное, на ней нагромождены

были громадныя горы спутаннаго стиснутаго льда, по этимъ льдинамъ надо было перебираться пѣшкомъ. Ямщикъ съ лошадьми и экипажемъ остался на Коломенской сторонѣ: а за нами со стороны Щурова были высланы матерью наши лошади, тоже въ большомъ закрытомъ экипажѣ и провожать насъ по рѣкѣ выѣхалъ Ѳедоръ Ильичъ. Онъ и кучеръ Тихонъ несли насъ большею частью на рукахъ.

Ямщикъ сзади несъ наши вещи. Между льдинами виднѣлись узкія полосы незамерзшей воды. Когда тетя ѣхала въ Москву, еще ходилъ хотя съ опасностью паромъ, но послѣ несчастной переправы, ѣзда на паромѣ была запрещена. Ока была очень широка, шли мы безъ конца и вотъ, о, счастье!—наконецъ, берегъ,—и мы сошли на него благополучно. Тетя молилась и плакала отъ радости. Усѣлись мы въ свой экипажъ и счастливыя покатили по шоссе. Ѳедоръ Ильичъ сказалъ, что къ намъ неожиданно пріѣхалъ младшій братъ моего отца отъ второго брака моего дѣда Ивана Степановича, дядя Матюша, какъ мы его звали. Мой отецъ взялъ его изъ Смоленска, когда ему было лѣтъ 14 или 13. Онъ сначала жилъ въ Карцевѣ и занимался съ ними вмѣстѣ, но не долго, его вскорѣ отдали въ Зарайскъ къ учителю, гдѣ онъ подготовился для поступленія въ военную службу, въ настоящее время онъ уже былъ офицеромъ. Съ матерью послѣ смерти отца часто переписывался. Я обрадовалась этому извѣстію, предполагая, что съ дядей Матюшей насъ будутъ отпускать и кататься и къ знакомымъ. Всю дорогу, пока мы ѣхали, отъ Щурова до Карцева шелъ хлопьями снѣгъ очень сильный. Ѳедоръ Ильичъ часто съ козелъ заглядывалъ къ намъ въ окно и съ радостью объявлялъ: „Снѣгъ то какой валитъ, завтра же будетъ путь. Слава Богу, а то всѣ дѣла стали.“ Мать встрѣтила насъ по обыкновенію съ восторгомъ, доходящимъ до истерики. Матюша, Настя, Пелагея Алексѣевна, Ольга Сергѣевна, всѣ выбѣжали на крыльцо насъ встрѣчать. Я была очень счастлива, что опять дома въ деревнѣ, въ моемъ миломъ Карцевѣ. Узнала, что Лиза Гололобова и Анюта тоже закончили свое воспитаніе у Елизаветы Владиміровны, что отецъ ихъ вышелъ въ отставку и взялъ ихъ изъ Клементьева отъ бабушки и поселился въ Торжневѣ, меньше чѣмъ въ верстѣ отъ насъ и что онъ, самъ Ардаліонъ Васильевичъ, съ дочерьми почти каждый день бываютъ у насъ. Это извѣстіе тоже меня радовало.

Пріѣхали мы домой въ самый сочельникъ, пришелъ священникъ. Я съ великимъ наслажденіемъ опять по старому стала ожидать праздника Рождества Христова. Въ этотъ же день, немного раньше насъ, пріѣхала изъ Бойчицъ тетя Варвара Ивановна. Все какъ бывало

всегда, вечеромъ ходили въ баню, ловили съ фонаремъ въ ригѣ воробьевъ. Утромъ на Рождество были у обѣдни. За завтракомъ мать сказала дядѣ Матюшѣ: „Я тебя, другъ мой, попрошу сейчасъ до обѣда съѣздить въ Луховицы къ лѣсничему Порчевскому, онъ съ женой сдѣлалъ намъ визитъ, а мы у него не были, поѣзжай, извинись за насъ и проси ихъ къ намъ на Новый годъ, они оба очень милые люди и намъ съ сестрой понравились.“ Матюша съ радостью исполнилъ желаніе матери и вернувшись сказалъ, что на Новый Годъ они пріѣдутъ непремѣнно, что у нихъ гоститъ братъ жены Порческаго молоденькій офицеръ Гренадерскаго Астраханскаго полка, стоящаго въ Зарайскѣ, что офицера зовутъ Ардаліонъ Людвиговичъ, фамилія Лелонгъ, но что на француза онъ не похожъ. Мать со смѣхомъ сказала: „ну вотъ и еще Ардаліонъ, у насъ теперь въ домѣ будетъ бывать три Ардаліона: Ардаліонъ Васильевичъ Гололобовъ, новый офицеръ и нашъ постоянный слуга, башмачникъ, лакей и охотникъ, мужъ няни Ардаліонъ Семеновичъ.“ Путь сталъ первую недѣлю Святокъ. Мы съ Матюшей ѣздили въ Кошелево, Александра Александровна, какъ всегда милая, ласковая, разцѣловала меня и расхвалила: „совсѣмъ стала большая, невѣста, стану тебѣ жениха искать!“

Въ Любовѣ только что родилась у Марьи Дмитріевны дочка Оля и она была больна послѣ родовъ, у ней долго болѣла всегда нога и она должна была лежать. Мы, чтобы не безпокоить ее, къ ней изъ Кошелева, какъ предполагали раньше, не поѣхали. Наканунѣ Новаго Года также была всенощная и новогодній молебенъ. Утромъ послѣ обѣдни къ намъ изъ Кошелева пріѣхали Гололобовы, изъ Торжнева къ обѣду пріѣхали Павелъ Васильевичъ и Александра Александровна, но пробыли недолго. Александра Александровна спѣшила къ своему малюткѣ Колѣ, которому немного нездоровилось, какъ говорила она, но Павелъ Васильевичъ увѣрялъ, что Коля совершенно здоровъ, но Александра Александровна всегда сидитъ какъ на иголкахъ и вѣчно спѣшитъ къ своему ненаглядному сыночку.—Вечеромъ всѣ наши гости уѣхали, кромѣ Гололобовыхъ; Лизу я упросила остаться у насъ погостить.

Часовъ въ 6 пріѣхали Парчевскіе оба, мужъ и жена, а съ ними и ея братъ офицеръ Лелонгъ. Толстенькій, маленькій, мы съ Лизой прозвали его „Ванька-встанька“, тогда были у насъ такія куклы, круглыя внизу, ихъ нельзя положить, онѣ сейчасъ же становятся опять. Жена Парчевскаго, Апполинарія Людвиговна, хорошенькая миніатюрная женщина, очень намъ понравилась, особенно дядѣ Матюшѣ.—Самъ

Парчевскій былъ высокій статный и также очень красивый мужчина. Вечеромъ мы танцовали подъ органъ, играли въ разныя игры и намъ всѣмъ было весело. Парчевскіе просили насъ 4-го Января къ себѣ, Апполинарія Людвиговна праздновала свои именины. Насъ туда отправили съ дядей Матюшей и Ольгой Сергѣевной. Поѣхали я, Настя, Лиза и дядя съ Ольгой Сергѣевной. Тамъ насъ приняли очень радушно, угощали на славу, играли также въ разныя игры, собирали мнѣнія. Я получила столько похвалъ, что не помнила себя отъ восторга. Играли въ фанты, въ свои сосѣди и т. д. Поздно, почти утромъ, вернулись домой, за что Ольга Сергѣевна и Матюша получили отъ тети и матери выговоръ. Я, раздѣваясь, замѣтила, что потеряла свой широкій бархатный бантъ, которымъ были у меня сколоты косы. Я знала, что мнѣ достанется отъ матери, если она узнаетъ объ этомъ, да и самой было очень стыдно, что я такая растрепа. Заснувши, вижу сонъ:—пріѣхалъ Лелонгъ и привезъ свертокъ. Я въ прихожей встрѣтила его и онъ передавая говоритъ: „Вотъ Вашъ бантъ.“ Развертываю и что же!—тамъ, вмѣсто банта лежатъ два кольца, надѣваетъ мнѣ на палецъ оба и одно соскакиваетъ, а Лелонгъ надѣваетъ его на свой палецъ, говоря: „А это будетъ мое.“ Я спала вмѣстѣ съ Лизой, бужу ее, разсказываю ей сонъ, она говоритъ: „Если ты это, правда, видѣла, а не обманываешь меня, то выйдешь за этого офицера замужъ“. „Ну ужъ этого никогда не будетъ, не пойду я за этого Ваньку-Встаньку.—Вотъ если бы онъ былъ такимъ, какъ Парчевскій, я бы за него пошла.“—„Да, Парчевскій что то ужъ очень за тобой ухаживаетъ, какъ бы его жена не стала его ревновать за это.“—„Ну вотъ, что выдумала, она сама весь вечеръ проболтала съ Матюшей и на насъ никакого вниманіе не обращала.“ Парчевскіе со Святокъ, чуть не каждый день съ братомъ бывали у насъ или мы у нихъ.

Самъ Парчевскій совсѣмъ очаровалъ мать и тетю, а также и его жена, братъ сталъ мнѣ нравиться, мнѣ съ нимъ было весело; онъ и вся его семья, какъ говорится, меня на рукахъ носили. Въ концѣ Января самъ Парчевскій о чемъ то велъ продолжительныя бесѣды съ матерью и тетей, а сама Парчевская постоянно мнѣ говорила, что Ардоша влюбленъ въ меня, что его огорчаетъ, что я не замѣчаю его любви, да и самъ Ардоша говорилъ часто, что онъ умретъ съ горя, если ему придется уѣхать изъ Луховицъ. Лиза перестала надъ нимъ подсмѣиваться и стала его мнѣ расхваливать, такъ шло до масленницы. 16 Февраля у насъ были на блинахъ Парчевскіе и Лелонгъ, все утро до блиновъ Парчевскіе, запершись съ матерью и тетей, о чемъ то долго говорили, мать плакала, а Ардоша былъ самъ не свой и только ска-

залъ: „Сегодня рѣшается моя участь.“ За блинами всѣ говорили какими то намеками и я понимала. что дѣло идетъ обо мнѣ. Послѣ блиновъ мать строго сказала намъ: „поѣзжайте сейчасъ кататься!“ и приказала запречь лошадей. „И мнѣ Людмила Павловна, позволите съ ними поѣхать!“ — „Нѣтъ,—сказала мать,—Васъ я попрошу остаться съ нами; намъ нужно серьезно поговорить.“ Мать все это говорила сердито, какъ мнѣ казалось, что стала бояться ссоры между моими и Парчевскими, думала, узнавъ о любви ко мнѣ Ардаши, запретить ему ѣздить къ намъ. Мнѣ стало его очень жаль, мнѣ съ нимъ было весело, я за этотъ мѣсяцъ привыкла къ нему. Я очень пожалѣла, что Матюша наканунѣ уѣхалъ въ полкъ, онъ бы какъ нибудь уладилъ это.—Катались мы долго, ѣздили до Луховицъ. Возвратившись домой, застали всѣхъ въ торжественномъ какомъ то настроеніи. Мать позвала меня наверхъ, въ нашу съ тетей комнату, тетя была уже тамъ и имѣла очень разстроенный видъ. Мать обратилась ко мнѣ: „Ты, Нина, навѣрное подозрѣваешь, о чемъ мы цѣлый день говорили съ Парчевскими и съ Ардаліономъ Людвиговичемъ. Я только узнала сегодня, что Лелонгъ уже говорилъ тебѣ давно о своей любви, и что ты слушала эти объясненія съ удовольствіемъ, ты все это скрывала отъ насъ. не говорю уже отъ меня, но даже и отъ тети, это очень дурно съ твоей стороны.“ — „Перестань, Людмила, говорить пустяки, скажи ей дѣло, за чѣмъ мы ее позвали,“ сказала тетя. „И вотъ,—продолжала мать,—Лелонгъ за тебя сватается, онъ мнѣ нравится такъ-же, какъ и семья Парчевскихъ. Мы съ тетей стары, намъ нужна опора, и если тебѣ Лелонгъ нравится, выходи за него замужъ. Онъ обѣщаетъ быть мнѣ настоящимъ сыномъ, будетъ жить съ нами въ Карцевѣ. Ну теперь ступай, вѣроятно Лелонгъ найдетъ возможнымъ сегодня поговорить съ тобой; скажи ему то, что тебѣ подскажетъ свое сердце. Я повторяю, на твой бракъ согласна, хотя и нахожу, что ты еще совсѣмъ ребенокъ и тебѣ рано еще думать о свадьбѣ. Особенно Парчевскимъ трудно было уговорить тетю; иди, успокой ее и приласкай.“ Мать прибавила: „Ты знаешь ли, что послѣ смерти отца я назначена вашей опекуншей, а попечителемъ у васъ Алексѣй Васильевичъ Селивановъ, онъ Губернскій Предводитель и зиму живетъ въ Рязани, если ты рѣшишь выйти замужъ, напиши ему. Свадьба твоя можетъ быть не раньше конца Августа.“

Мать ушла, я взглянула на тетю и мы обѣ расплакались. „Тетя, золотая моя, хорошая,—говорила я,—если не хочешь, ни за что не пойду замужъ, ты мнѣ дороже всѣхъ жениховъ на свѣтѣ!“ „Нѣтъ дѣвочка, поступай такъ, какъ тебѣ укажетъ Господь. Правда ты совсѣмъ еще ребенокъ, да. мы то стары, вѣдь мнѣ уже 63 года

и матери за 50 давно, и здоровье у меня плохое, намъ нужна поддержка; а семья Парчевскихъ мнѣ очень по душѣ. Умойся, т. е. промой глаза, видно, что плакала, поправь волосы и иди внизъ.“ Я посмотрѣла въ зеркало, я была въ малороссійскомъ костюмѣ, въ который нарядилась какъ пріѣхала домой, юбка была шерстяная клѣтчатая, вышитая красиво разноцвѣтной бумагой, бѣлая рубашка и множество бусъ на шеѣ, посмотрѣла на себя и осталась довольна собой и побѣжала внизъ. Только что я пришла, Парчевскій сказалъ: „Давайте танцовать кадриль. Я уже пригласилъ Елизавету Ардаліоновну, Апполинарія Людвиговна сказала: а я танцую съ Настенькой. Ардоша конечно, ни съ кѣмъ не станетъ танцовать, кромѣ Ниночки. Ты, Саша, по окончаніи своей фигуры будешь переходить къ намъ, я хочу танцовать, чтобы ты былъ моимъ визави.“ Позвали мою молоденькую горничную Грушу, дочь моей кормилицы, и она стала вертѣть органъ. Началась кадриль. Когда окончилась первая фигура и Парчевскій съ Лизой перешли къ Апполинаріи Людвиговнѣ и Настѣ. Мы остались вдвоемъ съ Ардошей. „Вы знаете, что я хочу сказать Вамъ?“ сказалъ онъ.—„Знаю,“ отвѣчала я.—„Ну что же, скажите скорѣе: согласны ли быть моей (онъ запнулся) невѣстой, а потомъ и женой?“

„—Невѣстой быть согласна,—отвѣтила я смѣясь,—а что будетъ потомъ, не знаю.“—Онъ взялъ мою руку и крѣпко поцѣловалъ. „Ну, сказалъ онъ,—я счастливъ, что могу назвать васъ невѣстой, а что будетъ дальше, это уже мое дѣло, я постараюсь, чтобы вы поскорѣе согласились позволить назвать васъ другимъ, несравненно болѣе дорогимъ для меня именемъ! Словами я не могу выразить то счастье, которое дало мнѣ Ваше согласіе. Я знаю только, что 16 Февраля самый счастливый день моей жизни.“

Рѣшено было до Пасхи никому не говорить о нашей помолвкѣ, и мнѣ строго было запрещено даже подругамъ говорить о ней. Но въ тотъ же день вечеромъ разсказали всѣмъ подъ секретомъ, что выхожу замужъ. Лелонгъ постомъ часто къ намъ ѣздилъ, почти каждый день, но насъ ни на одну минуту не оставляли вдвоемъ. При нашихъ свиданьяхъ непремѣнно кто нибудь присутствовалъ. Ардоша этимъ страшно возмущался, особенно Ольгой Сергѣевной, которая постоянно слѣдила за нами. Въ концѣ Пасхи была наша офиціальная помолвка. Я нарядилась въ бѣлое кисейное платье, то самое, что было на мнѣ въ пансіонѣ на балу послѣ акта. Собрались всѣ знакомые: были Мельгуновы, братъ и сестра, Селивановы изъ Любова и изъ Кошелева, моя милая Александра Александровна при-

везла бѣлыхъ нарциссовъ и сама приколола одинъ букетикъ къ поясу, а другой на грудь. (Эти цвѣты у моего мужа сберегались чуть не до конца его жизни, въ его любимой шкатулочкѣ). Звягины по дорогѣ не могли пріѣхать, Коля написалъ мнѣ смѣшное письмо, начиналось оно такъ: „Когда люди дѣлаютъ глупости, ихъ съ этимъ не поздравляютъ; я зналъ, что тебя можно уговорить на всякую жертву, разъ тебя очень просятъ, вотъ теперь попалась на эту удочку, вѣрно ужъ очень тебя разжалобилъ твой Ардоша, что ты, какъ говоритъ пословица, не спросясь броду, кинулась въ воду. Я, конечно,—писалъ онъ,—буду твоимъ шаферомъ на свадьбѣ и другого тебѣ шафера привезу самъ. Пожалуйста, изъ офицеровъ, товарищей своего жениха никого не приглашай.“—Крестная, кажется, тоже не была довольна, что меня такъ спѣшатъ отдать замужъ. Весной къ намъ часто пріѣзжали товарищи мужа офицеры, мы ѣздили въ боръ цѣлой кампаніей, на Оку. Потомъ вскорѣ мой женихъ съ своимъ полкомъ ушелъ въ лагерь въ Москву на Ходынское поле.

Первое время мнѣ было скучно безъ него, но скоро я вошла въ свою деревенскую колею и почти забыла, что я невѣста, только мнѣ объ этомъ напоминали частыя письма моего жениха: писалъ, что тоскуетъ безъ меня, что въ Москвѣ ему все противно. Я отвѣчала коротенькими письмами и то не часто. Мы ходили въ Строилово за цвѣтами и грибами и въ Индриково удить рыбу. Послѣ Троицы ѣздили въ Михайловскій уѣздъ, звать на свадьбу Морсочниковыхъ, тамъ всѣ были удивлены моей помолвкой и Елизавета Ивановна сказала матери: „Ну и надумали же вы, милая, я все мечтала, что Нинушка будетъ моей невѣсткой, что вы ее отдадите за моего Митюшку. Никакъ, никакъ не ожидала, чтобы вы такъ поспѣшили.“

Потомъ заѣзжали въ Бойчицы, звали тетю Варвару Ивановну и, наконецъ, попали въ Гремячево, тамъ пробыли три дня. Ходили съ Колей въ „Валдай“ вспоминали тамъ Григоровича, его описаніе этихъ мѣстъ. Опять у насъ пошли московскіе разговоры о предстоящихъ перемѣнахъ въ государствѣ. Студенты что то затѣвали, у Коли былъ какой то значекъ, по которому они могли узнавать своихъ единомышленниковъ, у нихъ въ это лѣто гостилъ Лаврушевичъ и онъ былъ съ нами всегда. Коля показывалъ карикатуру изъ какого то журнала, гдѣ былъ изображенъ Александръ II-й въ костюмѣ повара, а передъ нимъ множество пѣтуховъ, а внизу надпись: „Господа, я призвалъ васъ сюда затѣмъ, чтобы спросить васъ, подъ какимъ соусомъ васъ изготовить, подъ краснымъ или бѣлымъ“. Пѣтухи изображали помѣщиковъ дворянъ.

которыхъ Государь пригласилъ въ Петербургъ на совѣтъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Коля надо мной смѣялся, что я невѣста, рисовалъ на меня и на моего жениха карикатуры, изображающія нашу будущую семейную жизнь. (Эти карикатуры еще кое какія цѣлы у меня). Вернувшись отъ Звягиныхъ, мать стала собираться въ Москву, дѣлать мнѣ приданое; остановиться намъ крестная предложила въ своемъ домѣ, о чемъ написала туда.

Пріѣхавши въ Москву, дали знать Ардошѣ о нашемъ пріѣздѣ, онъ, конечно, явился тотъ часъ же. Просилъ у матери позволенія взять для насъ ложу въ театрѣ въ Петровскомъ паркѣ, и когда моя бѣлая прелестная шляпа была готова и также и блѣдно розовое кисейное платье, мы поѣхали въ театръ, тамъ было множество офицеровъ, товарищей моего жениха, всѣ были очень любезны. При отъѣздѣ изъ театра, мнѣ было поднесено множество букетовъ, а отъ жениха получила прелестную бонбоньерку, все это тѣшило меня какъ ребенка.

По возвращеніи Гренадерскаго полка изъ лагеря, была назначена моя свадьба 30 Августа 1857 года. Всѣ пріѣхавшіе издалека, какъ напримѣръ Морсочниковы, тетя Варя и крестная съ Колей, пріѣхали наканунѣ; 29 утромъ мы были въ церкви, я служила паннихиду по отцѣ. Посаженнымъ отцомъ у меня долженъ былъ быть Василій Васильевичъ Селивановъ, посаженной матерью моя милая крестная Анна Васильевна Звягина, шаферомъ былъ Коля, а другимъ Готардъ Карловичъ Бьерклюндъ. 30 Августа мнѣ не приказано было сходить съ верху. Я сидѣла тамъ со своими подругами, но Коля пробрался къ намъ черезъ балконъ. Въ 4 часа меня стали одѣвать къ вѣнцу. Платье у меня было бѣлое тюлевое, въ нѣсколько тюниковъ, т. е. юбокъ, одна короче другой, на бѣломъ шелковомъ чехлѣ. Прической занялись Морсочниковы барышни, они на это были великія мастерицы, серьги надѣвала Марія Дмитріевна, какъ самая счастливая женщина въ замужествѣ. Обувалъ меня ея сынъ Алеша который долженъ былъ ѣхать и съ образомъ въ церковь. Въ башмакъ былъ положенъ крестной маленькій 3-хъ рублевый золотой.—Когда меня одѣвали, пріѣхалъ отъ жениха его шаферъ Эльканъ, съ огромнымъ подносомъ конфетъ и бонбоньерокъ моимъ подругамъ, мнѣ была прислана тоже прекрасная бонбоньерка, бѣлая атласная украшенная флеръ-де-оранжемъ. Шаферъ объявилъ, что женихъ дожидается меня въ церкви: мнѣ прикололи вѣнокъ изъ флеръ-де-оранжъ, накрыли громадной вуалью изъ тюля

и свели внизъ, тамъ стоялъ большой столъ, на немъ стоялъ черный громадный хлѣбъ съ серебряною солонкою полной соли на верху и другой бѣлый разукрашенный куличъ тоже съ серебряной солонкой; это были приношенія посаженныхъ отца и матери,—ржаной отъ Василія Васильевича, а бѣлый отъ Анны Васильевны. Первая при входѣ въ залу меня встрѣтила Александра Александровна, расцѣловала и сказала, что поѣдетъ меня вмѣстѣ съ крестной провожать въ церковь. Тутъ же послала она Колю съ огромной корзиной цвѣтовъ въ церковь, приказала тамъ усыпать цвѣтами полъ, изъ Любова тоже было привезено множество цвѣтовъ и букетовъ для моихъ подругъ, у меня былъ тоже прекрасный букетъ изъ бѣлыхъ левкоевъ съ бѣлыми лентами.—Около стола былъ разосланъ коверъ, и меня стали благословлять. Сначала благословила мать, потомъ Василій Васильевичъ, потомъ крестная; она передала образъ тетѣ и заставила ее непремѣнно благословить меня, говоря: „Вѣдь вы ей, моя дорогая, ближе всѣхъ насъ“. Потомъ я съ моими посаженными сѣли на секунду за столъ. Когда встали, меня заставили со всѣми проститься и, наконецъ, усадили въ карету; день былъ чудный, но тутъ нашло облако и черезъ солнце пошелъ дождь,—со мной крестная мать, Василій Васильевичъ и Александра Александровна,—и всѣ они сказали, что дождь предвѣщаетъ мнѣ счастливую жизнь. Въ церкви меня встрѣтилъ женихъ, грянулъ хоръ пѣвчихъ, весь полъ былъ усыпанъ цвѣтами. Насъ поставили на шелковыя розовыя подножки, дали въ руки нарядныя большія свѣчи. Вѣнчалъ насъ нашъ отецъ Петръ, который и крестилъ меня, а также и дьяконъ Иванъ Петровичъ, оба помнили мое рожденіе и крестины. Служба совершалась очень торжественно. Отецъ Петръ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ и служилъ прекрасно. Василій Васильевичъ до конца жизни вспоминалъ мою свадьбу и говорилъ, что лучшей службы во время совершенія брака онъ никогда не видалъ. Намъ надѣли и перемѣнили кольца, потомъ надѣли вѣнцы. Коля и тутъ не могъ не пошкольничать и время отъ времени изо всей силы нажималъ мнѣ на голову вѣнецъ.—И что то мнѣ нашептывалъ, но слушать мнѣ его не удалось. По окончаніи вѣнчанія мы отслужили молебенъ. Отецъ Петръ сказалъ моему уже мужу, а не жениху, маленькую рѣчь, прося его, со слезами въ голосѣ, любить и беречь меня. Потомъ всѣ стали насъ поздравлять, было очень шумно и суетливо, пѣвчіе все еще что то пѣли. И, наконецъ, насъ усадили въ карету, уже двоихъ съ мужемъ. Такъ, кончилась моя юность и я перестала быть дѣвочкой, а стала женщиной въ 15 съ половиной лѣтъ. Много пришлось вынести и хорошаго и дурного, много было разочарованій, обманутыхъ надеждъ, но все это я перенесла безъ отчаянія и тоски. Во всемъ

всегда мнѣ помогала любовь къ моему родному уголку. Я здѣсь въ моемъ родномъ Карцевѣ всегда находила покой и миръ душевный. Нигдѣ я такъ не молилась. какъ въ нашей бѣдной деревенской церкви. И вотъ, теперь уже 70-ти лѣтняя старуха, одна доживаю здѣсь мой вѣкъ и благодарю Бога, что онъ опять привелъ меня сюда. И надѣюсь на милосердіе Бога, что умру здѣсь, а не въ какомъ либо другомъ мѣстѣ.

Карцево.
30-го Марта 1913 г.